

И. Е. Великопольскій.

(1797 — 1868).

Настоящій историко-біографическій очеркъ, посвященный разсказу о жизни, трудахъ и злочленіяхъ одного изъ малоизвѣстныхъ писателей нашихъ, былъ начатъ мною по указанію Л. Н. Майкова, который совѣтовалъ мнѣ заняться собираніемъ и разработкой свѣдѣній о лицахъ, имѣвшихъ то или иное отношеніе къ Пушкину. Одобрительно отнесшись къ составленному мною, по его же указанію, біографическому очерку Я. Н. Толстого¹⁾, Леонидъ Николаевичъ ввѣрилъ моимъ попеченіямъ другого знакомаца Пушкина — Ивана Ермолаевича Великопольскаго, которому нашъ гениальный поэтъ въ 1826 году написалъ посланіе. Объ этомъ писателѣ въ нашей литературѣ не оказалось никакихъ свѣдѣній, если не считать одного небольшого некролога, написаннаго, по всей вѣроятности, его пріятелемъ В. Р. Зотовымъ и помѣщеннаго въ *Иллюстрированной Газетѣ* 1868 г.²⁾, двухъ извѣстій о смерти въ газетахъ³⁾, да составленныхъ по нимъ краткихъ замѣтокъ въ «Словарѣ» Геннади и въ «Источникахъ словаря русскихъ писателей» С. А. Венгерова. Но счастливый случай далъ мнѣ возможность познакомиться съ дочерью Ивана Ермолаевича — Надеждою Ивановной Чаплиной, которая съ рѣдкою любезностью прислала ко

1) *Русская Старина* 1899 г., №№ 9 и 10 и отдѣльно.

2) Т. XXI, № 9, стр. 143; извлеченіе изъ него — въ *Иллюстрированномъ Календарѣ* на 1869 г., стр. 311.

3) *Московскія Вѣдомости* 1868 г., № 40, стр. 3 и перепечатана въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1868 г., № 54.

мнѣ изъ с. Чукавина, Старицкаго уѣзда Тверской губерніи, всё сохранившіяся бумаги своего отца¹⁾, а также сообщила мнѣ свои о немъ воспоминанія, которыми я и буду пользоваться, какъ матеріаломъ.

Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить при этомъ случаѣ глубокоуважаемой Надеждѣ Ивановнѣ мою искреннюю благодарность за ея просвѣщенное содѣйствіе.

Иванъ Ермолаевичъ Великопольскій былъ потомкомъ стариннаго и богатаго дворянскаго рода, еще съ начала XVI ст. поселившася въ нынѣшней Псковской губерніи и верстаннаго за разныя службы помѣстьями въ Лукахъ Великихъ²⁾. Одному изъ членовъ этого рода — Николаю Великопольскому были пожалованы въ теперешнемъ Великолукскомъ уѣздѣ, по рѣкѣ Куніи, обширныя имѣнія, часть которыхъ и въ настоящее время состоитъ во владѣніи одного изъ его потомковъ — Ник. Ив. Великопольскаго³⁾.

Отецъ нашего писателя — Ермолай Ивановичъ, послѣдніе годы своей жизни проживавшій въ Казани, съ 1760 г. находился въ военной службѣ и въ 1774 г. въ чинѣ артиллеріи капитана служилъ въ Канцеляріи Конфискацій въ Москвѣ, затѣмъ былъ членомъ въ 1-мъ Департаментѣ Вотчинной Коллегіи, но вскорѣ снова одѣлъ военный мундиръ, былъ въ Ширванскомъ пѣхотномъ полку полковникомъ (1789 г.), командовалъ нѣкоторое время Пермскимъ полкомъ (1793 г.) и, наконецъ, дослужившись до чина генералъ-маіора (28-го іюля 1796 г.), вскорѣ вышелъ въ отставку⁴⁾.

Еще въ молодыхъ годахъ овдовѣвъ послѣ кратковременнаго и безплоднаго брака съ Устиньей Никитичной Радиловой (умерла 3-го іюля 1779 г.⁵⁾), Ермолай Ивановичъ женился вторично на богатой Казан-

1) Бóльшая часть ихъ не сохранилась; кое-что изъ полученныхъ матеріаловъ было обнаружено мною въ *Русской Старинѣ* 1901 г., №№ 6, 7 и 8 подъ заглавіемъ «Изъ архива И. Е. Великопольскаго»; тамъ же былъ помѣщенъ и портретъ Ивана Ермолаевича.

2) Архивъ Департамента Герольдіи Сената: гербовое дѣло Великопольскихъ 1794 г., съ продолж. 1814 и 1817 г.

3) Сообщеніе Н. И. Великопольскаго.

4) Мѣсяцесловы 1773—1779; «Пестрый альбомъ» И. Е. Великопольскаго (рукоп.).

5) «Путеводитель къ древностямъ и достопамятностямъ Московскимъ», ч. IV М. 1793, стр. 127 (здѣсь она названа Елизаветой) и семейныя бумаги Е. И. Великопольскаго.

ской помѣщицѣ княжнѣ Надеждѣ Сергѣевнѣ Болховской¹⁾, отъ которой имѣлъ, кромѣ сына Ивана, еще четырехъ дочерей²⁾. Объ немъ намъ извѣстно только то, что онъ «былъ стародавнимъ пріятелемъ М. Я. Мудрова и принадлежалъ къ одной съ нимъ масонской ложѣ»³⁾.

Иванъ Ермолаевичъ родился въ Казани 27-го декабря 1797 г. въ домѣ кн. Болховскихъ на Проломной улицѣ⁴⁾. Дѣтство его прошло въ кругу богатой помѣщицъей семьи, жившей на широкую ногу. Такъ, у Ермолая Ивановича, получившаго за женою большія помѣстья и жившаго то въ Казани, то въ 30 верстахъ отъ нея — въ селѣ Черемышевѣ, дважды въ недѣлю были приемные дни съ пышными обѣдами, за которыми однихъ слугъ было до тридцати человекъ. Несомнѣнно, поэтому, что нашъ писатель еще съ ранняго возраста пріобрѣлъ тѣ широкія замашки, которыя онъ проявлялъ, когда у него бывала къ тому возможность и отказаться отъ которыхъ его принудила только сила стѣсненныхъ обстоятельствъ.

Ивану Ермолаевичу едва исполнилось семь лѣтъ, какъ онъ лишился отца; а мать его, овдовѣвъ, вскорѣ (въ 1805 или 1806 г.) вышла замужъ вторично — за казанскаго же помѣщика надв. сов. Алексѣя Федоровича Моисеева⁵⁾, отъ брака съ которымъ имѣла еще троихъ дѣтей⁶⁾. Повидимому, вся семья жила дружно и весело, вполне обеспеченная тѣми 2000 душъ крестьянъ, которые принадлежали ей въ Казанской, Тверской и Псковской губерніяхъ и которыми руководила сама Надежда Сергѣевна, женщина умная и чрезвычайно энергичная.

1) Род. 3-го іюня 1770 г., ум. 9-го апрѣля 1823 г. въ Казани.

2) Изъ нихъ Любовь Ермолаевна (род. 21-го декабря 1791 г.) — за Александромъ Андреевичемъ Ростовскимъ; Прасковья Ермолаевна (род. 24-го декабря 1792 г., ум. 1-го октября 1842 г.) была за Гавр. Ив. Осокинымъ; Надежда Ермолаевна (род. 17-го іюня 1794 г.) — за Николаемъ Васильевичемъ Колбедкимъ и Фавста Ермолаевна (род. 16-го мая 1801 г.) — за Ив. Александр. Нератовымъ.

3) Воспоминанія Д. К. Тарасова — въ Рукоп. Отдѣл. Императорской Публичной Библіотеки. Сообщеніемъ этого свѣдѣнія я обязанъ Вл. Вл. Майкову.

4) Н. Н. Буличъ. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго Университета, т. I, Казань, 1887 г., стр. 277—279.

5) Род. 20-го мая 1755 г., ум. въ концѣ 1833 г.

6) Василий Алексѣевичъ (род. 4-го декабря 1809 г., ум. 1-го октября 1834 г.), бывшій драгоманомъ при посольствѣ въ Персію; Николай Алексѣевичъ (род. 8-го октября 1808 г.; о нихъ см. мою замѣтку въ *Русской Старинѣ* 1901 г., № 6, стр. 634—637) и дочь Варвара Алексѣевна (род. 27-го декабря 1812 г.), бывшая замужемъ за извѣстнымъ математикомъ, ректоромъ Казанскаго Университета Ник. Ив. Лобачевскимъ.

Въ концѣ января 1812 г. она подала въ Казанскій Университетъ прошеніе о принятіи сына ея Ивана «въ число студентовъ для слушанія профессорскихъ и адъюнкторскихъ лекцій на своекоштное дворянское содержаніе»¹⁾. При прошеніи была приложена записка съ перечнемъ предметовъ, которые проходилъ Великопольскій въ домѣ родителей. Изъ записки этой явствуетъ, что онъ, на первомъ мѣстѣ, изучалъ «французскій и нѣмецкій языки по правиламъ», затѣмъ — «всеобщую исторію, географію и статистику, ариметику, алгебру, геометрію и тригонометрію, начало физики, грамматику и правила слога руссійскаго языка».

Съ такимъ-то запасомъ свѣдѣній и знаній нашъ писатель предсталъ 6-го февраля 1812 г. передъ профессоромъ Иваномъ Томасомъ и адъюнктами Петромъ Кондыревымъ и Григоріемъ Никольскимъ, которые произвели ему экзаменъ и на другой же день подали въ Совѣтъ Университета слѣдующее представленіе:

«По препорученію Совѣта испытывали мы просящагося въ студенты Университета Ивана Великопольскаго въ предметахъ, нужныхъ для слушанія академическихъ преподаваній и нашли его весьма хорошо успѣвшимъ и достойнымъ быть помѣщеннымъ въ число студентовъ младшаго отдѣленія». Перечисливъ, затѣмъ, подробно всѣ предметы, по которымъ произведено было испытаніе, экзаменаторы пришли къ вполне благопріятному выводу о результатахъ домашняго образованія, полученнаго богатымъ баричемъ.

Въ Университетѣ Великопольскій пробылъ всего неполныхъ три года. Пройдя въ это время «положенный студентскому ученію курсъ», онъ въ октябрѣ 1814 г. подалъ въ Правленіе Университета прошеніе объ увольненіи его для поступленія на службу. Изъ отзывовъ профессоровъ И. Θ. Яковкина, Иог. Бартельса, К. Ф. Ренца, бар. Е. В. Врангеля, В. М. Перевощикова, П. С. Кондырева, Г. Н. Городчанинова, И. Г. Томаса, И. М. Симонова, А. С. Лубкина, К. Θ. Фукса, А. В. Кайсарова, Н. М. Алехина и С. С. Петровскаго видно, что Великопольскій съ отмѣнными успѣхами прослушалъ курсы: исторіи, географіи, статистики, алгебры, тригонометріи, дифференціального исчисленія, аналитики, геометріи, руссійскаго и уголовнаго права, исторіи правъ рос-

1) Архивъ Казанскаго Университета: дѣло о студентѣ Великопольскомъ 1812—1814 г.; копии съ документовъ получены мною отъ А. И. Михайловскаго при любезномъ содѣйствіи Вс. И. Срезневскаго.

сѣйскихъ, правъ естественнаго и римскаго, политической экономіи, россійской словесности, психологіи, логики, естественной исторіи, опытной физики, практической геометріи и даже основаній военной и гражданской архитектуры.

19-го октября 1814 г. Иванъ Ермолаевичъ получилъ аттестатъ, простился съ Университетомъ и отправился искать счастья въ Петербургъ, гдѣ уже 2-го мая 1815 г. поступилъ на службу — подпрапорщикомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ. Съ молодымъ баринномъ былъ отправленъ изъ Казани старый его дядька Николай Малышевъ, который съ этого времени уже не разставался съ нимъ, раздѣляя его горе и радость, будучи ему и другомъ, и слугою, и совѣтникомъ.

Со времени переселенія въ Петербургъ, Великопольскій начинаетъ предаваться литературнымъ занятіямъ и входитъ, мало-по-малу, въ петербургскіе литературные кружки.

Страсть къ писательству появилась у Великопольскаго очень рано; такъ, изъ собственноручныхъ его помѣтокъ видно, что уже въ 1810 г. онъ писалъ стихи; первымъ его произведеніемъ была пѣсня «Къ голубку» — весьма слабое подражаніе Дмитріеву¹⁾. Въ 1811 г., то-есть 14-ти лѣтъ отъ роду, какъ значитъ въ рукописи, имъ переведена была въ прозѣ, съ французскаго языка, «драма въ одномъ дѣйствіи» — «Филемонъ и Бавкида»²⁾. Этими двумя произведеніями открываются длинный, можно сказать безконечный рядъ опытовъ Великопольскаго «во всѣхъ родахъ»: среди его стихотвореній мы находимъ элегіи, посланія, эпиграммы, мадригалы, тріолеты, *bouts-rimés*, пѣсни въ русскомъ духѣ, басни, эпитафіи, надписи и т. д. до шарадъ и загадокъ въ стихахъ включительно.

Всѣ свои досуги (а ихъ, конечно, было не мало у гвардейскаго офицера) Великопольскій посвящалъ литературнымъ занятіямъ, и видно по его тетрадямъ, что занятія эти съ годами становятся для него болѣе и болѣе дорогими. Онъ съ рѣдкимъ усердіемъ работаетъ надъ своими стихотвореніями (среди которыхъ есть не мало удачныхъ), часто перечитываетъ ихъ, и на многихъ піесахъ молодыхъ лѣтъ, написанныхъ

1) Рукописный сборникъ «Мои досуги», стр. 40—41.

2) Тамъ же, стр. 5—38 и «Опыты въ словесности», тетр. I (рукоп.).

красивымъ и мелкимъ, какъ бисеръ, почеркомъ, видны поправки, сдѣланныя уже старческой рукой, а это свидѣтельствуемъ намъ объ одномъ изъ отличительныхъ свойствъ Ивана Ермолаевича — изумительной энергіи, подвижности и вѣчной юности духа.

Дальше мы ближе познакомимъ читателя съ музой Великопольскаго, сдѣлавъ нѣсколько выписокъ изъ дошедшихъ до насъ его многочисленныхъ рукописей, а пока остановимся на жизни нашего писателя въ Петербургѣ до 1820 года.

Приѣхавъ въ столицу, молодой подпрапорщикъ повелъ веселую жизнь свѣтскаго богатаго гвардейца. Мать высылала ему по 1500 р. въ годъ, что по тѣмъ временамъ являлось суммою весьма приличною; онъ не отказывалъ себѣ въ развлеченіяхъ, завязывалъ знакомства въ высшемъ свѣтѣ, чему, между прочимъ, способствовало прекрасное знаніе имъ французскаго языка, остроуміе и живой и веселый характеръ. Поселился онъ со своимъ однополчаниномъ — Николаемъ Николаевичемъ Анненковымъ¹⁾, такъ же какъ и онъ самъ не чуждымъ занятій словесностью²⁾, и, мало-по-малу, познакомился со многими представителями тогдашней литературы, черезъ которыхъ вошелъ и въ литературныя общества. Такъ, въ первой половинѣ 1819 г. онъ былъ избранъ³⁾, по представленіи басни «Розы и рожка»⁴⁾ въ дѣйствительные члены Общества любителей словесности, наукъ и художествъ. Иванъ Ермолаевичъ, какъ видно изъ протоколовъ, усердно посѣщалъ эти засѣданія, представляя на судъ сочленовъ свои стихотворенія и прозаическіе опыты. Въ первый же годъ своего членства онъ былъ на шести собраніяхъ и представилъ: «Отрывокъ изъ комедіи «Стихокраповъ»⁵⁾, читанный

1) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, членъ Государственнаго Совѣта (род. 1800 ум. 1865).

2) Стихи его, между прочимъ, помѣщались въ *Благонамѣренномъ*; онъ такъ же, какъ и Великопольскій, былъ членомъ Общества любителей словесности, наукъ и художествъ.

3) Сообщено мнѣ изъ архива общества Ив. Андр. Кубасовымъ.

4) Напечатана въ *Благонамѣренномъ* 1819 г., ч. VI, № 10, стр. 213—214.

5) Эта комедія была имъ написана гораздо раньше. Вотъ что писалъ Иванъ Ермолаевичъ къ редактору какого-то журнала въ Москвѣ, уже въ октябрѣ 1817 г.: «М. Г.! Читая Державина или Дмитриева, кто не позавидуетъ ихъ генію, кто не пожелаетъ быть на ихъ мѣстѣ и наслаждаться ихъ славою? Но, къ несчастію, судьба слишкомъ дорожитъ такими дарами, а тѣ, которые хотятъ насильно ихъ у нея похитить и приступомъ взобраться на Парнасъ, —

19-го сентября; стихотвореніе «Сила воображенія»¹⁾; далѣе—«Счастливая минута» (читаны 25-го сентября), «Рѣшительная минута (послѣ небольшого проигрыша)»²⁾, «Въ альбомъ А. Ф. Ш.» (акростихъ)³⁾, «Ода къ безбожнику во время сильной грозы»⁴⁾ и «Внезапная перемѣна»⁵⁾. Въ 1820 году, на торжественномъ собраніи Общества 15-го іюля, одинъ изъ членовъ его — В. М. Княжевичъ — прочелъ стихотвореніе Ивана Ермолаевича — «Срубленная роща (подражаніе Мильвуа)»⁶⁾, а самъ авторъ въ одномъ изъ засѣданій представилъ написанную имъ въ прозѣ «Мадагаскарскую повѣсть» — «Король Заунно», которую онъ напечаталъ въ журналѣ *Соревнователъ просвѣщенія и благодѣанія* за 1820 годъ (ч. XI, № 8, стр. 178—189), а затѣмъ,

Оступаются и внизъ летятъ
 Не съ вѣнцами и не съ лаврами,
 Но съ ушами (ахъ!) ослиными!

Я также былъ восхищенъ при чтеніи сихъ безсмертныхъ твореній и также воспламенился желаніемъ писать, если не надѣясь сравниться съ сими великими поэтами, то, по крайней мѣрѣ, ревнуя чести подражать имъ. Итакъ, свободное время, остающееся мнѣ отъ занятій военной службы, посвятилъ я на служеніе Музамъ. Не знаю, пріятны-ли имъ мои жертвы, но молю ихъ подать мнѣ руку, — если не для того, чтобы взвести выше на священную гору, то хотя поддержать и не дать упасть съ перваго шага, который я осмѣлился сдѣлать.

Между прочими сочиненіями началъ я комедію «Стихокраповъ», написалъ первое явленіе и, по нѣкоторымъ причинамъ, раздумалъ продолжать. Многіе изъ моихъ пріятелей, которымъ этотъ отрывокъ понравился, совѣтовали мнѣ его напечатать. Я сперва отговаривался, но, наконецъ согласился. Чортъ дернулъ — такъ и быть!

Общее уваженіе, которое имѣютъ къ издаваемому Вами журналу, возродило во мнѣ желаніе помѣстить въ немъ и мой отрывокъ. Смѣю надѣяться, что Вы не откажете мнѣ въ этой чести.

Признаюсь, я не безъ страха пускаюсь въ первый разъ на поприще литературы: мнѣ кажется, что звѣридная критика уже точитъ лезвее косы своей, готовясь погубить несчастное дитя моего воображенія при самомъ появленіи его на свѣтъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.»

Письмо это, должно быть, осталось не отправленнымъ, а отрывокъ изъ «Стихокрапова» былъ помѣщенъ въ 1819 г. въ № 19 *Благонамъреннаго* (стр. 16—20).

1) *Благонамъренный* 1819 г., ч. VIII, № 20, стр. 65—67.

2) Тамъ же, 1820 г., ч. XI, № 16, стр. 261—263.

3) Тамъ же, 1819 г., ч. VIII, № 22, стр. 209.

4) Тамъ же, 1820 г., ч. XI, № 14, стр. 107—108.

5) Тамъ же, ч. XI, № 15, стр. 188. Кромѣ того, въ томъ же журналѣ за 1819 г. были напечатаны еще слѣдующія произведенія Великопольскаго: «Восторгъ» (ч. VI, № 10, стр. 213—214) и «Аполлонъ на чердакѣ поэта» — подражаніе баснѣ Измайлова «Стихотворецъ и чортъ» (ч. VIII, № 22, стр. 205—206).

6) Напечатано тамъ же, 1820 г., ч. XI, № 14, стр. 111—113.

въ 1823 г. переложивъ въ стихи, двѣ послѣднія пѣсни ея помѣстилъ въ *Благонамѣренномъ* 1824 г. (ч. XXVI, № 11).

Слѣдующіе годы, какъ мы увидимъ ниже, Великопольскій проводилъ уже не въ Петербургѣ, но, не смотря на это, онъ продолжалъ присылать въ Общество плоды своей музы¹⁾, которая навѣщала его очень часто.

Почти одновременно со вступленіемъ въ общество Измайлова, Иванъ Ермолаевичъ былъ также принятъ въ члены-сотрудники Вольнаго Общества любителей російской словесности (23-го августа 1818 г.)²⁾; но здѣсь его участіе выразилось лишь въ томъ, что онъ напечаталъ въ органѣ Общества — *Соревнователь просвѣщенія и благодѣянія* повѣсть «Король Заушно», да маленькую, въ четыре строки, эпиграмму:

«Клитандръ! Я слышалъ, ты намѣренъ
Писать комедію на смѣхъ твоимъ врагамъ:
Смѣяться стануть, — будь увѣренъ,
Да не заплачь ты самъ!»³⁾

Чтобы покончить съ обзоромъ литературной дѣятельности Великопольскаго за этотъ періодъ времени, слѣдуетъ только сказать, что произведенія его печатались, главнымъ образомъ, въ томъ же *Благонамѣренномъ*, который, какъ извѣстно, съ охотой помѣщалъ на своихъ страницахъ стихотворенія начинающихъ авторовъ, а особенно тѣхъ, которые состояли членами Общества, во главѣ коего стоялъ издатель этого журнала Измайловъ⁴⁾. Кромѣ того, въ *Сынъ Отечества* 1820 г. (ч. 61,

1) Такъ, онъ представилъ въ 1821 г. стихотворенія (см. ниже, примѣчаніе 4): «Прогулка» (писано въ лагерѣ), «Къ печальной красавицѣ», «Философія счастливаго», «Надпись къ портрету Кутузова», «Эпиграмма», «Къ Н. Н. Анненкову при подареніи ему книги для вписыванія его сочиненій», «Посланіе» и «Элегическая пѣснь». Въ 1822 г. онъ представилъ стихотворенія: «Чувства при видѣ Бородинскаго поля» (читано 12-го января; напечатано въ *Благонамѣренномъ* въ 1822 г., ч. XVII, № 3, стр. 119—122, въ «Собраніи новыхъ русскихъ стихотвореній, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1821 по 1823 г.» (С.-Пб. 1824 г., ч. I, стр. 271—273) и въ *Славянинъ* 1827 г., ч. I, стр. 52—54), «Тоска въ разлукѣ», и «Непонятная грусть»; въ 1824 г. былъ представленъ 1-й актъ изъ переведенной имъ трагедіи Вольтера «Заира».

2) *Соревнователь* 1823 г., ч. 24, № 12, стр. 315.

3) *Соревнователь* 1820 г., ч. XI, № 8, стр. 213.

4) Въ *Благонамѣренномъ* напечатаны слѣдующія произведенія Великопольскаго, кромѣ названныхъ уже выше: въ 1820 г.: «Романсы» (ч. IX, № 1, стр. 44—46); «Роза»

№ 19, стр. 316—320) было напечатано «Письмо» Великопольскаго къ издателю, заключающее въ себѣ описаніе торжественныхъ проводовъ, устроенныхъ 22-го апрѣля 1820 г. офицерами л.-гв. Семеновскаго полка своему полковому командиру генералъ-адъютанту Я. А. Потемкину, пользовавшемуся особенною любовью своихъ подчиненныхъ и сослуживцевъ, по случаю ухода его изъ полка; здѣсь же приведены были и стихи, сочиненные на этотъ случай однимъ изъ офицеровъ полка и пѣтые во время прощальнаго обѣда, а также «Пѣсня», сочиненная товарищемъ Великопольскаго — Н. Н. Анненковымъ для солдатскаго хора. Самъ Иванъ Ермолаевичъ также написалъ по этому случаю элегію «Воины, разлучившіеся съ вождемъ», которая была напечатана въ *Благонамѣренномъ* 1820 г. (ч. X, № 8, стр. 189—191).

1820-й годъ имѣлъ особенное значеніе въ жизни Великопольскаго и навсегда остался для него памятнымъ: въ этомъ году блестящій гвардеецъ попалъ въ глухую провинцію и, вслѣдствіе несчастнаго проигрыша, сильно разстроилъ свое состояніе.

Отправившись въ трехъ-мѣсячный отпускъ въ концѣ 1819 г.¹⁾, онъ въ Москвѣ пустился въ крупную игру и, сдѣлавъ большой долгъ своему счастливому партнеру²⁾, явился къ матери въ Казань. Надежда Сергѣевна Моисеева съ большою строгостью отнеслась къ этому извѣстію, привезенному сыномъ, и наотрѣзъ отказалась уплатить его долгъ; а Иванъ Ермолаевичъ, пріѣхавъ въ Петербургъ и пытаясь отыграться, проигрывалъ все больше и больше.

(ч. XI, № 15, стр. 192) и «Федулова находка» (тамъ же, стр. 196—197); въ 1821 г.: «Надпись къ портрету Кутузова» (ч. XIII, № 3, стр. 143), «Н. Н. А(нненкову) при подареніи ему книги для вписыванія его сочиненій» (тамъ же, стр. 146), «Къ А.....ву (при полученіи повелѣнія о походѣ во время безпокойствъ въ Италиі)» (тамъ же, № 4), «Философія счастливаго» (тамъ же, № 5, стр. 270—271), «Прогулка; писано въ лагерѣ 1820 г.» (тамъ же, № 6, стр. 310—312) и «Къ печальной красавицѣ» (ч. XVI, №№ 19 и 20, стр. 11—12); въ 1822 г.: «Тоска въ разлукѣ» (ч. XVIII, стр. 513—514); «Непонятная грусть» (тамъ же, стр. 514—515); «Къ вѣроломной Темирѣ» (ч. XVII, № 8, стр. 325—326), «Триолетъ (въ альбомѣ Е. А. Т.... вой)» (тамъ же, № 9); «Въ альбомѣ П. Н. А.» (тамъ же, № 9) и «Мальчишка и оселъ», басня (тамъ же, № 10, стр. 397—398). Наконецъ, въ 1825 г. — «Лошадь съ возомъ», сказка (ч. XXIX, № 2).

1) Съ 9-го февраля этого года онъ имѣлъ уже чинъ подпоручика (Формулярный списокъ за 1826 г. въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба).

2) По сообщенію Н. И. Чаплиной, это былъ его товарищъ по Семеновскому полку Ив. Степан. Зворыкинъ, выигравшій у Ивана Ермолаевича 30000 рублей.

Къ этому несчастію вскорѣ присоединилось и другое: въ октябрѣ 1820 г. весь Семеновскій полкъ, какъ извѣстно, взбунтовался противъ своего жестокаго командира полковника Шварца, отличавшагося безчеловѣчнымъ обхожденіемъ съ солдатами. И хотя Иванъ Ермолаевичъ (какъ сообщаетъ Н. И. Чаплина) былъ въ это время въ отпуску, однако и онъ раздѣлилъ участь остальныхъ своихъ товарищей, которые, при раскассировкѣ Семеновскаго полка, были разосланы, безъ права отставокъ и отпусковъ, по разнымъ армейскимъ полкамъ, квартировавшимъ по провинціальнымъ городкамъ и мѣстечкамъ: высочайшимъ приказомъ отъ 2-го ноября 1820 г. онъ былъ переведенъ въ Пѣхотный фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго (Псковскій) полкъ, однако, съ повышеніемъ въ чинъ штабсъ-капитана, но уже 12-го января 1821 г., вѣроятно еще не явившись къ мѣсту новаго своего служенія, перевелся въ Староингерманландскій пѣхотный полкъ, стоявшій во Псковѣ и его окрестностяхъ. По счастью, здѣсь онъ встрѣтился со своимъ сослуживцемъ по Семеновскому полку и пріятелемъ Иваномъ Андреевичемъ Михайловымъ¹⁾, съ которымъ съ этого времени и дѣлилъ всѣ свои невзгоды.

Вспоминая, 10 лѣтъ спустя, объ этой грустной эпохѣ своей жизни, вотъ что, между прочимъ, писалъ въ откровенную минуту Иванъ Ермолаевичъ къ своей старой знакомой — Аннѣ Михайловнѣ Еремѣевой²⁾, которая въ это время играла роль его свахи: ... «Жизнь моя представляетъ много колебаній; но, каковъ-бы ни былъ пловецъ, онъ долженъ, наконецъ, бросить якорь, или онъ — сумасшедшій! Кто не безумствовалъ, но кто же и не переставалъ безумствовать? Впрочемъ, въ моей жизни нѣтъ чернаго пятна, нѣтъ поступковъ безнравственности, а были только порывы необдуманной молодости: таковъ былъ московскій мой проигрышъ въ 1820 году, который все отравилъ! Несчаст-

1) Воспоминанія Н. И. Чаплиной. Ср. П. П. Диринъ. Исторія л.-гв. Семеновскаго полка, т. I, С.-Пб. 1883 г., стр. 52 приложенія: онъ изъ подпоручиковъ Семеновскаго полка также былъ переведенъ въ 1820 году штабсъ-капитаномъ въ Староингерманландскій полкъ.

2) Письмо изъ Петербурга отъ 1-го октября 1831 г. Анна Михайловна Еремѣева (р. 28-го января 1795 г., † 18-го марта 1865 г.), дочь Мих. Ант. Прокоповича-Антонскаго, была замужемъ за гвардіи поручикомъ Львомъ Ивановичемъ Еремѣевымъ († 1853 г.); ея братъ, Дмитрій Михайловичъ Прокоповичъ-Антонскій († 1870 г.), впоследствии д. т. с., былъ также въ дружескихъ отношеніяхъ съ И. Е. Великопольскимъ.

ный переворотъ съ Семеновскимъ полкомъ лишилъ меня возможности заниматься имѣніемъ въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ! Вотъ что сдѣлалъ мой долгъ. Вы знаете, что я никогда не былъ игрокомъ, но былъ заведенъ людьми черными; мнѣ было двадцать лѣтъ — вотъ мое оправданіе».

Итакъ, Иванъ Ермолаевичъ попалъ въ глухую провинцію. Полкъ его былъ въ постоянномъ движеніи: онъ стоялъ то во Псковѣ, то въ Великихъ Лукахъ, то по разнымъ деревнямъ губерніи, какъ тѣ можно видѣть изъ помѣтокъ подъ стихотвореніями нашего автора, для котораго литературныя занятія теперь являлись чуть ли не единственнымъ якоремъ спасенія среди окружавшей его сѣрой кочевой жизни армейскаго офицера; недавній долгъ также, вѣроятно, напоминалъ о себѣ... Прибавимъ къ этому, что «полковое начальство его не жаловало»¹⁾, да и новые товарищи также относились не совсѣмъ дружелюбно къ бывшему гвардейцу, который сразу и по чину, и по должности (онъ былъ ротнымъ командиромъ) сталъ выше многихъ старыхъ полковыхъ служаекъ.

Намъ ничего неизвѣстно о знакомствахъ, прибрѣтенныхъ Иваномъ Ермолаевичемъ въ новомъ мѣстѣ своего пребыванія, которое, къ тому-же, какъ мы сказали, часто мѣнялось. По словамъ Н. И. Чаплиной, во Псковѣ отцу ея, вмѣстѣ съ товарищемъ его И. А. Михайловымъ, «единственной отрадой служило семейство Бибиковыхъ²⁾: тамъ было три дочери, взрослыя дѣвѣцы; и отецъ мой, и Михайловъ были въ этомъ домѣ завсегдатаями» и ухаживали за барышнями; слѣды

1) Воспоминанія Н. И. Чаплиной.

2) Это было семейство ст. сов. Михаила Ивановича Бибикова († въ февралѣ 1827 г.), бывшаго съ 1800 по 1812 г. Псковскимъ вице-губернаторомъ; въ 1812 г., по именному указу Александра I онъ былъ освобожденъ отъ слѣдствія (подъ коимъ находился долгое время) во вниманіе къ заслугамъ зятя его А. С. Фигнера и съ тѣхъ поръ жилъ то во Псковѣ, то въ одномъ изъ своихъ имѣній, которыя у него были въ Псковскомъ, Холмскомъ и Опочецкомъ уѣздахъ Псковской губерніи (въ послѣднемъ уѣздѣ ему принадлежали: село Клипковичи и дер. Бараново и Шитиково). Семья его состояла изъ жены — Маргариты Ивановны, рожд. Назимовой и дочерей: Софьи Михайловны (род. 17-го апрѣля 1795 г., ум. 27-го августа 1864 г.), вышедшей впоследствии за полк. Джонсона; Елизаветы Михайловны, умершей въ дѣвчествѣ и Настасьи Михайловны, бывшей впоследствии за Григоріемъ Васильевичемъ Томилинымъ. Старшая дочь Михаила Ивановича — Ольга Михайловна (ум. въ С.-Пб. 15-го февраля 1858 г.) также жила съ родителями, потерявъ въ 1813 г. своего мужа, извѣстнаго партизана А. С. Фигнера.

дружескихъ отношеній Ивана Ермолаевича къ Настасьѣ и Софьѣ Михайловнамъ Бибиковымъ сохранились въ тетрадахъ его стихотвореній. Читатель найдетъ ихъ ниже.

Литературная дѣятельность Ивана Ермолаевича, какъ мы уже сказали, шла не только не ослабѣвая, но, подѣ вліяніемъ вышеуказанныхъ причинъ, развивалась все болѣе и болѣе и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи: по его словамъ (въ посланіи къ А. П. Великопольской, 1826 г.) онъ

... часто весь службы
Досугъ посвящаль
Богинямъ Парнасса...

Онъ не переставалъ посылать плоды своей музыки въ редакцію *Благонамъреннаго*, на страницахъ коего они и появлялись въ 1821—1825 гг.¹⁾, по прекращеніи же его въ 1826 г., стихотворенія Великопольскаго помѣщались въ альманахахъ: *Сѣверные Цѣтты* на 1826 и на 1827 гг.²⁾ и въ *Календарь Музъ* на 1827 г.³⁾

Я позволю себѣ привести, какъ образчикъ, нѣсколько большею частью неизданныхъ произведеній музыки нашего писателя, изъ которыхъ выяснится какъ настроеніе Ивана Ермолаевича во время жизни въ провинціи, такъ равно получится возможность каждому судить о качествахъ его стихотвореній. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ⁴⁾.

I.

Курная изба

(во время зимней военной стоянки).

Одинъ, въ умѣ съ тяжелой думой,
Въ душѣ съ обманутой мечтой,
Во мракѣ темноты угрюмой

1) См. выше.

2) «Къ подаренному локону» (*Сѣверные Цѣтты* на 1826 г., стр. 116—117) и «Воспоминаніе» (Изъ Ламартина) — въ *Сѣверныхъ Цѣттахъ* на 1827 г., стр. 307—309.

3) «Переида». Элегія (изъ сочиненій Мильвуа), стр. 74—78.

4) Пользуемся рукописнымъ сборникомъ подѣ заглавіемъ «Мои новыя стихотворенія», изъ коихъ сохранились тетради съ 1 по 16; въ нихъ вошли стихотворенія съ 1821 до 1829 г. включительно.

Избы холодной и курной,
Безъ наслажденій, безъ надежды
Къ премѣнѣ будущаго дня, —
Сижу, задумчиво склоня
Къ землѣ поникнувшія вѣжды.
Ничто не борется съ тоской,
Ничто душѣ не улыбнется,
Лишь птица, снѣгъ браздя крыломъ,
Порою вскрикнетъ подъ окномъ;
Лишь искра свѣтлая сорвется
Со дровъ, трещащихъ надъ огнемъ,
И въ дымномъ облакѣ провется
Подъ закоптѣлымъ потолкомъ.
Не скрипнетъ дверь, впуская друга;
Не улыбнется мнѣ подруга,
Сквозь мракъ подкравшися тайкомъ...
Отрада сердцу измѣнила,
Какъ будто смерть своимъ жезломъ
Въ могилу все преобразила...
Сижу съ стѣсненною душой
И, молча, вслушиваюсь въ бой
Часовъ, лежащихъ предо мной,
И на глазахъ моихъ блистаетъ
Невольню рядъ тяжелыхъ слезъ...
Какую мысль въ умѣ рождаетъ
Цѣпь эта звуковъ, сихъ колесъ
Однообразное движенье?
Напрасно слухъ спѣшитъ имъ въ слѣдъ!
Нѣтъ настоящаго мгновенья:
Едва ударить, — и ужъ нѣтъ,
И новый звукъ, и снова стихнетъ,
И вслѣдъ другой уже идетъ.
И жизнь не такъ-же-ли? Вдругъ вспыхнетъ
И чрезъ мгновеніе замретъ!
Къ чему-жъ безумное стремленье
За всей толпой мірскихъ суетъ?

Всегда благое Провидѣнье
 Насъ къ благу создало на свѣтъ
 И цѣль одна въ немъ — наслажденье!
 Мы умираемъ каждый часъ,
 Минута каждая для насъ
 Есть къ гробу тихое сближенье...
 Чего-же медлить? Часъ пробѣтъ, —
 Никто былого не вернетъ!
 Спѣшите-жъ склонностей любимыхъ
 Желаньямъ чистымъ угодить
 И дни молодые угостить
 Какъ ужъ гостей невозвратимыхъ!
 Но я?.. Злой рокъ уже сгубилъ
 Мою развѣнчанную младость
 И жизни вѣтрѣнную радость
 Слезой тяжелой заточилъ!
 Въ печали сердца, безъ привѣта,
 Молодые дни разсорены!
 Еще не зрѣвъ моей весны,
 Ужъ я стою въ срединѣ лѣта!
 Не дремлетъ время, мигъ летить,
 За часомъ часъ во слѣдъ спѣшитъ
 И годъ за годомъ такъ промчится. —
 Былое въ память возвратится,
 Но наслажденье не придетъ!
 Съ лѣтами тихо упадетъ
 За листомъ листъ отъ жизни цвѣта, —
 И я угасну безъ разсвѣта!

1-го марта 1824 г.

Дер. Сидорово, близъ Пскова ¹⁾).

1) Напечатано въ сборникѣ произведеній Великопольскаго: «Раскрытый портфель» (С.-Пб. 1859, стр. 221—223).

II.

Посланіе Вольтера къ Бернарду.

Въ честь Музамъ и Эроту
 Вольтеру велѣно Бернарда извѣстить,
 Что, юнымъ граціямъ въ угоду,
 Науку милую любить

Искусство нравиться ждетъ ужинать въ субботу.

Псковъ, 25-го марта 1824 г.

III.

Въ альбомъ Наст. Мих. Бибиковой.

Я не пророкъ, не чародѣй:
 Волхвовъ не вѣдая ученья,
 Я не могу судьбы людей
 Читать въ безмолвіи путей
 Свѣтилъ полунощныхъ теченья.
 Но я Васъ знаю — я поэтъ:
 Чего-же больше? Вдохновенный,
 Моей души пролью я свѣтъ
 Во мракъ судьбины отдаленной.
 Завѣса тайны, прочь съ очей!
 Но что я вижу? Средь лучей,
 Цвѣтами радуги блестящихъ,
 Средь юныхъ геніевъ, парящихъ
 Въ кипящихъ свѣтомъ облакахъ,
 Я слышу жалобы, вздыханья,
 Я вижу томныя страданья,
 Съ слезой тяжелой на очахъ,
 И мрачной скорби покрывало
 На ихъ накинуто главы.
 Кто-жь всѣхъ несчастій сихъ начало?
 Хотите-ль знать? — То сами Вы.
 Вы ужаснулись? Но судите,
 Отъ Васъ сокрыть могу-ли зло?
 Предъ Вами зеркало: взгляните, —

И то-же скажетъ Вамъ стекло.
 Съ такою милою красотою,
 Съ такой прелестною душою
 Нельзя не быть виною бѣдъ:
 Такъ боги міръ установили,
 Такъ терніемъ они покрыли
 Веселія земного слѣдъ.
 Но успокойтесь! Безъ сомнѣнья
 Не вѣчно будетъ время слезъ:
 Къ Вамъ геній спустится съ небесъ, —
 И улыбнется утѣшенье,
 И счастье въ радостныхъ лучахъ
 Опять появится въ очахъ,
 Освобожденное отъ плѣна.
 Кто-жъ вѣстникъ счастья сего?
 Вглядитесь пристально въ него, —
 И Вы узнаете Гимена.

Псковъ, 6-го апрѣля 1824 г.

Другой сестрѣ, Софѣ Михайловнѣ Бибиковой Иванъ Ермолаевичъ написалъ 8-го апрѣля 1824 г., во Псковѣ, слѣдующее не лишенное остроумія четверостишіе:

IV.

Въ Альбомѣ.

Пусть скептики добра, въ бреду своемъ рѣчиствомъ,
 Любовь къ изящному софизмомъ назовутъ
 И мракъ души своей на свѣтъ природы льютъ:
 Я знаю Софію — и буду вѣкъ софистомъ!

V.

Отрывокъ изъ письма къ Ив. Ив. Пущину.

Давно невѣрная забыла
 Гвардейца милаго любовь!
 Волнуясь новой страстью, кровь
 Мечты дней прежнихъ измѣнила...

Средь молчаливыхъ спальни стѣнъ,
 Рукой супруга торопливой,
 Уже совлекъ съ нея Гименъ
 Покровъ невинности стыдливой.
 Она краснѣетъ и молчитъ,
 Но блѣдность розъ и томны очи, —
 Все тихо взору говоритъ
 О наслажденьѣ тайномъ ночи.

.....
 Но ты-ль, въ столицѣ красоты,
 Припомнишь прежнія забавы?
 Оставляя поле суеты,
 Трудясь для блага и для славы,
 Быть можетъ съ важностью судьи,
 Наперсникъ, жрецъ и другъ Ѳемиды¹⁾,
 Давно ты вымолвилъ «прости»
 Любимцу рѣзвому Киприды?
 Или, отбросивши усы,
 Но такъ-же пламенный душою,
 Ведешь волшебные часы,
 Но ужъ съ волшебницей другою,
 И въ вѣжной радости сердець
 Вамъ настоящее лишь мило, —
 А я твержу тутъ, какъ глупецъ,
 О томъ, что годъ назадъ ужъ было!

Динабургъ, 28-го юля 1824 г.

VI.

Романсъ.

Пѣвецъ любви! Крѣпясь отъ слѣзъ,
 Ты-ль молишь дружбы состраданья!
 Кто мракъ и скорбь къ тебѣ занесъ,

1) Какъ разъ въ это время И. И. Пущинъ, по собственнымъ словамъ, «сбросилъ конно-артиллерійскій мундиръ и преобразился въ судью Уголовнаго Департамента Московскаго Надворнаго Суда» (*Л. Н. Майковъ*. Пушкинъ. С.-Пб. 1899, стр. 76).

Кто сердца обманулъ желанья?
 Давно-ль еще въ кругу друзей
 Ты беззаботную пѣлъ радость?
 Кто потушилъ огонь очей
 И жизни пламенную младость?
 Несчастнѣй другъ! Въ борьбѣ души
 Я тайнѣ внялъ сердечной боли;
 Ты пѣлъ любовь, не знавъ любви,
 Въ свободѣ чувствъ искалъ неволи.
 Поклонникъ музъ и красоты,
 Безпечно радости ты вѣрилъ,
 Но опытъ снялъ покровъ мечты
 И сердце въ счастье разувѣрилъ.
 Узнавъ любовь, позналъ ты въ ней
 Одинъ обманъ очарованій,
 Ничтожность клятвъ и ложь очей
 И ядъ плѣнительныхъ лобзаній.
 И дружбою-ль минувшихъ дней
 Ты возвратишь часы крылаты?
 Увы, пѣвецъ! Сердца друзей
 Не замѣнятъ любви утраты!

16-го сентября 1824 года,
 дорогою изъ Динабурга въ Великіе Луки.

VII.

Къ друзьямъ ¹⁾).

Мои друзья! Я вамъ наскучилъ
 Моимъ нахмуреннымъ челомъ!
 Всегда въ враждѣ съ моимъ умомъ,
 Невольно васъ я всѣхъ измучилъ
 Меня измучившей тоской.
 Какъ пѣшки, слабыя собой,
 Въ бореньѣ шахматномъ забыты
 Небрежной игрока рукой

1) По Семеновскому полку. Б. М.

Стоять безъ пользы и защиты, —
Такъ я забыть моей судьбой,
Вапш собесѣдникъ неучливый,
Сижу угрюмый, молчаливый,
Между друзьями, какъ одинъ.
Напрасно, слабый властелинъ
Души въ болѣзни прихотливой,
Я понуждаю умъ лѣнливой
Къ игрѣ затѣйливыхъ бесѣдъ:
Какъ своенравный домосѣдъ,
Въ страдающаго сердца неумѣстномъ
Онъ заключенъ въ предѣлѣ тѣсномъ
Моей склоненной головы.
Мнѣ такъ-же все любезны вы,
Но ваши шумъ и разговоры
Моей души не веселятъ:
Съ печалью думы, какъ дозоры,
Повсюду мысль мою слѣдятъ
И отравляютъ жизнь младую.
Но я-ль одинъ, друзья, тоскую?
Постигнулъ равный жребій насъ:
Всегда внимательный, — и васъ,
Товарищей изгнанья милыхъ,
Не часто-ль вижу я унылыхъ?
И вы, друзья мои, порой
Съ враждебной ссоритесь судьбой!
Не укротимъ душевный ропоть,
Не заглушимъ сердечный стонъ:
Какъ утромъ яснымъ листьевъ шопоть
Въ васъ и въ весельѣ слышенъ онъ.
Но, больше разуму послушны,
Вы больше можете, чѣмъ я,
Къ бѣдѣ казаться равнодушны.
О, не чуждайтесь же меня!
Младенецъ въ скорби малодушный, —
Терпѣнья нити не нашель

Въ Дедалѣ темномъ я страданья,
 Но тѣмъ не больше-ль пріобрѣлъ
 Я правъ на дружба вниманье?

* *
 *

Не все мы въ горѣ станемъ жить,
 Промчится время, можетъ быть,
 Туманны тучи разойдутся,
 Въ душахъ угаснувшихъ проснутся
 Опять бывалыя мечты;
 Въ шумящемъ вихрѣ наслажденій, —
 Какъ сердцу страшныя черты
 Сна безпокойнаго видѣній, —
 Для насъ прошедшее мелькнетъ;
 Тогда и другъ вашъ отдохнетъ,
 Тогда, весельемъ вдохновенный,
 Въ бесѣдѣ музъ уединенной
 И онъ о счастьѣ запоетъ!

12-го октября 1824 г.

Деревня Подберезье подъ Псковомъ.

VIII.

Князю Фед. Ив. Циціанову¹⁾.

(Подписано подъ стихами, имъ начатыми въ честь Элизы).

Ага! и князь съ обновой!
 И въ княжескую кровь
 Элизы взоръ суровой
 Вдохнулъ измѣнницу-любовь,
 И очарованная сила

1) Кн. Циціановъ, сослуживецъ Великопольскаго по полку, былъ знакомъ съ Пушкинымъ, который подарилъ ему свой портретъ. (Соч. Пушкина, изд. Литературн. Фонда, т. VII, стр. 178; см. ниже). Кн. Циціановъ въ 1820 г. былъ произведенъ изъ камеръ-пажей въ прапорщики л.-гв. Семеновскаго полка, но въ томъ же году, вмѣстѣ съ Иваномъ Ермолаевичемъ, былъ переведенъ въ Псковскій пѣхотный полкъ поручикомъ (*Ш. П. Диринъ*. Исторія л.-гв. Семеновскаго полка, т. I. С.-Пб. 1883, приложеніе, стр. 177).

Очей плѣнительныхъ и словъ
 И князя нашего вмѣстила
 Въ число вздыхателей-пѣвцовъ!
 Такъ при стихій волненьѣ бурномъ
 Возставшій свѣта великанъ,
 На сводѣ вспыхнувши лазурномъ,
 Съ земли лучемъ своимъ пурпурнымъ
 Сгоняетъ сѣвшійся туманъ.

12-го января 1825 г. Псковъ.

IX.

Музы ¹⁾).

Соскучивъ шумомъ суеты,
 Въ мои часы уединенья
 Зову обманъ я вдохновенья
 И заблужденіе мечты.
 Не знаю, любятъ-ли Камены
 Цѣвницу тихую мою,
 Но я — ихъ искренно люблю
 И часто, думой увлеченный,
 Миролюбивый домосѣдъ,
 Мой призывая добрый Геній
 На пиръ отрадныхъ пѣснопѣній,
 Живую радость ихъ бесѣдъ
 Я чту всѣхъ выше наслажденій!
 И какъ могу ихъ не любить?
 То было время — я не вѣрилъ
 Ихъ божеству, и, можетъ быть,
 Никто-бъ души не разувѣрилъ
 И не возжегъ бы въ ней огня.
 Но, ахъ, забыть могу-ли я
 Тѣ годы, тяжкіе гоненьемъ?
 Онѣ, единыя онѣ

1) Въ «Раскрытомъ портфелѣ» (стр. 224—225) названа «Обманъ уединенія».

Тогда, съ ихъ тайнымъ утѣшеньемъ,
 Сходили добрыя ко мнѣ;
 Толпою легкою летали,
 Меня манили и плѣняли
 И по мелькающимъ цвѣтамъ
 И мысль, и сердце увлекали
 Къ недоступнымъ небесамъ!
 Тогда каратель Прометея
 И неподвижный, и живой,
 Съ крыломъ опущеннымъ, съ головой
 Полуподъятою, не смѣя
 Нарушить Тартара покой,
 При звукахъ сладостныхъ Орфея,
 При взорѣ ихъ, свирѣпый вранъ
 Моихъ не рвалъ живучихъ ранъ.
 Съ тѣхъ самыхъ поръ, благоговѣя,
 Усерднымъ сталъ я ихъ жрецомъ. —
 Такъ на святой помостъ чертога,
 Увидѣвъ чудо, въ прахъ лицомъ
 Язычникъ палъ предъ олтаремъ
 Имъ вдругъ увѣданнаго Бога!

18-го февраля 1826 г. Псковъ.

Х.

Къ грусти (или „Мой демонъ“).

(Подражаніе «Демону» Пушкина)¹⁾.

Зачѣмъ ты, грусть, въ меня впилась
 И, съ непонятною мнѣ цѣлью,
 Вкругъ сердца, жаднаго къ веселью,
 Змѣей грызущей обвилась?
 Въ какой ты алчущей утробѣ
 Свой ядъ мучительный впила?
 Какая Фурія, во злобѣ,

1) Напечатано въ «Раскрытомъ портфелѣ», стр. 226—227.

Тебя съ главы своей сняла
 И въ міръ закинула несчастный
 Изъ вѣдръ пылающихъ огня?
 Кто указаль тебѣ меня?
 Преодолѣть тебя не властный,
 Вотще отрады я ищю!
 Я впечатлителенъ и молодъ, —
 Но въ сердце бьетъ твой тяжкій молотъ —
 И я тоскую и грущу!
 Твоя рука отяготѣла
 Надъ грудью пламенной моей...
 И все ты, злобная, одѣла
 Завѣсой мрачною твоей!

Рига, 23-го мая 1826 г.

ХІ.

* * *

Булгаринъ въ зависти пустой
 И по внушенію клеветовъ,
 Хотѣвъ содѣлаться грозой
 И прозаистовъ, и поэтовъ,
 На поле критики вступилъ, —
 Но сталъ межъ критиковъ уродомъ;
 Увидѣлъ то, — и съ новымъ годомъ
 Свою методу измѣнилъ:
 Сначала сѣверный зоилъ,
 Безъ жара къ Фебову потомству,
 Онъ по расчету всѣхъ бранилъ, —
 Теперь всѣхъ хвалить по знакомству.
 И что-жь? Прекрасно рассчиталь,
 Въ потьмахъ набрелъ на путь успѣха:
 Его намъ брань была для смѣха,
 Но Богъ избави отъ похвалъ!

1826 г. Псковъ.

XII.

Барону Ант. Ант. Дельвигу,

при полученіи отъ него «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» съ надписью «милому поэту».

Поэтъ-лѣнивѣць и дѣлецъ!
 О мнѣ ты вспомнилъ, наконецъ,
 Въ моемъ изгнаніи печальномъ:
 Я получилъ твои «Цвѣты»
 И на листочкѣ ихъ начальномъ
 Прочелъ руки твоей черты.
 Ты далъ названье мнѣ поэта,
 Но дружбѣ вѣрить-ли твоей?
 Увы! Поэтъ въ устахъ друзей —
 Еще поэтъ-ли я — для свѣта?
 Отецъ безмѣдныя «Пчелы»¹⁾
 Мнѣ своего не далъ привѣта
 Въ страницахъ длинной похвалы.
 Богъ съ нимъ, съ судомъ его ничтожнымъ!
 Сначала, сѣверный зоилъ,
 Кривымъ путемъ идя къ потомству,
 Онъ по расчету всѣхъ бранилъ,
 Теперь — всѣхъ хвалить по знакомству!
 Его суда я не боюсь:
 Еще не вышелъ я на сцену;
 Пора придетъ, — я появлюсь,
 Одеждой праздничной одѣну
 Мою ревнивую Камену —
 Тогда ни Сомовъ²⁾, ни Өаддей
 О мнѣ въ умахъ уставятъ мнѣнье,
 Но я подслушаю сужденье
 Такихъ, какъ ты, мой другъ, людей:
 Отъ нихъ я жду себѣ награды,

1) Булгаринъ.

2) Орестъ Михайловичъ, критикъ, поэтъ, переводчикъ и журналистъ.

Я ихъ въ судьи мои беру,
Восторжествую, иль съ досады
Стихи и прозу издеру!

Псковъ, 26-го апрѣля 1826 г.

Кромѣ стихотвореній, Великопольскій въ 1824 г. написалъ двѣ комедіи въ стихахъ: въ 1 дѣйствиі подъ названіемъ «Хватъ невпопадъ, или недочесаная невѣста» и въ 2 дѣствіяхъ — «Влюбленный», которыя, какъ видно изъ помѣтъ на имѣющихся у насъ рукописяхъ секретаря Цензурнаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ В. И. Соца, 18-го декабря 1826 г. были дозволены къ представленію на театрѣ; но, насколько намъ извѣстно, играны онѣ не были. Въ 1825 г. Иванъ Ермолаевичъ написалъ еще «Нимфодору, простонародную русскую повѣсть въ стихахъ», напечатанную въ книгѣ «Раскрытый портфель» (стр. 67 — 117), и др.

Мы привели выше стихотвореніе Великопольскаго «Къ грусти», — весьма слабое подражаніе «Демону» Пушкина. Въ это время авторы обѣихъ піесъ были уже знакомы другъ съ другомъ. Пушкинъ попалъ въ Псковскую губернію въ сентябрѣ 1824 г., когда и Великопольскій былъ уже въ изгнаніи и поэтому вѣроятнѣе всего предположить, что знакомство ихъ состоялось именно во Псковѣ, какъ думаетъ и дочь Ивана Ермолаевича — Н. И. Чаплина¹⁾. Вполнѣ вѣроятно, что Великопольскій бывалъ и въ Михайловскомъ; у него самого было родовое имѣніе въ Великолуцкомъ уѣздѣ — с. Опимахово, находящееся отъ Михайловскаго на разстояніи около 150 верстъ²⁾ и посѣщавшееся имъ во время службы въ Псковѣ. Какъ бы-то ни было, вотъ что писалъ Пушкинъ нашему поэту уже 10-го марта 1826 г.³⁾, изъ с. Михайловскаго:

1) Впрочемъ, изъ того факта, что Великопольскій еще въ Петербургѣ былъ знакомъ съ Дельвигомъ и Пущинымъ, можно предположить, что они познакомились и раньше встрѣчи въ Псковѣ.

2) Въ 1830-хъ годахъ имѣніе это Иванъ Ермолаевичъ продалъ Ѳ. Тыртову, у наслѣдниковъ котораго оно состоитъ во владѣніи и понынѣ (Сообщилъ Н. И. Великопольскій изъ Великолуцкаго уѣзда).

3) Въ этотъ день Великопольскій какъ разъ былъ у себя въ с. Опимаховѣ и затѣмъ въ имѣніи своихъ родственниковъ, въ с. Ушицахъ. Февраль же 1826 г. онъ провелъ во Псковѣ.

Милостивый Государь Иванъ Ермолаевичъ!

Сердечно благодарю Васъ за письмо, пріятный знакъ Вашего ко мнѣ благорасположенія. Стихотворенія Слѣпушкина получилъ и перечитываю все съ большимъ и большимъ удивленіемъ. Ваша прекрасная мысль объ улучшеніи состоянія поэта-крестьянина, надѣюсь, не пропадетъ. Не знаю, соберусь-ли я снова къ Вамъ во Псковъ; вы не совершенно отнимаете у меня надежду васъ увидѣть въ моей глуши; благодаримъ покамѣстъ и за то.

Кланяюсь князю Циціанову; жалѣю, что не отнял у него своего портрета. Что новаго въ вашихъ краяхъ?

Остаюсь съ искреннимъ уваженіемъ Вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Александръ Пушкинъ.

Письмо это, какъ видитъ читатель, написано было послѣ посѣщенія Пушкинымъ Пскова, гдѣ онъ видѣлся съ Великопольскимъ. Послѣдній уже въ ранней молодости, наученный горькимъ опытомъ (разумѣемъ его московскій проигрышъ), былъ большимъ врагомъ карточной игры, которая неоднократно являлась темою его сатирическихъ стихотвореній. Вотъ какъ, напримѣръ, изображалъ онъ «Богиню игры» въ своемъ стихотвореніи «Живописцу», написанномъ еще въ 1823 г. въ Казани:

Стая женщины, но смутный взоръ
И видъ уродливый и злобный,
Мегеры образу подобный,
Являетъ страсти въ ней позоръ.
Змѣя по груди изогбенна,
Скрижалъ закона преломленна
И книгъ полураздранныхъ пукъ,
Въ знакъ ея поправныхъ наукъ,
У ногъ лежать, какъ соръ ненужный.
Изъ картъ корона надъ главою,
Но, въ знакъ невинности наружной,
Все платье блестятъ бѣлизной.
Одною рукою скиптръ желѣзный
Она подъемлетъ съ торжествомъ, —
Въ другой, съ наружностью любезной,

Съ вѣнчаннымъ розами челомъ,
 Видна смѣющаяся маска;
 Невинности притворной краска
 Играетъ въ лиліяхъ ланитъ;
 Богиня, будто бы случайно,
 Впередъ подавъ ее, манитъ
 Къ себѣ взоръ каждаго, но тайно
 Кинжалъ въ рукѣ ея блеститъ
 Съ концомъ, червѣющимъ отъ яда...

Однако, нашъ сатирикъ часто и самъ забывалъ нарисованную имъ страшную картину и, усердно принося жертвы страшной богинѣ, часто испытывалъ на себѣ удары ея кинжала. . . Несчастливо для него было посѣщеніе Пскова и въ этотъ разъ: не удержавшись отъ соблазна, онъ сѣлъ играть въ штоссъ съ Пушкинымъ и. . . проигралъ ему 500 рублей. Уплатить эти деньги онъ сразу затруднился, а Пушкинъ, самъ проигравшійся и всегда нуждавшійся въ деньгахъ, настаивалъ на уплатѣ долга и потребовалъ у Великопольскаго свой выигрышъ слѣдующими стихами, написанными 3-го іюня 1826 г. изъ с. Преображенскаго:

Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось,
 Пѣвецъ любви то рѣзвой, то унылой!
 Играешь ты на лирѣ очень мило,
 Играешь ты довольно плохо въ штоссъ:
 500 рублей, проигранныхъ тобою,
 Наличные свидѣтели тому.
 Судьба моя сходна съ твоей судьбою;
 Сейчасъ, мой другъ, узнаешь, почему:

Сдѣлайте одолженіе, пятьсотъ рублей, которые вы мнѣ должны, возвратить не мнѣ, но Гавріилу Петровичу Назимову¹⁾, чѣмъ очень обяжете преданнаго Вамъ душевно

Александра Пушкина.

1) Въ сборникѣ Великопольскаго «Мои новыя стихотворенія» есть слѣдующій «Отрывокъ изъ письма къ Г. П. Назимову изъ Риги, 1826 г., мая 21-го»:
 «Судьба, или, лучше сказать, трактирицкѣ сдѣлали меня сосѣдомъ Шоберлехнера, ученика Гуммеля. На дняхъ онъ даетъ концертъ, въ коемъ жена его, урожден-

Великопольскій получилъ это письмо (должно быть переданное самимъ Назимовымъ) въ Юрбургѣ, куда онъ былъ командированъ для производства слѣдствія по контрабандѣ, и немедленно же написалъ не лишнее для насъ интереса «Посланіе къ А. С. Пушкину», помѣченное въ рукописи¹⁾ 12-мъ іюня 1826 г.:

Въ умахъ людей, какъ прежде, царствуй,
Храни священный огонь души,
Какъ можно менѣ мытарствуй,
Какъ можно болѣ пиши,
А за посланье — благодарствуй!

Не правъ-ли я, пріятель мой,
Не говорилъ-ли я заранѣ:
Не одобровать тебѣ съ игрой,
И есть дыра въ твоемъ карманѣ!
Поэтъ! Ты честь родной странѣ,
Но, — смѣлый всадникъ на Пегасѣ, —
Ты такъ же пылокъ на сукнѣ,
Какъ ты заносчивъ на Парнасѣ!
Конечно (къ слову то нейдетъ),
Съ тобою тамъ никто не равенъ:
Ты тамъ могучъ, великъ и славенъ,
Передъ тобою все падеть,

ная Даль-Окка (Dall'Осса) будетъ пѣть. Фортепіано стоитъ у самыхъ моихъ дверей; онъ и она поминутно приготавлиются, а я,

Не шевелясь и не дыша,
Сижу, къ дверямъ припавши ухомъ,
И рвется къ нимъ моя душа,
Моимъ восторженная слухомъ.
Къ тому-же, помнится, была
Dall'Осса дѣвушкой мила,
А это, въ скобкахъ, не пустое!
Я не святой, я не потухъ,
И если радуется слухъ, —
Меня мечта волнуетъ вдвое...

1) «Мои новыя стихотворенія»; см. также сборникъ Великопольскаго «Раскрытый портфель» (С.-Пб. 1859), гдѣ стихотвореніе это названо просто «Посланіемъ въ отвѣтъ на полученную записку въ стихахъ», безъ указанія на Пушкина.

Тебя привѣтствуетъ и нѣжить, —
 Но, другъ, въ игрѣ не тотъ разсчитать:
 Иной пяти не перечесть,
 А вмигъ писателя подрѣжетъ...¹⁾
 Въ стихахъ ты — только, что не святы,
 Но счастье — лживая монета,
 И когти длинные поэта
 Отъ бѣдъ игры не защитятъ!
 Надменно плавая по небу,
 Во многомъ ты подобенъ Фебу,
 Но я боюсь, чтобъ и во всемъ
 Ты не пошелъ его путемъ:
 Нѣтъ у тебя ни въ чемъ завѣта,
 И берегись, чтобъ и тебѣ,
 Подобно горестной судьбѣ
 Вождя блистательнаго свѣта,
 (Слова не сбудутся, авось!)
 Подъ-часъ сойти бы не пришлось
 Къ стадамъ блуждающимъ Адмета!

Послѣ этого эпизода, поэты наши больше не видались: ибо Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ вызванъ въ Москву съ фельдъегеремъ и покинулъ Михайловское 4-го сентября, а Великопольскій тогда былъ еще въ командировкѣ въ Юрбургѣ. Судьба столкнула ихъ еще разъ черезъ два года, когда въ положеніи обоихъ произошла рѣзкая перемѣна.

Во время своей командировки въ Юрбургъ по дѣлу о контрабандѣ Великопольскій 18-го іюня 1826 г. произведенъ былъ въ майоры съ переводомъ снова въ Псковскій пѣхотный полкъ, въ которомъ онъ числился нѣкоторое время по исключеніи изъ Семеновскаго полка.

Здорово, братцы, дайте руки!
 Насилу вырваться успѣлъ

1) Варіантъ вмѣсто зачеркнутаго:

А вмигъ и Пушкина подрѣжетъ.

Изъ лапъ жидовской этой скуки
И контрабандныхъ этихъ дѣлъ!
Насилу выбился въ маіоры!

писалъ онъ по полученіи извѣстія о своемъ производствѣ.

Однако, послѣ этого Иванъ Ермолаевичъ служилъ уже не долго: не будучи никогда фронтовикомъ, онъ уже давно задумалъ выйти въ отставку, о которой приходилось все больше и больше подумывать еще и потому, что денежные дѣла его приходили все въ больший упадокъ. Мать его, завѣдывавшая всѣми имѣніями, уже умерла, а вотчимъ былъ старъ и давно звалъ пасынка пріѣхать и заняться имущественными дѣлами; долги давали себя знать, и поэтъ нашъ дошелъ уже до того, что долженъ былъ продать свое имѣніе въ Великолуцкомъ уѣздѣ—с. Опимахово; не имѣя денегъ, онъ долгъ свой Пушкину вынужденъ былъ уплатить «родительскими алмазами и 35-ю томами «Энциклопедіи»...¹⁾. Въ ноябрѣ 1826 г. Иванъ Ермолаевичъ взялъ четырехмѣсячный отпускъ и отправился, какъ значится въ формулярномъ его спискѣ, «въ С.-Петербургскую, Тверскую, Новгородскую и Казанскую губерніи». Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ, должно быть, здѣсь уже окончательно рѣшилъ выйти въ отставку, чтобы заняться устройствомъ своихъ денежныхъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что, по смерти матери, онъ былъ выдѣленъ и ему приходилось самому взяться за хозяйство; онъ получилъ въ удѣлъ имѣнія: въ Тверской губерніи, Старицкаго уѣзда—село Чукавино и Зубцовскаго уѣзда—с. Денежное и Прасолово, и въ Новгородской—с. Можжерово, всего—1200 душъ. Февраля 11-го 1827 года Великопольскій получилъ просимую отставку, побывалъ въ Казани у сестеръ, съ которыми всегда былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, а затѣмъ поселился въ своемъ живописномъ, лежащемъ на берегу Волги, Чукавинѣ, которое съ этихъ поръ становится его излюбленнымъ мѣстопребываніемъ.

Итакъ, нашъ писатель сдѣлался помѣщикомъ, выбравъ въ помощники себѣ того-же дядьку, «неразлучнаго съ нимъ Николая Малышева». Иванъ Ермолаевичъ съ жаромъ принялся за хозяйство и заботы о благоустройствѣ своихъ крестьянъ. «Отецъ мой», вспоминаетъ Н. И.

1) См. ниже.

Чаплина, «всѣхъ своихъ крѣпостныхъ обучалъ грамотѣ и училъ ремесламъ и раньше женитьбы своей, и послѣ. Онъ устроилъ школу для ребятъ и больницу для крестьянъ; для этого онъ перестроилъ Чоглоковскіе¹⁾ кирпичные кормовые сараи въ новыя помѣщенія; устроилъ кирпичный заводъ. Крестьянами занялся усердно, строго наблюдалъ за ихъ хозяйствомъ. Одну деревню — Ладениково — барщиной, то-есть на свой счетъ и въ свое рабочее время перестроилъ: камнемъ изъ Чукавинскихъ каменоломенъ выложилъ имъ подъ дома высокіе фундаменты и поставилъ на нихъ свѣтлыя избы въ три окна на улицу и съ большими пролетами между домовъ... Такъ, будучи въ деревнѣ, отецъ мой занимался своимъ хозяйствомъ, проводя часть ночей за своими любимыми занятіями — литературными; полевое же, доходное оставлялъ на распоряженіе управляющаго, которому довѣрялъ безпредѣльно, но который, проведя всю жизнь по городамъ съ своимъ бариномъ, плохо справлялся съ непривычнымъ для него дѣломъ».

Великопольскій не долго, однако, высидѣлъ въ деревнѣ: онъ все чаще и чаще сталъ уѣзжать въ Москву, «сдѣлался театраломъ, писалъ драмы, намѣревался ставить ихъ на сцену и, наконецъ, началъ большую часть времени проводить въ Москвѣ»²⁾. Онъ вошелъ въ литературныя кружки, познакомился со многими писателями, стараясь поближе сойтись съ ними и вступить въ ряды записныхъ литераторовъ. Въ 1828 г. онъ впервые появляется передъ публикой съ отдѣльнымъ изданіемъ и съ полною своею подписью³⁾: въ февралѣ выходитъ въ свѣтъ его піеса «Къ Эрасту (Сатира на игроковъ)»⁴⁾, прекрасно напечатанная, украшенная картинкою и виньетками извѣстнаго гравера А. А. Флорова по рисункамъ Гампельна⁵⁾. Красивая внѣшность изданія обратила на себя общее вниманіе любителей словесности въ Москвѣ и Петербургѣ, но не удовлетворила критиковъ своимъ содержаніемъ. *Съверная Пчела* ограничилась лишь слѣдующимъ краткимъ замѣчаніемъ⁶⁾: «Ав-

1) Чоглоковы были прежніе владѣльцы Чукавина.

2) Воспоминанія Н. И. Чаплиной.

3) До этого онъ почти всегда подписывалъ только свои инициалы (И. В.), а иногда — псевдонимъ «Игельевъ» составленный изъ начальныхъ буквъ его имени и фамиліи (И. Вел.).

4) М. 1828 г., въ типографіи Августа Семена, 4^о, 24 стр.

5) Д. А. Ровинскій. Подробный словарь русскихъ гравировъ. С.-Пб. 1895, стр. 714.

6) № 26, 1-го марта 1828 г.

торь сатиры», говорится тамъ: «имѣлъ цѣль самую благонамѣренную: представить всю гнусность картежнаго ремесла, всю пагубу молодыхъ людей, предающихся страсти къ картамъ. Успѣеть ли онъ устранить первыхъ, остановить послѣднихъ? Не думаемъ! Не даромъ сказалъ И. А. Крыловъ, описывая вора Ваську, который «слушаетъ, да ѣстъ»:

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣпкѣ зарубить,
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по-пустому,
Гдѣ можно власть употребить».

Мнѣнія другихъ критиковъ раздѣлились: такъ, *Московский Телеграфъ*¹⁾ сочувственно отнесся къ «Сатирѣ» и къ ея содержанию, говоря, что благая цѣль автора «можетъ извинить въ глазахъ нашихъ всѣ поэтическіе недостатки» ея, тогда какъ *Московский Вѣстникъ*²⁾, ограничившись сперва лишь двумя насмѣшливыми словами, въ № 4 помѣстилъ большую рецензію нѣкоего А. Т., на которую Великопольскій отвѣтилъ длиннымъ письмомъ, помѣщеннымъ въ *Атеней*³⁾, въ коемъ также появилась коротенькая рецензія: здѣсь критикъ благодарилъ автора только за то, что онъ «напоминаетъ о дидактической поэзіи, съ нѣкотораго времени забытой на нашемъ Парнассѣ»⁴⁾.

«Сатира на игроковъ» имѣеть, несомнѣнно, автобіографическое значеніе. Н. И. Чаплина въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ даже, что Иванъ Ермолаевичъ написалъ ее на самого себя, именно послѣ своего проигрыша Пушкину; какъ бы то ни было, очевидно, что къ этому времени Великопольскій рѣшилъ освободиться отъ своей слабости и, самъ побывавъ въ положеніи, близкомъ къ тому, въ которое попалъ его

1) Ч. 19, № 4, стр. 558—560.

2) Ч. VII, № 3, стр. 394 и № 4, стр. 478—481.

3) Ч. I, № 4, стр. 132—134.

4) Ч. I, № 4, стр. 90—91. Возражая противъ замѣчаній критиковъ, Великопольскій въ началѣ 1829 года написалъ очень обстоятельный и пространный «Отвѣтъ на отзывы журналовъ о «Сатирѣ на игроковъ», оставшіяся въ рукописи и теперь находящійся у меня. Здѣсь, между прочимъ, Великопольскій писалъ въ заключеніи: «Автору пріятно при этомъ случаѣ сказать (если угодно будетъ повѣрить ему въ томъ на слово), что этотъ «Отвѣтъ» былъ читанъ А. С. Пушкину, и первымъ его словомъ по прочтеніи было: «Непремѣнно напечатать». Почему, день за день, оно не было напечатано, авторъ не можетъ теперь же дать отчета».

Аристъ, проигравшій въ карты въ одну ночь все состояніе, погубившій свою честь, счастье и лишившійся разсудка,—захотѣлъ передъ всѣмъ свѣтомъ излить свои чувства. Это благородное стремленіе его вызвало, однако, злую выходку со стороны Пушкина, осмѣяваго въ остроумномъ своемъ «Посланіи къ В., сочинителю «Сатиры на игроковъ», напечатанномъ въ № 30 *Съверной Пчелы* отъ 10-го марта, безхарактерность Ивана Ермолаевича, которую онъ, должно быть, неоднократно наблюдалъ у своего пріятели во Псковѣ за карточнымъ столомъ, среди веселой компаніи товарищей. Вотъ что писалъ Пушкинъ:

Такъ элегическую лиру
 Ты промѣнялъ, нашъ моралистъ,
 На благочинную сатиру?
 Хвалю поэта, — дѣльно міру:
 Ему полезень розги свистъ.
 Мнѣ жалокъ очень твой Аристъ:
 Съ какимъ усердьемъ онъ молился
 И какъ несчастливо игралъ!
 Вотъ молодежь: погорячился,
 Продулся весь и — такъ пропалъ!
 Дамонъ твой — человѣкъ ужасной:
 Забудь его ужасной домъ,
 Гдѣ, впрочемъ, сознаюся въ томъ,
 Мой другъ, ты велъ себя прекрасно:
 Ты никому тамъ не мѣшалъ,
 Эраста нѣжно утѣшалъ,
 Давалъ полезные совѣты
 И ни рубля не проигралъ.
 Люблю: вотъ каковы поэты!
 А то, уча безумный свѣтъ,
 Порой грѣшитъ и проповѣдникъ...
 Послушай, Персіевъ наслѣдникъ,
 Разскажь мой.

Нѣкто, мой сосѣдъ,
 Въ томленьяхъ благородпой жажды
 Хлебнувъ Кастальскихъ водъ бокалъ,

На игроковъ, какъ ты, однажды
 Сатиру злую написалъ
 И другу съ жаромъ прочиталъ.
 Ему въ отвѣтъ его пріятель
 Взялъ карты, молча стасовалъ,
 Далъ снять, — и нравственный писатель
 Всю ночь, увы! понтировалъ!
 Тебѣ знакомъ-ли сей проказникъ?
 Но встрѣча съ нимъ была бъ мнѣ праздникъ:
 Я съ нимъ готовъ всю ночь не спать
 И до полдневнаго сіянья
 Читать моральныя посланья
 И проигрышь его писать.

Выходка Пушкина (не подписавшагося подъ стихами)¹⁾ была слишкомъ рѣзка и, не будучи вызвана ничѣмъ со стороны добродушнаго Ивана Ермолаевича, должна была сильно его обидѣть: буква В*, какъ бы долженствовавшая скромно закрыть лицо, къ которому поэтъ обращался, ничего не скрывала, такъ какъ только что передъ тѣмъ въ той же *Съверной Пчелѣ*, лишь за четыре номера, была помѣщена замѣтка о сатирѣ Великопольскаго и, слѣдовательно, имя его было еще на памяти у читателей газеты; а такіе сарказмы, какъ наименованіе автора «Персіевымъ наслѣдникомъ» или «хлебнувшимъ Кастанльскихъ водъ бокаль», были поистинѣ злы. Великопольскій узналъ «ex ungue leonem» и немедленно же отправилъ къ Булгарину, для напечатанія въ его газетѣ, «Отвѣтъ знакомому сочинителю посланія ко мнѣ, помѣщеннаго въ № 30 *Съверной Пчелы* ²⁾):

Узналъ я тотчасъ по замашкѣ
 Тебя, насмѣшливый поэтъ!
 Твой стихъ весенней легче пташки
 Порхаеть и чаруетъ свѣтъ.

1) Булгаринъ въ примѣчаніи подъ ними сказалъ: «Имени сочинителя сихъ стиховъ не подписываемъ: ex ungue leonem».

2) А. С. Пушкинъ (сборникъ *П. И. Бартечева*), т. II, М. 1881, стр. 134; въ рукописномъ сборникѣ «Мои новыя стихотворенія» подъ этимъ отвѣтомъ стоитъ дата: 17-го марта 1828 г. Москва.

Я радъ, что геній удосужилъ
Тебя со мной на пару словъ;
Ты очень мило обнаружилъ
Бесѣды дружескихъ часовъ.

Съ твоимъ проказникомъ сосѣднимъ
Знакомъ съ давнипней я поры:
Обязанъ другу онъ послѣднимъ
Урокомъ вѣтреной игры!

Онъ очень помнить, какъ, смѣняя
Былые рублики въ кисѣ,
Глава «Онѣгина» вторая
Съѣзжала скромно на тузѣ...

Блуждая въ молодости шибкой,
Онъ спотыкался о порогъ;
Но гдѣ послѣдняя ошибка —
Тамъ первый мудрости урокъ.

Булгаринъ, однако, не рѣшился напечатать этихъ стиховъ въ своей *Цельт*, да и Пушкинъ не согласился на это, усмотрѣвъ, почему-то, въ стихахъ Великопольскаго большую личность, чѣмъ въ своихъ стихахъ къ нему. «Любезный Иванъ Ермолаевичъ», писалъ къ нему Пушкинъ 29—30-го апрѣля: «Булгаринъ показалъ мнѣ очень милые ваши стансы ко мнѣ, въ отвѣтъ на мою шутку. Онъ сказалъ мнѣ, что цензура не пропускаетъ ихъ, какъ личность, безъ моего согласія. Къ сожалѣнію, я не могъ согласиться:

Глава «Онѣгина» вторая
Съѣзжала скромно на тузѣ —

и Ваше примѣчаніе¹⁾ — конечно, личность и неприличность. И вся станса недостойна Вашего пера²⁾. Прочія — очень милы. Мнѣ кажется, что Вы немножко мною недовольны. Правда-ли? По крайней

1) Къ сожалѣнію, оно намъ неизвѣстно. Б. М.

2) Вѣроятно, намекъ на неудачныя рѣшмы въ 4-й строфѣ: «кисѣ» и «тузѣ».

мѣрѣ, отзывается чѣмъ-то горькимъ Ваше послѣднее стихотвореніе. Неужели Вы захотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбиваго друга, включить непріязненные строфы въ 8-ю главу «Онѣгина»? НВ. Я не проигрывалъ 2-й главы, а ея экземплярами заплатилъ свой долгъ, такъ точно, какъ Вы заплатили мнѣ свой — родительскими алмазами и 35-ю томами «Энциклопедіи». Что, если напечатать мнѣ сіе благонамѣренное возраженіе? Но я надѣюсь, что я не потерялъ Вашего дружества и что мы при первомъ свиданіи мирно примемся за карты и за стихи. Простите! Весь Вашъ А. П.¹⁾».

Получивъ это письмо черезъ Е. А. Боратынскаго (Пушкину не былъ извѣстенъ его адресъ), Иванъ Ермолаевичъ пришелъ въ совершенно справедливое негодованіе и 7-го апрѣля послалъ Булгарину письмо слѣдующаго содержанія: «Милостивый Государь, Ѳаддей Венедиктовичъ! Третьяго дня получилъ я письмо отъ Ал. С. Пушкина. Онъ увѣдомляетъ, ссылаясь на Васъ, что безъ его согласія цензура не пропускаетъ, какъ личность, моихъ къ нему стансовъ; а что онъ согласиться не можетъ.

Это меня очень удивило. Развѣ его ко мнѣ посланіе не личность? Въ чемъ онаго цѣль и содержаніе? Не въ томъ-ли, что сатирикъ на игроковъ — самъ игрокъ? Не въ обнаруженіи-ли частнаго случая, должествовавшаго остаться между нами?

Я слишкомъ увѣренъ въ благородствѣ Пушкина, чтобы предполагать такой доносъ на дружбу истиннымъ его намѣреніемъ; но дѣло не въ намѣреніи, а въ самомъ дѣлѣ, и стихи, вышедшіе изъ-подъ типографскаго станка, берутъ направленіе сами, независимо отъ автора. Почему же цензура полагаетъ себя въ правѣ пропускать личности на меня, не сказавъ мнѣ ни слова, и не пропускаетъ личности на Пушкина безъ его согласія? Кто позволитъ одному посмѣяться надъ другимъ, тотъ не обязанъ-ли, ежели онъ безпристрастенъ, не отнимать, по крайней мѣрѣ, у другого способовъ отыгаться? И даже противный поступокъ, будучи притѣсненіемъ для одного, не можетъ ли почтестъ не уваженіемъ къ другому? Простите, ежели я, можетъ

1) Подлинныя письма Пушкина къ Великопольскому, какъ сообщила мнѣ Н. И. Чаплина, были проданы сыномъ ея, Николаемъ Николаевичемъ, П. И. Бартевеву.

быть, неумѣстно такъ распространился: я хотѣлъ оправдать себя въ вашемъ мнѣніи и доказать односторонность дѣйствій цензуры, при которомъ литературный бой никогда не можетъ быть равенъ.

Но Пушкинъ, называя свое посланіе одною шуткою, моими стихами огорчается болѣе, нежели сколько я могъ предполагать. Онъ даже даетъ мнѣ чувствовать, что слѣдствіемъ напечатанія оныхъ будетъ непримиримая вражда. Надѣясь, что онъ имѣетъ ко мнѣ довольно почтенія, чтобы не предполагать во мнѣ боязни, дорожу его дружбою и, прилагаемымъ при семъ къ нему письмомъ (которое по незнанію адреса имѣю честь Васъ просить доставить), отдаю на его полную волю, при нѣкоторомъ условіи, печатать мои стансы или не печатать, предоставляя себѣ въ послѣднемъ случаѣ отыгратъ въ другомъ мѣстѣ, другимъ образомъ.

Я счелъ неизлишнимъ Васъ объ этомъ увѣдомить, полагая, что Вамъ самимъ непріятна такая односторонность цензуры.

Этотъ эпизодъ еще болѣе испортилъ отношенія между Пушкинымъ и Великопольскимъ, и, какъ мы слышали, Иванъ Ермолаевичъ въ послѣдствіи не любилъ вспоминать о своемъ счастливомъ соперникѣ¹⁾.

1) Отношенія ихъ обострились еще въ 1826 году, послѣ проигрыша Великопольскаго. Въ рукописномъ сборникѣ «Мои новыя стихотворенія» мы находимъ слѣдующую эпиграмму, въ минуту раздраженія написанную Великопольскимъ несомнѣнно на Пушкина:

Аристъ - поэтъ.

Аристъ — негодный человѣкъ,
 Не связанъ ни родствомъ, ни дружбой:
 Отцомъ покинуть, брошенъ службой,
 Провелъ безъ совѣсти свой вѣкъ;
 Его исправить — трудъ напрасенъ,
 За то кричить о немъ весь свѣтъ:
 Вотъ онъ-то истинный поэтъ,
 И каждый стихъ его прекрасенъ.
 И точно: вѣрь или не вѣрь, —
 Не правда-ли (сказать межъ нами)?
 На всю поэзію теперь
 Другими взглянемъ мы глазами!

Критингенъ,

1-го сентября 1826 года.

Варианты: къ 1-му стиху — «Мытаринъ — скверный человѣкъ» и къ 4-му — «Шумить, бунтуетъ цѣлый вѣкъ».

Послѣ неудачнаго дебюта съ сатирой «Къ Эрасту» Иванъ Ермолаевичъ, повидимому, не рѣшался нѣкоторое время выступать въ печати и какъ бы охладѣлъ къ литературнымъ занятіямъ; быть можетъ его отвлекали и заботы о разстроенномъ хозяйствѣ. Только черезъ два года появилась его маленькая пѣса — «Сюрпризъ, опера-интермедія-водевиль въ стихахъ» (М. 1830 г., 32^о)¹⁾ — съ музыкой О. О. Геништы, напечатанная Великопольскимъ по поводу постановки ея на сцену (она была играна на Московскомъ театрѣ); это слабое юношеское произведеніе Ивана Ермолаевича (оно написано было еще въ 1818 г.) почти не встрѣтило въ печати никакого отголоска, если не считать насмѣшливаго отзыва, появившагося въ *Московскомъ Телеграфѣ*²⁾; здѣсь авторъ замѣтки говорилъ, между прочимъ: «Совѣтуемъ всякому, кто хочетъ себѣ доставить истинное наслажденіе, прочитать Предисловіе къ «Сюрпризу»: въ немъ господствуетъ такая прелестная naïveté, что мы не знаемъ ничего подобнаго въ семъ родѣ». И дѣйствительно, вотъ что, напримѣръ, писалъ Великопольскій по поводу страннаго названія своей пьесы «оперой-интермедіей-водевилемъ»: . . . «Смѣшеніе рода опернаго съ водевильнымъ образуетъ родъ смѣшанный: *опера-водевиль*. Въ моей пѣсѣ второе явленіе есть водевильное; слова пѣнія въ ономъ имѣютъ цѣлю одно придавіе большей игривости и разнообразія разговору. По сему, по всей строгости, она должна также быть причислена къ упомянутому разряду. Но сіе впаденіе въ родъ водевильный,

Въ концѣ упомянутаго выше «Отвѣта на отзывы журналовъ о «Сатирѣ на игроковъ», Великопольскій, вспоминая обо всемъ этомъ эпизодѣ, говоритъ слѣдующее: «Въ заключеніе могу-ли позволить себѣ сказать слово о «Посланіи» ко мнѣ, напечатанномъ въ 30-мъ номерѣ *Сверстой Пчелы* прошлаго (1828) года? Любезный сочинитель, котораго блистательное въ словесности нашей имя слишкомъ хорошо узнается безъ всякой надобности для того въ его подписи, доставилъ мнѣ прекрасными своими стихами истинное удовольствіе. Признаюсь, что сначала я не такъ это принялъ, чему главною причиною было, собственно, не «Посланіе», а недобрая, присоединенная къ нему выноска («ex ungue leonem») издателя газеты, дававшая обрашеннымъ ко мнѣ стихамъ видъ не пріятельской шутки, а сатирической насмѣшки. Теперь, пообдумавъ и поразсудивъ, а главное — перечитавъ стихи съ хладнокровіемъ, я очень радъ, что авторъ «Посланія» не согласился на напечатаніе отвѣтныхъ моихъ станцовъ (какъ самъ увѣдомилъ меня о томъ), слишкомъ наскоро мною написанныхъ и посланныхъ издателю газеты на другой же день полученія листка его въ Москвѣ».

1) Рондо Лизы изъ «Сюрприза» («Въ шестнадцать лѣтъ»), съ нотами О. О. Геништы, напечатано было тогда-же въ *Радугѣ*, альманахѣ П. Арапова и Д. Новикова. (М. 1830, прилож., стр. 8, съ подписью И. В.).

2) 1830 г., ч. 31, № 4, стр. 507—509.

въ моей піесѣ, можетъ быть принято какъ нѣкоторое только отступление отъ господствующаго духа, въ цѣломъ чисто опернаго, чѣмъ она отличается отъ всѣхъ другихъ оперъ-водевиль, имѣющихъ, при нѣкоторыхъ оперныхъ нумерахъ, господствующій духъ водевильный, что было заставило меня сначала дать своей піесѣ названіе оперы. . . . Размысливъ потомъ, я нашель, что. . . умозрительная словесность обязана отличить, въ распредѣленіи драматическихъ произведеній, роды оперъ: чистой и смѣшанной; и потому оставилъ при моей піесѣ названіе оперы-водевиль; но думаю, что, руководствуясь тою же въ распредѣленіяхъ точностью, должно положить различіе и между двумя вышепоказанными разрядами сего послѣдняго, смѣшаннаго рода, образуемыми господствующимъ духомъ піесъ: опернымъ или водевильнымъ. Предлагаю», заключаетъ Великопольскій: «для перваго прежнее названіе оперы-водевиль, а для втораго — *Опероводевиль*. . . . Всякое слово кажется страннымъ, покуда не укоренится въ употребленіи. . . . Слово *интермедія*, поставленное въ заглавіи, обозначаетъ піесу маленькую, предназначенную для помѣщенія въ спектакль между двумя представленіями, какъ междудѣйствіе». Всѣ эти разсужденія (а ихъ 10 страничекъ) невольно напоминаютъ пословицу: «за мухой гоняться съ обухомъ», и поэтому становится понятенъ насмѣшливый отзывъ *Московского Телеграфа*.

Однако, уже въ слѣдующемъ году Иванъ Ермолаевичъ выступилъ съ новымъ своимъ произведеніемъ. Теперь это была уже «повѣсть въ стихахъ» — «Московскія минеральныя воды»¹⁾, изданная подъ псевдонимомъ *Ивелера*. Маленькая брошюрка эта, въ 54 странички in 16° (изъ коихъ 15 заняты письмомъ къ «будущей невѣстѣ» автора), представляетъ изъ себя I-ю главу²⁾ повѣсти — «Консиліумъ», въ которой описывается молодой богатый человѣкъ — баронъ Велень, отъ скуки воображающій себя больнымъ и созывающій докторовъ для консиліума о его болѣзни. Все это изложено весьма живо, читается легко и подчасъ вызываетъ улыбку. И размѣръ стиховъ, и способъ изложенія, и

1) Это — насмѣшка надъ «Московскимъ заведеніемъ искусственныхъ минеральныхъ водъ», открытымъ въ Москвѣ лѣтомъ 1828 г. и бывшимъ одно время въ болѣшой модѣ среди высшаго класса москвичей (см. *Московский Вѣстникъ* 1828 г., ч. IX, стр. 167—186 и 415—419).

2) Больше не появлялось.

отступленія, и дѣленіе на строфы, наконецъ, и самый типъ Велена даютъ возможность предположить, что піеса написана была Великопольскимъ въ подражаніе «Евгенію Онѣгину». Вотъ, на примѣръ, строфа

ХП.

«А гдѣ-жъ больной?» — Сейчасъ онъ будетъ!

Немножко докторъ помолчалъ
И головою покачалъ:
«Пожалуй, онъ и позабудетъ;
Онъ все вѣдь тотъ-же, какъ бывалъ:
Иль весь въ прожектахъ, иль голубить,
Съ утра забравшись въ кабинетъ,
«На прыщикъ Деліи» сонетъ.
Межъ тѣмъ вриказано ужъ Трошкѣ
За нимъ отправиться верхомъ.
Но вотъ онъ, вотъ онъ! Бдутъ дрожки,
На нихъ, съ накинутымъ плащомъ
И въ пестрой шляпѣ изъ соломы,
Сидить... но только не больной,
А очень милый, молодой,
Во всѣ пріятно вхожій дома,
Заѣзжій докторъ къ намъ чужой.

Или строфа

ХХ.

.... Баронъ любезный
Былъ новый Стернь, коль Стерны есть.
Онъ былъ рожденъ корзины плестъ
Для дѣвъ Аркадіи прелестной,
Жить въ вѣкъ златой, и Богъ ужъ вѣсть,
Какъ онъ попалъ въ нашъ вѣкъ желѣзный,
Гдѣ вся работа — ѣсть и пить.
Онъ одного хотѣлъ: любить
И съ мыслью, полною мечтою,
Съ душой, исполненной огня,

Скучалъ онъ сердца пустотою,
 Худѣль примѣтно день отъ дня.
 Задумчивый въ веселомъ кругѣ,
 Молчать на балы онъ ѣзжалъ,
 Чего-то въ тайнѣ тамъ искалъ:
 Искалъ цвѣтовъ на русскомъ лугѣ
 И весь лугъ русской браковалъ.

* * *

XXXI.

Съ утра отправленную въ ссылку
 Въ подвалъ запасливый, на ледъ,
 Слуга навстрѣчу имъ несетъ
 Вина мятежнаго бутылку;
 Снимаетъ палець, пробка бѣтъ;
 Упавъ на длинную подстилку,
 Дала скачекъ, и на себѣ
 Вертитъ, катая, V. C. P.
 Бокаль шумить, вино играетъ
 И бьетъ и въ голову, и въ носъ;
 Хозяйка милая чихаетъ,
 И докторъ тронулся до слезъ.
 Осушено. Ужъ быстро къ дому
 Колеса шумныя бѣгутъ.
 Враги, раскланявшись, идутъ,
 Привѣтно вымолвивъ больному:
 «Wo gutes Ende, alles gut!»

Затѣмъ въ литературной дѣятельности Великопольскаго наступаетъ перерывъ до 1837 г.¹⁾ Вызванъ онъ былъ женитьбой нашего писателя, а затѣмъ — устройствомъ его имущественныхъ дѣлъ.

1) Въ этотъ промежутокъ времени Великопольскій напечаталъ, насколько намъ извѣстно, только пѣску: «Старикъ (Романъ)» — въ альманахѣ *Альциона* на 1832 г., стр. 65 (съ подписью Ивельевъ).

Въ Москвѣ проживалъ почтенный, пользовавшійся широкой, вполнѣ заслуженной извѣстностью докторъ, профессоръ и бывший ректоръ Московскаго Университета — Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ съ женою своею Софьей Харитоновной, рожденной Чеботаревой¹⁾ и единственною дочерью — Софьей Матвѣвной²⁾. Иванъ Ермолаевичъ былъ издавна знакомъ съ семействомъ Мудровыхъ; еще отецъ его, какъ уже было сказано выше, былъ въ дружескихъ связяхъ съ Матвѣемъ Яковлевичемъ и въ молодости принадлежалъ къ одной съ нимъ масонской ложѣ. По выходѣ въ отставку Иванъ Ермолаевичъ часто ѣздилъ въ Москву и посѣщалъ семью почтеннаго доктора. Вскорѣ между нимъ и Софьей Матвѣвной завязались дружескія отношенія, затѣмъ перешедшія въ любовь, и, въ концѣ концовъ, Иванъ Ермолаевичъ въ 1831 г. рѣшился просить руки Софьи Матвѣвны. За нее сватался въ то же время докторъ Д. К. Тарасовъ, впослѣдствіи директоръ Медицинскаго Департамента, но рѣшительнаго отвѣта ни тотъ, ни другой получить не могли. Между тѣмъ М. Я. Мудровъ, командированный въ разные города Россіи для принятія мѣръ въ борьбѣ со свирѣпствовавшюю тогда холерой, 8-го іюля скончался въ Петербургѣ, но передъ смертію передалъ женѣ свое непремѣнное желаніе, чтобы Софья Матвѣвна вышла именно за Великопольскаго. Иванъ Ермолаевичъ въ это время долженъ былъ уѣхать въ Петербургъ, передавъ дѣло о своемъ сватовствѣ старой своей пріятельницѣ Аннѣ Михайловнѣ Еремѣвой, рожденной Прокоповичъ-Антонской, у которой иногда и жила въ Москвѣ, въ ея домѣ на Большой Якиманкѣ, у Калужскихъ воротъ³⁾. Та энергично принялась за дѣло, и результатъ былъ благопріятный. Получивъ отъ Анны Михайловны извѣщеніе о согласіи Софьи Матвѣвны и ея матери, Иванъ Ермолаевичъ писалъ 26-го сентября 1831 г. своей свахѣ:

Любезнѣйшая Анна Михайловна! Богъ да вознаградитъ Васъ за сдѣланное мнѣ благодѣяніе. Сію минуту получилъ Ваше письмо отъ 19-го. Руки мои дрожали; я помолился Богу. Наконецъ, онъ выслушалъ меня: мое счастье началось; мнѣ позволено произнести вслухъ

1) Род. въ 1786 г., ум. 10-го августа 1833 г., погребена въ с. Чукавинѣ. Она была дочь профессора и также бывшаго ректора Московскаго Университета Х. А. Чеботарева и жены его — Софьи Ивановны Вилькинсъ; послѣдняя приходилась родственницей Н. И. Новикову (сообщеніе Н. И. Чаплиной).

2) Род. 23-го августа 1815 г., ум. въ Чукавинѣ 7-го апрѣля 1897 г.

3) См. Сочиненія Пушкина, изд. Литературнаго Фонда, т. VII, стр. 201.

тѣ объѣты, исполненіе которыхъ такъ слилось съ моимъ существованіемъ! Ея благополучіе во всякомъ случаѣ было бы для меня драгоценно: теперь — это сдѣлалось цѣлю моей собственной жизни; теперь Богъ возлагаетъ это на меня, какъ священную обязанность. Одно право себѣ сказать это есть уже такое чувство, какого я до сей поры еще не испытывалъ. Богъ да вознаградитъ Васъ! Всегда видѣвъ истинное участіе, которое Вы принимаете и во мнѣ, и въ ней, я знаю, что и Вамъ ничѣмъ другимъ я не могу заплатить за Вашу дружбу и посредничество, какъ умѣніемъ цѣнить мое благополучіе и осчастливленіемъ той, которой судьба теперь будетъ мнѣ вѣрена. Клянусь Вамъ, что всѣ минуты моей жизни будутъ посвящены на то, чтобы содѣлаться ея достойнымъ. Эта клятва вѣрна, потому что она прямо отъ сердца» и т. д. 28-го сентября онъ снова пишетъ своей доброй свахѣ: «Я ужъ не прежній Иванъ Ермолаевичъ, я ужъ не безумствую: я веселъ! Волненія продолжаются, но ужъ это — совѣмъ не та тревога, это ужъ только чувство, которое тѣмъ и хорошо, что въ поминутной вспышкѣ, въ непрестанной жизни. Ежели безумствую, то это ужъ только отъ нетерпѣнія быть въ Москвѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я высвободилъ душу откровеннымъ поканіемъ, высказалъ все, что тревожило меня въ моихъ обстоятельствахъ, съ тѣхъ поръ, какъ получилъ отъ Васъ волшебную записку, — я ужъ рыцарь безъ страха и упрека, смотрю прямо на солнце, прямо на людей. Говорятъ, что любовь непремѣнно ревнива; нѣтъ! Я испытываю, что когда она дружна съ истиннымъ уваженіемъ, то это неправда. Вчера мнѣ сказалъ Андрей Харитоновичъ¹⁾, что въ Москву поѣхалъ къ ней другой искатель, какой-то [Тарасовъ]²⁾ генераль, человѣкъ не старый (какъ мнѣ бы, впрочемъ, того хотѣлось), — а я спокоенъ; не потому, что слово дано (тутъ дѣло не въ словѣ, а въ сердцѣ), но потому, что... однимъ словомъ я спокоенъ, я увѣренъ. Не правда-ли, что это счастливое чувство? Я даже хотѣлъ бы, чтобы онъ былъ молодъ, хорошъ, уменъ, любезенъ; чтобы имѣлъ всѣ, всѣ достоинства. Хотѣлъ бы потому, что

1) Чеботаревъ (род. въ 1784 г., ум. въ 1833 г.), братъ Софьи Харит. Мудровой.

2) Дмитрій Клементьевичъ (род. въ 1792 г., ум. въ 1866 г.), бывший въ это время лейбъ-хирургомъ и гражданскимъ генераль-штабъ-лѣкаремъ; авторъ «Воспоминаній», напечатанныхъ въ *Русской Старинѣ* 1871 и 1872 гг. Фамилія его *выртзана* изъ письма.

въ жизни пужны испытанія, что мнѣ тогда было бы такъ пріятно, ведя ее подъ вѣнецъ, сказать: «Позвольте, г. Тарасовъ!» Впрочемъ, онъ женихъ странный: онъ никогда ея не видалъ, а она — его. Лучше бы ужъ ему ее и не видать». . . . «Вашу записку», пишетъ онъ далѣе: «подали мнѣ третьяго дня, только-что я успѣлъ проснуться. Я сорвалъ печать съ конверта Дмитрія Михайловича¹⁾, и остановился, не смѣя ни распечатать Вашего письма, ни читать того, что онъ ко мнѣ пишетъ. Изъ этого свѣта счастья едва одинъ лучъ свѣтился моей надеждѣ. Я помолился Богу и *Казанской*. Письмо Дмитрія Михайловича, поздравляющаго меня съ чѣмъ-то, ободрило меня: я распечаталъ Ваше; вижу — записка Софьи Харитоновны, но въ которой она просто только пишетъ къ Вамъ, что пріѣдетъ Васъ навѣстить. Въ первое мгновеніе мнѣ показалось, что это рука Софьи Матвѣевны (Вы знаете, что мнѣ знакомъ ея почеркъ); я искалъ моего имени, но когда разсмотрѣлъ и прочиталъ, то не зналъ, что заключить, хотя поздравленіе Дмитрія Михайловича и предувѣдомило уже меня о развязкѣ. Разумѣется, что все это недоумѣніе продолжалось одну минуту. Я прочиталъ Ваши строки, заплакалъ и поблагодарилъ Бога. Первою моею мыслію было поспѣшить въ церковь, вторую — написать къ Вамъ, излить мои чувства, поблагодарить Васъ, мою благодѣтельницу. Только-что принялся за письмо, явился Юдинъ²⁾ и началъ торопить ѣхать по обѣщанію въ Кронштадтъ. . . . На обратномъ пути. . . насъ застигнулъ такой туманъ, что мы, не доѣзжая верстъ семь до Петербурга, должны были бросить якорь и ночевать. Каково положеніе? Съ нами ѣхалъ сенаторъ кн. Любомірскій, Кронштадтскій архитекторъ и еще человѣка два людей хорошихъ. Мы составили вистъ, но послѣ четырехъ робберовъ всѣ сенаторы и не сенаторы начали призывать Морфея: кто на лавкѣ, кто на полу, кто на стулѣ. Мнѣ, Юдину, архитектору и еще одному иностранцу, котораго мы пригласили съ собой для потѣхи, спать не хотѣлось. На пароходѣ есть ресторація; мы пошли туда ужинать; между всхрапывающими пассажирами я раскупорилъ моимъ товарищамъ двѣ бутылки шампанскаго. Добрый Юдинъ, никогда не пьющій,

1) Прокоповича-Антонскаго, брата А. М. Еремѣевой, служившаго въ это время начальникомъ отдѣленія въ Особой канцеляріи при главноначальствовавшемъ надъ Почтовымъ департаментомъ кн. А. Н. Голицына.

2) Это былъ старинный пріятель Ивана Ермолаевича.

выпилъ за мое счастье два стакана; архитекторъ и иностранецъ — также. Я пилъ отъ души, но вливалъ въ стаканъ половину воды, потому что мнѣ вино вредно и потому что не хотѣлъ быть пьянымъ, и слѣдовательно я былъ трезвымъ наблюдателемъ дѣйствій искрометнаго напитка. Такъ какъ шампанскому предшествовали нѣсколько рюмокъ мадеры, то веселые гости, поблагодаривъ, какъ сидѣли, такъ и заснули. Кругомъ сонъ, одинъ я бодрствую и мечтаю. Вотъ Юдинъ началъ грезить, вздыхать, ударилъ по столу кулакомъ и поблѣднѣлъ. Такъ какъ онъ очень полнокровенъ, то я, испугавшись послѣдствій вина, сталъ его будить. Полуопомнившись, онъ опять началъ вздыхать, но ужъ это не во снѣ, а обо снѣ. Вообразите, ему видѣлось, что онъ въ раю. Это бы ничего, но что и въ раю-то онъ сидитъ на пароходѣ и видитъ насъ. Мысль, что и на томъ свѣтѣ все тѣ-же люди и предметы, его такъ разнѣжила, что онъ опять захотѣлъ въ рай и, положивъ мою голову къ себѣ на грудь, сталъ засыпать. Я высвободилъ голову, прилегъ на лавку и былъ въ моемъ раю: я ее видѣлъ; она мнѣ мелькнула, и я проснулся, потому что въ эту минуту кто-то сонный свалился съ лавки. Пожелавъ ему съ досады синее пятно, я хотѣлъ опять заснуть, но ужъ не могъ; а ежели и забывался, то ужъ не видѣлъ моегорая...

Изъ писемъ этихъ можно видѣть, какъ долженъ былъ стремиться Иванъ Ермолаевичъ къ своей невѣстѣ; но дѣла его задерживали. 1-го октября («Ахъ, батюшки, ужъ октябрь!»), приписываетъ онъ подъ датой) онъ пишетъ А. М. Еремѣевой, что онъ простудился, слегъ въ постель. «Мысль, что ежели я не совсѣмъ лишусь блага земного», продолжаетъ онъ: «то можетъ быть слабость — всегдашнее послѣдствіе этой болѣзни (горячки) — задержать меня мѣсяца три, такъ меня тревожила, что я чувствовалъ, что жаръ отъ того усиливался». «Вчера я провелъ вечеръ у Людмилы Сергѣевны»¹⁾, продолжаетъ онъ: «тамъ была Марья Борисовна²⁾ съ дочерью и маленькимъ сыномъ; Дмитрій Михайловичъ³⁾ также былъ дома. Мы провели время весело. Да! Не-

1) Прокоповичъ-Антонской, рожд. Даргомыжской, жены Николая Михайловича Прокоповича-Антонскаго, дочери писательницы Марьи Борисовны и сестры извѣстнаго композитора.

2) Даргомыжская (ум. 7-го ноября 1851 г., 64 лѣтъ), дѣтская писательница, жена д. с. совѣтника Сергѣя Николаевича Даргомыжскаго (род. 9-го сентября 1798 г., ум. 2-го апрѣля 1864 г.), мать композитора.

3) Прокоповича-Антонскаго, брата А. М. Еремѣевой.

смотря на то, что я встревоживаюсь, что дѣло тянется, что я не въ Москвѣ, а я гораздо веселѣе прежняго. А ежели бы я зналъ, что она немного груститъ, — мнѣ было бы еще веселѣе. Скажете-ли вы это ей? Ежели бы на эту мою строку упала ея слезка, какъ бы мнѣ это было весело! Есть же вѣдь такія слезы, отъ которыхъ весело! А когда мнѣ будетъ позволено отереть ихъ платочкомъ, мнѣ кажется, что я тогда самъ заплачу, особливо, когда увижу, что это ей весело!»

«Вчерашній вечеръ», пишетъ онъ отъ 5-го октября, «я провелъ у Людмилы Сергѣевны, по приглашенію Дмитрія Михайловича послушать ея игру на арфѣ. Мы провели время очень пріятно; тѣмъ болѣе я тому былъ радъ, что весь день мнѣ было грустно... Отъ того-ли нашла на меня тоска, что меня здѣсь тянутъ день за день, отъ того-ли, что между нами нѣтъ еще ничего положительнаго, или отъ того, что я никогда еще съ такою заботливостью не думалъ о поправленіи моихъ дѣлъ, но мнѣ что-то было очень тяжело..... Людмила Сергѣевна хорошая музыкантша; я не ожидалъ такой прекрасной игры. Два ея брата также прекрасно играютъ: одинъ на скрипкѣ¹⁾, другой — на фортепiano²⁾. Я съ большимъ удовольствіемъ слушалъ ихъ тріо изъ «Севильскаго Цырульника». Музыка — моя страсть!»

Наконецъ, Иванъ Ермолаевичъ 17-го октября выѣхалъ изъ Петербурга, по дорогѣ въ Москву заѣхалъ къ себѣ въ Чукавино, а уже оттуда явился въ Бѣлокаменную и, при посредствѣ той же А. М. Еремѣевой, получилъ возможность представиться своей невѣстѣ и ея ма-

1) Эрастъ Сергѣевичъ Даргомыжскій; вотъ что писала 25-го января 1832 г. А. М. Еремѣева въ письмѣ къ Ивану Ермолаевичу: «Брата Николая съ Людмилой встрѣтить горе въ Петербургѣ: Людмила оставила брата своего Эраста совершенно здоровымъ, — и болѣе уже съ нимъ не увидится; воображаю ея горестъ, когда она узнаетъ о кончинѣ его!» — О немъ говоритъ И. И. Козловъ въ стихотвореніи своемъ «Жалоба» (1832 г.):

... Давно-ли — жизнь семьи родной —
 Явился юноша межъ нами
 Съ высокой, пылкою душой,
 Съ одушевленными струнами?
 И вдругъ отъ насъ сокрылся онъ!
 Умолкъ напѣвъ, мечтанью милой,
 Лишь вѣетъ въ полночь дивный стонъ
 Надъ тихою его могилой...

2) Знаменитый впослѣдствіи композиторъ Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій (род. въ 1813 г., ум. въ 1869 г.).

тери. «Наконецъ, почтенная Софья Харитоновна», писала Анна Михайловна 30-го октября: «будущее дитя Ваше явилось въ Москву, и я буду ожидать приказанія Вашего подвести его подъ Ваше благословеніе... Иванъ Ермолаевичъ рвется къ Вамъ и потому его именемъ прошу Васъ назначить не позже завтрашняго дня, но для меня собственно желала бы, чтобы это было не утромъ, а послѣ обѣда, потому что утромъ будетъ докторъ у папильки¹⁾ и мнѣ непременно надобно быть у него; сегодня же у меня гости, да и Вамъ пѣтъ времени прежде помолиться, какъ Вы того хотѣли».

Наконецъ, всѣ формальности, требовавшіяся этикетомъ того времени, были закончены, Иванъ Ермолаевичъ и Софья Матвѣевна были объявлены женихомъ и невѣстою, а 13-го ноября того же 1831 г. состоялась и ихъ свадьба. 19-го декабря Иванъ Ермолаевичъ отправился въ Казань, чтобы познакомить молодую жену съ своей многочисленной родней. Молодые провели тамъ не болѣе мѣсяца: они торопились вернуться къ Софьѣ Харитоновнѣ, на Прѣсенскіе Пруды, такъ какъ она очень скучала въ непривычномъ одиночествѣ, особенно безъ своей 16-ти-лѣтней Сонюшки. Она писала молодымъ въ Казань ежедневно, начиная съ слѣдующаго за отъѣздомъ дня, сообщала имъ всѣ московскія новости, передавала поклонны знакомыхъ и аккуратно въ каждомъ письмѣ свидѣтельствовала почтеніе «милостивому государю Алексѣю Ѳедоровичу (вотчиму Ивана Ермолаевича) и всѣмъ любезнѣйшимъ сестрицамъ и братцу (Ивана Ермолаевича), тетущкѣ и всѣмъ роднымъ». Мы позволимъ себѣ сдѣлать изъ писемъ этихъ нѣсколько небезынтересныхъ выписокъ. — «Не забудьте навѣстить Василья Андреевича Загорскаго²⁾ и побывать у преосвященнаго Филарета», наставительно пишетъ она 23-го декабря 1831 г. Далѣе, жалуясь на пустоту въ домѣ послѣ отъѣзда молодыхъ, она говоритъ: «Получивъ списокъ медицинскихъ книгъ, я сокращаю часы скуки трудами. Вчера и сегодня вписывала цѣны медицинскихъ увражей³⁾, которые могу

1) Ст. сов. Михаилъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, бывшій оберъ-секретарь Общаго собранія Московскихъ Департаментовъ Сената (род. 8-го ноября 1760 г., ум. 29-го мая 1844 г.).

2) Бывшій адъюнктъ Московскаго Университета по кафедрѣ математики 1805—1810 г., писатель.

3) Богатѣйшей библіотеки покойнаго М. Я. Мудрова. Часть ея была перевезена въ Чукавино, но, кажется, тамъ не сохранилась.

прійскать въ каталогахъ Готье. Но такъ какъ весьма многихъ увражей, которые мы имѣемъ, въ нихъ не означено, то я и хочу промыслить каталоги другихъ книгопродавцевъ, чтобы все означить; трудъ не малый, особенно по недостатку источниковъ и помощниковъ, ибо самый вѣрный помощникъ мой — Петръ Ларионовичъ¹⁾ убитъ горестью: бѣдная Варинька день ото дня слабѣетъ, и не думаю, чтобы додышала до Вашего возвращенія». «Я получила отъ брата²⁾ письмо», сообщаетъ она 30-го декабря, «въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня, что добрый и почтенный другъ нашъ Иванъ Ѳедоровичъ Журавлевъ³⁾ сдѣланъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ». Въ письмѣ отъ 5-го января 1832 г. она спрашиваетъ: «Были-ли вы, милыя мои дѣти, у преосвященнаго Филарета, приняли-ль его благословеніе?.. Вчера я нечаянно была обрадована посѣщеніемъ доброй и милой Надежды Тимоѣевны Карташевской⁴⁾, которая, оставя мужа и дѣтей въ Витебскѣ (ты знаешь, Соничка, что Григорій Ивановичъ — попечитель Бѣлорусскаго Университета), ѣдетъ за 1800 верстъ въ Оренбургъ навѣстить больную, слѣпую мать свою: примѣръ дѣтской любви! Она, остановясь въ Москвѣ на нѣсколько часовъ, не хотѣла ѣхать, не выдавъ меня, и была у меня вмѣстѣ съ Сергѣемъ Тимоѣевичемъ. Благодарю Бога за добрыхъ друзей!» — «Были ли вы у почтенной игуменьи? Покойный другъ мой⁵⁾ былъ ею очень обласканъ. Я бы желала также, чтобы Вы навѣстили старичка Василья Андреевича Загорскаго, давнишняго знакомаго Матвѣя Яковлевича». Въ письмѣ отъ 27-го января 1832 г. Софья Харито-

1) Страховъ, докторъ медицины, ординарный профессоръ ветеринарній въ Московскомъ Университетѣ (род. въ 1792 г., ум. въ 1856 г.); онъ былъ женатъ на одной изъ семи воспитанницъ М. Я. и С. Х. Мудровыхъ — Варварѣ.

2) А. Х. Чеботарева.

3) Род. въ 1776 г., ум. въ 1842 г.; въ 1810-хъ годахъ онъ былъ масономъ и уже тогда зналъ М. Я. Мудрова.

4) Рожденной Аксаковой, сестры С. Т. Аксакова; со всѣмъ семействомъ ихъ были хорошо знакомы Мудровы и Великопольскіе. Вотъ что писала Софья Харитоновна Ольга Семеновна Аксакова 3-го ноября 1831 г.: «Съ истиннымъ удовольствіемъ получила извѣщеніе Ваше, сердечно радуюсь о помолвкѣ любезнѣйшей Софіи Матѣевны, тѣмъ болѣе, что мы лично знакомы съ Иваномъ Ермолаевичемъ; надѣюсь скоро сама поздравить васъ. Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть, Милостивая Государыня, Вамъ покорнѣйшая ко услугамъ Ольга Аксакова.

Сергѣй Тимоѣевичъ, свидѣтельствуя Вамъ свое истинное почтеніе, искренно радуется и поздравляетъ Васъ».

5) То-есть, М. Я. Мудровъ.

новна пишеть: «Поблагодарите за меня почтеннѣйшаго братца Вашего Михайла Николаевича¹⁾ за то полезное удовольствіе, которое онъ доставилъ тебѣ, Соничка моя, показавъ тебѣ всѣ достопамятности Казанскаго Университета. Были-ли у игумены? Образъ, которымъ папенька благословилъ тебя, Соня, пріѣхавши изъ Казани, получилъ онъ отъ нея въ благословіе. Какъ мнѣ завидно, что я съ Вами вмѣстѣ не слушаю лекцій почтеннаго профессора физики²⁾ Казанскаго Университета. Но было время, когда и я слушала лекціи славнаго профессора физики Страхова³⁾. Это было во время ректорства покойнаго моего родителя⁴⁾. Тогда нѣсколько курсовъ дано было публичныхъ, и многія дамы-охотницы прилежно ихъ посѣщали. Изъ прилежныхъ, не прогуливавшихъ ни одной лекціи, теперь въ Москвѣ только двѣ: графиня Брогліо⁵⁾ и Анися Ѳедоровна Вельяминова-Зернова⁶⁾. Вскорѣ по перемѣнѣ ректора и лекціи публичныя кончились; а жаль, что кончилось: онѣ были очень занимательны».

Прогостивъ въ Казани, молодые вернулись въ Москву и поселились въ домѣ Мудровыхъ на Прѣсенскихъ Прудахъ; Иванъ Ермолаевичъ, впрочемъ, часто уѣзжалъ по дѣламъ своего имѣнія. Вотъ отрывокъ изъ письма его⁷⁾ изъ Чукавина отъ 3-го марта 1832 г. къ женѣ и тещѣ: «Написавъ къ Вамъ съ дороги⁸⁾, я хотѣлъ отправить письмо съ извозчикомъ, который нанялся было везти въ Москву попавшагося намъ навстрѣчу князя Николая Ивановича Хованскаго. Торгъ изво-

1) М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, двоюродный братъ Ивана Ермолаевича, сынъ родной тетки его — Евдокіи Сергѣевны, рожд. княжны Болховской (род. 7-го іюня 1771, ум. 5-го января 1843 г.), тогда попечитель Казанскаго, а впослѣдствіи С.-Петербургскаго Учебнаго Округа; умеръ въ 1862 г. въ чинѣ д. т. совѣтника и въ званіи сенатора.

2) Ник. Ив. Лобачевскій, женатый, какъ сказано было выше, на единоутробной сестрѣ Ивана Ермолаевича — Варварѣ Алексѣевнѣ Моисеевой. Братъ ея, Николай Алексѣевичъ Моисеевъ, питомецъ Казанскаго Университета, въ 1827—1832 г. былъ лекторомъ французскаго языка въ томъ же Университетѣ.

3) Петръ Ивановичъ Страховъ, профессоръ Московскаго Университета, род. въ 1757 г., ум. въ 1813 г.

4) X. А. Чеботарева.

5) Быть можетъ, графиня Анна Петровна, въ 1814 г. генералъ-маіорша.

6) Въ замужествѣ Кологривова (род. 28-го декабря 1788 г., ум. 25-го марта 1876 г.).

7) Одно изъ весьма немногихъ уцѣлѣвшихъ его писемъ.

8) Изъ села Петровскаго, въ 73 верстахъ отъ Москвы, 29-го февраля 1832 г.

щика не состоялся, и потому я послалъ моего Николая къ самому князю просить о доставленіи письма. Онъ былъ такъ добръ, что взялся и обѣщался доставить въ понедѣльникъ, чѣмъ-свѣтъ; слѣдовательно, Вы уже его получили, а ежели нѣтъ, то — князь Хованскій живетъ на Никольской, въ домѣ графа Орлова. — Въ Денежное¹⁾ я пріѣхалъ часу въ первомъ ночи. Едва проснулся, — жидки уже меня дожидались; они давали 70 руб. асс. за дерево и хотѣли непременно купить 200 сосенъ; я просилъ 150 и продавалъ не болѣе 10; между тѣмъ получилъ отъ нихъ записку, какой мѣры имъ сосны надобны, а это для меня было главное. Они очень около меня ухаживали: имъ хотѣлось купить хотя сосенъ двадцать. Такъ какъ я, боясь связываться съ жидками, не хотѣлъ съ ними рѣшительно покончить, а между тѣмъ желалъ и сберечь ихъ на всякій случай, то я поторопился скорѣе изъ Денежнаго выѣхать, тѣмъ болѣе, что это приближало и время моего возвращенія. Получивъ въ тотъ же день пригласительную записку отъ Новосильцова, я поѣхалъ къ нему ночевать. Тамъ нашелъ его родственниковъ: Горчакова съ женою²⁾ и Юрьеву³⁾; послѣдняя (рожденная Лихачева) — очень милая женщина и родная племянница Гаврилѣ Ивановичу Осокину. И Горчаковы, и она на-дняхъ отъ Новосильцова отправляются и, быть можетъ, проѣздомъ черезъ Москву, будутъ у Васъ; впрочемъ, я не думаю, чтобы они успѣли заѣхать, потому что имъ по зимнему пути надобно поспѣть: однимъ въ Казань, а другой — въ Рязань. Отъ Новосильцева . . . я заѣхалъ по дорогѣ къ Шелеховымъ⁴⁾ обѣдать. . . Такъ какъ у нихъ семи-, пяти- и четырехъ-польное хозяйство, то, хотя они уже и не берутъ учениковъ, но я на нынѣш-

1) Имѣніе Ивана Ермолаевича въ Зубцовскомъ уѣздѣ, богатое своимъ мачтовымъ лѣсомъ.

2) Вѣроятно, Горчаковъ, женатый на Марьѣ Александровнѣ Лихачевой, сестрѣ Семена Александровича.

3) Екатерина Семеновна, дочь Семена Александровича Лихачева (ум. 28-го мая 1821 г.) и жены его Прасковьи Ивановны Осокиной (свойственницы Великопольскаго).

4) Извѣстный сельскій хозяинъ, гвардіи полковникъ (потомъ ст. совѣтникъ) Дмитрій Потаповичъ Шелеховъ, писатель по вопросамъ агрономіи, проживавшій въ сельцѣ Фроловѣ, Зубцовскаго уѣзда, Тверской губерніи и тамъ умершій 16-го мая 1854 года; у него было заведено, вмѣсто рутиннаго трехъ-польнаго, плодоперемѣнное хозяйство съ травосѣяніемъ и сѣяніемъ картофеля. Шелеховъ принималъ къ себѣ бесплатно учениковъ на курсъ съ 20-го апрѣля по 15-е октября (см. *Московскія Вѣдомости* 1830 г., № 24, стр. 1156 и 1833 г., № 16, стр. 722—723).

ній годъ упросилъ ихъ взять одного моего и отдаю къ нимъ самаго выборнаго. Можетъ быть на будущій годъ и я заведу четырёхъ-польное въ Чукавинѣ. Отобѣдавъ у Шелехова, я пріѣхалъ на ночь въ Чукавино; на другой же день пріѣхалъ ко мнѣ архитекторъ. Я рѣшился весною отштукатурить, но на всякій случай велю очистить нѣсколько комнатъ въ большомъ домѣ, чтобы въ нихъ жить, ежели тамъ будетъ сыро».

Такъ, въ переѣздахъ съ семьей изъ Москвы въ Чукавино и обратно, потекла мирная жизнь Ивана Ермолаевича. Осень и зиму 1832 г. молодые съ С. Х. Мудровой провели въ деревнѣ, гдѣ 13-го сентября у нихъ родилась дочь — Надежда Ивановна, которой авторъ этой статьи обязанъ сообщеніемъ многихъ драгоценныхъ матеріаловъ. Зиму Великопольскіе обыкновенно проживали въ Москвѣ, въ своемъ Прѣсенскомъ домѣ, ведя довольно открытый образъ жизни, къ которому Иванъ Ермолаевичъ всегда былъ предрасположенъ, проводя вечера въ Англійскомъ клубѣ или принимая гостей у себя и посѣщая своихъ знакомыхъ. Такъ, онъ часто бывалъ у Аксаковыхъ, у которыхъ въ 1835 году присутствовалъ при первомъ чтеніи «Ревизора»¹⁾, къ автору котораго относился съ какимъ-то обожаніемъ. По свидѣтельству И. И. Панаева Сергѣй Тимоѣевичъ любилъ по вечерамъ играть въ карты, и «между прочими партнерами его были тогда И. Е. Великопольскій и Н. Ф. Павловъ»²⁾. Заимствуемъ изъ тѣхъ же воспоминаній Панаева любопытное описаніе вечера, даннаго Иваномъ Ермолаевичемъ въ 1839 году: «Великопольскій имѣлъ тогда собственный домъ на Прѣсенскихъ прудахъ. Однажды онъ давалъ въ этомъ домѣ по какому-то случаю, а можетъ быть — безъ всякаго случая, балъ и пригласилъ къ себѣ всѣхъ старыхъ и новыхъ знакомыхъ и, въ томъ числѣ, меня и Бѣлинскаго. . . . Часу въ девятомъ я отправился на балъ. . . . вмѣстѣ съ К. С. Аксаковымъ и Бѣлинскимъ. . . Домъ его былъ набитъ биткомъ гостями, оркестръ гремѣлъ, танцы были во всемъ разгарѣ. Лакеи безпрестанно разносили разныя прохладительныя, конфекты и фрукты. Толпы любопытныхъ собрались у дома. Садъ на Прѣсенскихъ пруд-

1) Полное Собраніе сочиненій С. Т. Аксакова, т. III, С.-Пб. 1886, стр. 328 и его же «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ» — *Русскій Архивъ* 1890 г., № 8, стр. 10—11.

2) Литературныя воспоминанія. С.-Пб. 1888, стр. 158.

дажь былъ также наполненъ гуляющими. Бѣлинскій, К. Аксаковъ и я недолго оставались въ комнатахъ, гдѣ была нестерпимая духота. Мы пошли гулять на Прѣсенскіе пруды. Когда стемнѣло, къ изумленію нашему, часть Прѣсенскихъ прудовъ была иллюминирована и импровизировалось народное гулянье. Около подъѣзда дома, на дворѣ, толпы гудѣли; многіе господа, незнакомые хозяину праздника, входили безперемонно въ домъ и угощались. Хозяинъ дома появлялся на крыльцо, разговаривалъ привѣтливо съ стоявшими тутъ и отдавалъ приказаніе угощать всѣхъ лимонадомъ, оршадомъ и конфетами. Подносы появлялись даже на Прѣсенскихъ прудахъ. Изъ толпы явился какой-то поэтъ и продекламировалъ стихи въ честь великодушнаго хозяина. Все это было чрезвычайно оригинально.

— «Вотъ, какіе праздники даютъ у насъ въ Москвѣ!» воскликнулъ К. Аксаковъ, съ торжественнымъ, сіяющимъ лицомъ обращаясь ко мнѣ: «гдѣ вы увидите что-нибудь подобное?.. Не выражается-ли въ этомъ широкая, размашистая славянская натура? (и Аксаковъ при этомъ размахнулъ рукою). Какъ не любить нашу Москву, Иванъ Ивановичъ, не правда-ли?»¹⁾

И дѣйствительно, натура у Ивана Ермолаевича была очень широкая: когда у него бывали деньги, онъ не любилъ считать ихъ и сыпалъ ими на-право и на-лѣво; а первые годы послѣ своей женитьбы онъ часто получалъ значительныя суммы съ имѣній и съ капитала, полученнаго имъ въ приданое²⁾, особенно отъ продажи мачтоваго лѣса изъ своего Денежнаго; онъ много тратилъ на различныя литературныя затѣи, на театръ, котораго сталъ ревностнымъ посѣтителемъ; много денегъ уходило у него и на устройство праздниковъ, подобныхъ описанному Панаевымъ. По добротѣ своего сердца, Великопольскій не упускалъ случаевъ помочь нуждающимся, а оказать поддержку литератору, къ кругу которыхъ онъ съ гордостью причислялъ и себя и среди которыхъ постоянно вращался, было для него прямымъ удовольствіемъ. Такъ, напримѣръ, сохранилось извѣстіе о томъ, съ

1) Литературныя воспоминанія. С.-Пб. 1888, стр. 161—164.

2) За Софьей Матвѣевной Великопольскій взялъ: село Ефимьяново и дер. Гагузину въ Корчевскомъ и дер. Зарѣчье въ Калыинскомъ уѣздахъ Тверской губерніи, каменный домъ въ Аванасьевскомъ переулкѣ, деревянный на Прѣсенскихъ прудахъ, денегъ и драгоценныхъ вещей болѣе чѣмъ на 200.000 рублей.

какимъ жаромъ отнесся Иванъ Ермолаевичъ къ распространившимся по Москвѣ въ концѣ 1838 г. слухамъ о томъ, что находившійся за границей Гоголь посаженъ за долги въ тюрьму. «Иванъ Ермолаевичъ Великопольскій», писалъ С. Т. Аксаковъ Погодину, «сказалъ мнѣ, что видѣлъ у Васъ¹⁾ Кони, который подтвердилъ непріятное извѣстіе о Гоголѣ и предложилъ мнѣ составить для него подписку. Великопольскій даетъ тысячу рублей. Мысль святая! Вѣдь это позоръ всѣмъ намъ, если Гоголя засадятъ въ тюрьму!²⁾ Подписка состоялась, и извѣстно, какъ кстати пришла къ Гоголю помощь его московскихъ пріятелей и почитателей. . .

Въ слѣдующемъ, 1839 году, Иванъ Ермолаевичъ свое пребываніе въ Москвѣ отмѣтилъ поддержкой, оказанной имъ, также весьма въ-время, Бѣлинскому, бывшему тогда въ большой нуждѣ; вотъ что писалъ намъ знаменитый критикъ И. И. Панаеву 19-го августа 1839 г., въ минуту тяжелой нужды и во время болѣзни, когда ему не на что было купить даже лѣкарствъ: «Я было и носъ повѣсилъ, но вдругъ является И. Е. Великопольскій, освѣдомляется о здоровьѣ и проситъ меня быть съ нимъ безъ церемоній и сказать, нужны-ли мнѣ деньги. Я попросилъ 50 рублей, но онъ заставилъ меня взять 100. Вотъ такъ благодѣтельный помѣщикъ! На другой день, передъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ деревню, опять навѣстилъ меня»³⁾. По словамъ Панаева, Великопольскій, познакомившійся съ Бѣлинскимъ черезъ Аксаковыхъ, и знавшій стѣсненное положеніе, въ которомъ тотъ часто находился, «*нердко* помогаль ему»⁴⁾, чѣмъ, быть можетъ, объясняется тотъ фактъ, что Бѣлинскій, не имѣвъ возможности съ похвалой отзываться о произведеніяхъ добряка Великопольскаго и не желая огорчать его дурными рецензіями, старался обходить молчаніемъ творенія своего великодушнаго покровителя.

1) Съ Погодинымъ Великопольскій познакомился еще въ 1834 г. (см. книгу Барсукова «Жизнь и труды Погодина», т. IV, С.-Пб. 1891, стр. 239—240).

2) Барсуковъ «Жизнь и труды Погодина», т. V, С.-Пб. 1892, стр. 159; см. также «Исторію моего знакомства съ Гоголемъ» С. Т. Аксакова въ *Русскомъ Архивѣ* 1890 г., № 8, стр. 13—14 и 24.

3) Литературныя воспоминанія И. И. Панаева. С.-Пб. 1888, стр. 296. Къ сожалѣнію, письма Бѣлинскаго къ Великопольскому, о которыхъ есть упоминаніе въ перепискѣ Ивана Ермолаевича съ женою, кажется погибли.

4) Тамъ же, стр. 161.

Иванъ Ермолаевичъ и послѣ женитьбы не оставлялъ своихъ излюбленныхъ литературныхъ занятій, постоянно создавая новыя темы для драматическихъ и иныхъ произведеній, занимаясь для того чтеніемъ, историческими и другими изысканіями. По нѣсколькимъ сохранившимся черновымъ тетрадямъ намъ извѣстно, что въ 1820—1840 годахъ имъ были написаны пьесы: «Мнемозина, большая пастушеская лирическая фантазія въ 2-хъ дѣйствіяхъ въ стихахъ, съ хорами, превращеніями, балетомъ и великолѣпнымъ зрѣлищемъ», «Сирота» (сцены); «Вдова», драма въ 5 дѣйствіяхъ, «Пьеретта и Душета, или полицейское слѣдствіе» (сцены), «Чудо Перуна» (1828—1829 гг.), лирическое представленіе въ 2-хъ частяхъ, изъ коихъ первая, подъ заглавіемъ «Заряна», напечатана была въ изданномъ Великопольскимъ въ 1859 году «Раскрытомъ портфелѣ» (стр. 121—151), и трилогія «Часы съ флейтой», первая часть которой была напечатана позже въ томъ же сборникѣ произведеній Великопольскаго. Наконецъ, онъ перевелъ въ стихахъ всю Вольтерову «Заиру», рукопись которой свидѣтельствуемъ объ изумительномъ усердіи Ивана Ермолаевича и его настойчивости. Кромѣ того, изъ имѣющихся у насъ двухъ томовъ «Пестраго альбома», — записной книжки, въ которую Иванъ Ермолаевичъ заносилъ всякія замѣтки, выписки, замѣчанія, наблюденія и т. п., мы видимъ, что имъ задуманы были и собирались матеріалы для трагедіи «Сумбека», для историческихъ драмъ «Крещеніе Владиміра», «Михаилъ Ярославичъ Тверской» и «Иванъ Сусанинъ», для драмъ «Торжество мнѣнія» и «Воскресное дитя», (впослѣдствіи была окончена) для комедій «Добросовѣстный», «Скупой» и т. д., и т. д. Съ этой цѣлью онъ записывалъ случайно слышанныя имъ лѣтнія выраженія, народныя пѣсни, пословицы, остроумныя замѣчанія; выписывалъ изъ книгъ, газетъ и журналовъ интересующія его свѣдѣнія по самымъ разнороднымъ наукамъ, отмѣчая противъ каждой выписки, къ какой комедіи, трагедіи, повѣсти и т. п. ее слѣдуетъ отнести. Весь этотъ обильно собранный матеріалъ Великопольскій старательно, часто насильственно, вставлялъ въ свои драматическія произведенія, отъ чего они теряли цѣльность и представляли изъ себя лишь рядъ отрывочныхъ наблюденій, набросковъ, часто не связанныхъ между собою. Такими именно качествами отличалась и изданная Великопольскимъ въ Москвѣ, въ февралѣ 1837 г., трагедія въ четырехъ дѣйствіяхъ «Владиміръ

Влонской», надъ которой онъ трудился очень долго, начавъ ее еще «въ холостомъ быту»¹⁾; примѣчанія къ предисловію и къ піесѣ поражаютъ количествомъ ссылокъ автора, для подтвержденія своихъ мнѣній, на многочисленныхъ писателей по самымъ разнообразнымъ специальностямъ²⁾ и на произведенія Гюго, Байрона, Руссо, баронессы Сталь, баронессы Криденеръ, виконта d'Aglaincourt и др., на сочиненія Козлова, Грибоѣдова, на журнальныя статьи и т. д. Въ предисловіи онъ написалъ цѣлое изслѣдованіе въ защиту мелодрамы... Піеса эта, отвергнутая Петербургскою Театральной Дирекціей, при первомъ же появленіи своемъ на свѣтъ навлекла на автора насмѣшки со всѣхъ сторонъ. Бѣлинскій, прочитавъ ее, въ письмѣ къ А. А. Краевскому отъ 4-го февраля 1837 года предлагалъ прислать разборъ «Владимира», говоря, что «трагедія издана очень красиво, съ большими затѣями, а написана еще съ большею бездарностію»³⁾. Въ *Библиотекѣ для Чтенія* и въ *Сынѣ Отечества* появились предупредительныя извѣщенія о выходѣ трагедіи: «Въ Москвѣ явилась вещь неслышанная», писалъ въ *Библиотекѣ для Чтенія*⁴⁾ Сенковскій: «несравненно любопытнѣе Галлеевой кометы, — трагедія съ двумя хвостами. Никогда еще родъ человѣческой не видывалъ такого дивнаго феномена! Это необычайное явленіе называется «Владимиръ Влонской», трагедія Ивельева», — и только. Изъ объявленія, приложеннаго къ «трагедіи Ивельева», видно, что она продается *начками по двѣнадцати экземпляровъ*, и между прочимъ продается у Ротгана, который, не дождавшись «трагедіи Ивельева», умеръ въ началѣ прошлаго года». Вслѣдъ за тѣмъ, въ «Литературной лѣтописи» той же *Библиотеки для Чтенія*⁵⁾ помѣщена была слѣдующая замѣтка о «Владимирѣ Влонскомъ»: «Два мѣсяца любовались мы на эту трагедію. Сама по себѣ она, если хотите, штука не важная, чтб-то въ родѣ драмы: вся завязка въ томъ, что мужъ ревнуетъ жену ко всякому мужчинѣ, — дѣло очень позволительное. Онъ ревнуетъ ее особенно къ молодому гусару, — это еще позво-

1) Какъ сказано въ посвященіи трагедіи «Моей женѣ».

2) По теоріи и исторіи театра, музыкѣ, физикѣ и исторіи и т. д.

3) Систематическое собраніе сочиненій Бѣлинскаго, изданіе Н. Зинченко, вып. V, С.-Пб. 1899, стр. 4.

4) 1837 г., мартъ, т. 21, отд. VI, стр. 31—32.

5) 1837 г., т. XXII, отд. VI, стр. 18—20.

лительнѣе. А развязка, — развязка въ томъ, что мужъ подозрѣваетъ жену, будто она уѣхала изъ Московскаго Благороднаго Собранія съ вышереченнымъ гусаромъ. Это уже непозволительно. — Куда? зачѣмъ? — Крикъ, шумъ, чуть не драка. Однако, мужа разувѣряютъ наконецъ, и онъ, отъ досады ли, что былъ правъ, или отъ радости, что оказался неправымъ, бѣжитъ въ свой кабинетъ, схватываетъ пистолеты, — вы думаете, чтобъ стрѣляться? нѣтъ! — и застрѣливается самъ. — «Увы, чтò зрю?», вскрикиваетъ жена и умираетъ со страху отъ такой глупости мужа.

Вѣчный покой всѣмъ тремъ, мужу, женѣ и «трагедіи Ивельева». Но трагедія тутъ дѣло самое послѣднее, а главное то, что авторъ не-шутя грозитъ сдѣлать этою трагедіей драматическую реформу, которой слѣдствія могутъ быть хуже слѣдствій реформы Англійскаго парламента. Для этой цѣли —

1. Трагедія написана четырехъ-стопнымъ хореемъ, безъ риемъ, какимъ Радищевъ написалъ «Бову Королевича», а Сумароковъ и Херасковъ писали анакреонтическія оды.

2. Пока авторъ писалъ «Владимира Влонскаго, трагедію Ивельева», успѣли явиться въ свѣтъ «Горе отъ ума», «Ревизоръ» и «Урокъ матушкамъ». Открылось давно извѣстное дѣло — столкновеніе геніевъ. Авторъ принужденъ былъ послѣ этого, въ огромномъ предисловіи, клясться, что онъ и не думалъ заимствовать у Грибоѣдова, Гоголя и «Урока матушкамъ», хотя въ его трагедіи найдется похожее на то, на другое и на третье. «Могъ ли я заимствовать изъ «Ревизора», говоритъ авторъ, когда моя трагедія отценсурована 17-го февраля, а «Ревизоръ» ценсурованъ 17-го марта прошлаго 1836 года!» Это правда; да дѣло не въ томъ, а въ реформѣ, и потому —

3. Показавши примѣръ новаго стихосложенія для сцены, авторъ изобрѣлъ нѣчто еще важнѣйшее — новый способъ ставить драму на сценѣ *по нотамъ*¹⁾. Чтò это такое? Вотъ что: вся сцена театральная дѣлится на *графы*; дѣйствующія лица изображаются *нотами*, и всѣ

1) Дѣйствительно, этотъ курьезный «Способъ нотной постановки театральныхъ представленій» (стр. XV—XXIII), придуманный Великопольскимъ по образцу хореграфическихъ знаковъ и нотъ, вызываетъ невольную улыбку при мысли о томъ трудѣ, который онъ потратилъ на разработку этого никому не нужнаго сложнаго способа, дѣлающаго, къ тому-же, изъ актера какую-то машину.

ихъ разговоры, переходы, выходы, входы, маханья руками подводятся подъ музыкальные звуки. Остается только изобрѣсть огромные клавиши, машину, которая изъ оркестра шевелила бы актеровъ по нотамъ, и всякая сцена будетъ послѣ того разыгрываться стройно, какъ концертъ.

Мы не мистифируемъ. Прочтите сами предисловіе и послѣсловіе къ «Владимиру Влонскому, трагедіи Ивельева». Авторъ приложилъ даже двѣ длинныя таблицы нотъ сценическихъ, которыя образуютъ два хвоста у *sternum* трагедіи, и совсѣмъ не думаетъ шутить. Но это ли одно онъ предлагаетъ! Какъ до сихъ поръ актеры у насъ заколались и заколали своихъ товарищей на сценѣ? Это срамъ! Просто, покажутъ видъ, будто ткнуть кинжаломъ, и тотъ, кого ткнуть, падаетъ и умираетъ. Но какъ можно умереть *безъ крови*? Это вовсе не естественно. Авторъ требуетъ, чтобы кровь текла непременно у того, кого убиваютъ или кто убивается. Какъ это сдѣлать, не объяснено, но можно вообразить, что это было бы прекрасно.

Не должно думать, чтобы авторъ только требовалъ «реформы» сценической, и самъ не подавалъ къ ней примѣра. Онъ добивается вѣрнаго подражанія природѣ, безъ чего нѣтъ искусства. Въ третьемъ дѣйствіи, на примѣръ, выходятъ на сцену *пятьдесятъ* человекъ, и всѣ они, вдругъ и порознь, разсуждаютъ, пляшутъ, играютъ въ карты, ссорятся, смѣются, и въ одно время говорятъ по-русски, по-французски и по-нѣмецки, потому что театръ изображаетъ въ это время Благородное Собраніе. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ является «каррикатурная мужская маска», которая *отмичается женоподобіемъ, полна, бѣла и румяна; на голову у нея колмакъ, а въ руку хлопнушка для мухъ*. Особеннымъ механизмомъ, мухи летаютъ по сценѣ, чтобы маска могла ихъ бить¹⁾. Тутъ же выходитъ «Непримичная маска», которая должна быть *въ кофть и шароварахъ, съ птицеобразнымъ лицомъ*. Но она мало дѣйствуетъ. Она только подбѣгаетъ къ одной изъ дамъ, кричитъ: «Кукелекея!» Дама пугается, кричитъ: «Ахъ, ахъ!» Другіе кричатъ: «Э! э!» Маска между-тѣмъ *бѣгаетъ по сценѣ и дурачится*. Тутъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ *подзываетъ полицейскаго офицера, приказываетъ ее вывести, что тотъ и выполняетъ*. Все, какъ въ природѣ!»

1) Этого у Великопольскаго нѣтъ. Б. М.

Отзывъ критика *Сына Отечества*—В. В. В. (Вл. Мих. Строева¹⁾) былъ не менѣе жестокъ. Мы позволимъ себѣ, не излагая содержанія трагедіи Ивана Ермолаевича, ограничиться приведеніемъ этого отзыва, такъ какъ онъ дастъ достаточное представленіе о піесѣ и ея странностяхъ, а также покажетъ намъ отношеніе къ Великопольскому тогдашней критики. Предупредивъ читателей о выходѣ «Владимира Влонскаго»²⁾ и совѣтуя имъ купить трагедію «и прочесть для смѣха, если у нихъ достанетъ терпѣнія на этотъ подвигъ», такъ какъ «авторъ вводитъ разныя театральныя преобразованія, надъ которыми можно прохохотать нѣсколько часовъ сряду», В. М. Строевъ писалъ³⁾: «Трудъ г-на Ивельева обращаетъ на себя особенное вниманіе по своей странности, по претензіямъ на ученость, на знаніе химіи и сердца человѣческаго, физики и сцены, механики и кулисъ, — всего, что подъ небомъ и надъ землею.

Въ длинномъ предисловіи, занимающемъ 35 страницъ, почтенный авторъ старается доказать, что его трагедія хороша, очень хороша, чрезвычайно хороша, удивительно хороша, несравненно хороша, такъ хороша, что мочи нѣтъ ее слушать или читать! Авторъ признается и чувствуетъ, что ее не стануть играть на сценѣ, однако же это благородное убѣжденіе не мѣшаетъ ему длинно-предлинно толковать о постановкѣ «Владимира Влонскаго» на сцену. Въ этихъ толкахъ г-нъ Ивельевъ негодуетъ на теперешнюю систему театральныхъ перемѣнъ и предлагаетъ свою новую методику, которая очень хороша, удивительно хороша, несравненно хороша. . . . въ книгѣ!

Потомъ почтенный авторъ разрѣшаетъ другой вопросъ: *нѣтъ ли музыки въ самой тишинѣ?* и находитъ, что есть, *какъ есть цвѣтъ въ черномъ цвѣтѣ, отсутствіи всѣхъ цвѣтвозъ.* Далѣе авторъ разрѣшаетъ еще вопросъ: *не слышимъ-ли мы того, что видимъ?* и думаетъ, что слышимъ. Глухіе, *juges compétents* въ этомъ дѣлѣ, увѣряютъ, что они все видятъ и ничего не слышатъ, а слѣпые говорятъ, что они все слышатъ и ничего не видятъ. Это немного несогласно съ теоріею г-на Ивельева; но что за дѣло до опыта? На основаніи этой новодока-

1) См. эпиграмму Великопольскаго на Н. О. Щербину, напечатанную мною въ *Русской Старинѣ* 1901 г., № 6, стр. 629.

2) Ч. CLXXXVI, стр. 364.

3) Тамъ же, стр. 455—460.

занной истины авторъ думаетъ, что въ его трагедію пужно ввести изобразительную музыку, то-есть такую, которую мы будемъ разомъ и слышать, и видѣть, такъ что даже глухіе могутъ присутствовать съ успѣхомъ при разыгрываніи этой новой музыки, изобрѣтенной г-мъ Ивельевымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ современныхъ изобрѣтеній это — самое полезное, самое удивительное, самое непостижимое и самое неудобноисполнимое!

Но повѣримъ на-слово и пойдѣмъ далѣе по слѣдамъ предисловія. Мы идемъ какъ бы на удачу, безъ руководства логики, по порядку, избранному самимъ авторомъ. Доказавъ и открывъ *видимую* музыку, г-нъ Ивельевъ начинаетъ оправдываться въ нечаянныхъ встрѣчахъ съ извѣстными авторами. У г-на Ивельева есть графъ Чутьлипкинъ, удивительно похожій на князя Тугоуховскаго въ комедіи Грибоѣдова. Авторъ не шутя увѣряетъ, что онъ не занялъ этого лица у Грибоѣдова, а *такъ*... нечаянно встрѣтился съ нимъ.

Потомъ есть еще слуга Василій, похожій на Осипа (въ «Ревизорѣ» Гоголя), какъ двѣ капли воды. Г-нъ Ивельевъ предупреждаетъ, что и этого лица онъ не занималъ у Гоголя, а *такъ*... нечаянно встрѣтился съ нимъ¹⁾.

Есть еще нѣкоторыя тирады, очень похожія на тирады въ «Урокѣ матушкамъ», но и это, по увѣренію почтеннаго автора, тоже случилось *такъ*... нечаянно!.....

Передъ драмою напечатанъ списокъ дѣйствующихъ лицъ съ означеніемъ ихъ лѣтъ, примѣтъ и свойствъ. Списокъ этотъ занимаетъ девять страницъ!!! Примѣты означены очень подробно²⁾; про дѣвицу

1) Великопольскій сравниваетъ слова своего Василя (дѣйствіе 2-е, явл. 6-е)

«Право,
Господамъ житье: вотъ возлѣ
Два шага платокъ, нѣтъ: «Васька!
Дай сюда!» А Васька будто
И не человѣкъ!» и т. д.

съ извѣстными словами Осипа: «Нѣтъ, вишь-ты, нужно въ каждомъ городѣ показать себя! (дразнить): «Эй, Осипъ! Ступай, посмотри комнату!». Общаго, конечно, въ этихъ двухъ монологахъ ничего нѣтъ.

2) Характеристики дѣйствующихъ лицъ въ драмахъ Великопольскаго, въ самомъ дѣлѣ, иногда до смѣшнаго излишне-подробны и часто даже не доказываются ихъ поступками въ піесѣ.

Любиньку Брылову сказано, что она должна имѣть золотушные знаки на щекѣ.

Два раза прочли мы трагедію и затрудняемся рассказать ея содержаніе. Авторъ говоритъ, что онъ положилъ въ основу своей трагедіи нравственную мысль: *въ семейственномъ счастьи любовь супружеская неразлучна съ уваженіемъ*. Если-бъ мы этого давно не знали, то вѣрно бы не узнали изъ «Владимира Влонскаго». Мы подумали бы, что авторъ хочетъ доказать намъ, что въ семейственномъ счастьи нѣтъ ни любви, ни уваженія, — и вотъ почему: Владиміръ Влонской любитъ и уважаетъ жену свою, миленькую Оленьку, и оба они очень несчастливы. Стало-быть, наоборотъ: если-бъ Владиміръ не любилъ и не уважалъ Оленьки, то онъ былъ бы счастливъ! Это выводъ самый простой и вѣрный!

Отчего же авторъ такъ горько ошибся и доказалъ противное тому, что онъ хотѣлъ или думалъ доказать? Оттого, что его происшествіе дурно изобрѣтено и характеры ложны. Если мужъ любитъ жену, то онъ ея не подозрѣваетъ; онъ можетъ ее ревновать, беречь, но не можетъ оскорбить гнуснымъ подозрѣніемъ¹⁾.

Въ концѣ книги приложены двѣ литографированныя таблицы. Первая представляетъ сцену Александринскаго театра, раздѣленную на квадратики, а вторая изображаетъ, какъ актеры должны *ходить по нотамъ*. Польза этихъ таблицъ будетъ оцѣнена только дальнѣйшимъ потомствомъ»....

И. Е. Великопольскій обладалъ изумительною энергіею, настойчивостью и твердостью въ убѣжденіяхъ. Такъ и теперь: отзывы, нами приведенные и имъ подобныя, сильно огорчивъ его, не ослабили въ немъ желанія писать и появляться передъ читающей публикой. Будучи убѣжденъ въ достоинствѣ своихъ произведеній, онъ находилъ под-

1) Эту то мысль, по нашему мнѣнію, Великопольскій и доказываетъ вполне убѣдительно, а критикъ только «передергиваетъ» его слова. То же убѣжденіе Иванъ Ермолаевичъ проводилъ и въ жизни. Вотъ, что писалъ онъ своей женѣ по случаю какого-то происшедшаго между ними недоразумѣнія: «Поразсуди хорошенько, вспомни мое слово, успокойся и утвердись въ полномъ ко мнѣ довѣрїи, съ которыми, авторъ «Владимира» говоритъ, неразлучна и любовь, потому что довѣрїе неразлучно съ уваженіемъ. Ошибка не должна еще разрушать уваженія, тѣмъ болѣе, когда авторъ ошибки сознается въ своемъ произведеніи. Авторъ «Владимира» и авторъ ошибки можетъ еще быть одинъ и тотъ же человекъ».

держку и одобреніе и со стороны нѣкоторыхъ друзей, а также своей жены — Софьи Матвѣевны¹⁾. Проживая въ Петербургѣ въ 1840 г., онъ затѣялъ изданіе альманаха «Метеоръ», для котораго, какъ видно изъ его «Пестраго альбома», предназначалъ «двѣ или три повѣсти», два драматическихъ произведенія: «Любовь и Честь» (свою трагедію) и «Олега»²⁾, одну поэму или повѣсть въ стихахъ, а также рассчитывалъ достать отрывокъ «Мертвыхъ Душъ», о чемъ и писалъ Погодину, прося его посредничества между нимъ и Гоголемъ³⁾. Однако, предпріятіе Великопольскаго осталось лишь въ области однихъ предположеній, такъ какъ рѣшеніе этого вопроса въ 1841 году совпало съ дѣломъ о запрещеніи и уничтоженіи его новой трагедіи: «Янетерскій», — и Иванъ Ермолаевичъ получилъ категорическій отказъ изъ Ценсурнаго Комитета. За то въ этомъ 1841 году Иванъ Ермолаевичъ сразу выступилъ въ свѣтъ съ двумя пьесами: драмой «Любовь и Честь» и трагедіей «Янетерской»⁴⁾; послѣдняя, изъ побужденій, которыя мы изложимъ ниже, была немедленно же изъята изъ продажи и уничтожена, не попавъ, такимъ образомъ, на судъ критики, а первая — «Любовь и Честь», вызвала многочисленные о себѣ отзывы, но... опять не со-

1) Вотъ, напримѣръ, что писала она Ивану Ермолаевичу (по поводу его драмы «Любовь и Честь») изъ Чукавина въ Петербургъ 22-го сентября 1840 г.: «Тебѣ предстоитъ великое дѣло: ты скажешь имъ, что такое драма; ты имъ покажешь ее во всей простотѣ, во всей строгости, во всемъ изяществѣ. Знаешь-ли, какое на меня дѣйствіе имѣетъ чтеніе твоихъ драмъ? Я въ эти минуты не живу только жизнью дѣйствующихъ лицъ, но я вхожу въ какой-то необъятный міръ, гдѣ я вижу не одинъ разыгрывающійся случай, какъ на бѣдной картинкѣ, въ бѣдной рамкѣ, но гдѣ меня со всѣхъ сторонъ окружаетъ общая жизнь и въ этой общей жизни я заинтересовываюсь нѣкоторыми лицами: жизнь идетъ, драма идетъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ подвигаются происшествія заинтересовывающихъ лицъ. Для твоихъ драмъ нѣтъ никакой сработанной рамы ни подзолоченной, ни подточенной». . . . и т. д.

2) По сообщенной мнѣ И. А. Кубасовымъ выдержкѣ изъ неизданнаго еще письма А. В. Кольцова къ Бѣлинскому (изъ Москвы отъ 10-го января 1841 г.) видно, что подъ «Олегомъ» слѣдуетъ здѣсь разумѣть драматическую пародію въ стихахъ К. С. Аксакова, «Олегъ подъ Константинополемъ» написанную еще въ 1830-хъ годахъ. Пьеса эта была издана лишь въ 1858 г. тѣмъ же лицомъ, какъ и «Раскрытый портфель» Великопольскаго, напечатанный вторымъ выпускомъ въ серіи предпринятыхъ «изданій любителя» (то-есть, Я. В. Писарева).

3) *Н. Барсуковъ*. Жизнь и труды Погодина, т. V, С.-Пб. 1892, стр. 324.

4) Вторую онъ предполагалъ посвятить «талантамъ Александры Михайловны и Василія Андреевича Каратыгиныхъ», а первую — «высокому русскому комику Михаилу Семеновичу Щепкину», которому въ ней была предназначена роль Майева. («Пестрый Альбомъ», ч. I, рукопись).

всѣмъ благопріятныя для нашего автора. Такъ, П. А. Плетневъ писалъ Я. К. Гроту 14-го февраля 1841 г., что пьесы «Янетерской» и «Любовь и Честь» такъ смѣшны и небывалы, что онъ, «вырывая на удачу сцены», чуть не уморилъ со смѣху своего знакомаго ¹⁾. Мнѣнія критики о второмъ произведеніи были почти единогласны: за пьесой «Любовь и Честь» признавались несомнѣнныя достоинства, но отмѣчалось то-же отсутствіе связи между отдѣльными сценами и общимъ ходомъ дѣйствія, вызванное всегдашнимъ желаніемъ автора наполнить свои произведенія возможно большимъ числомъ наблюденій и картинокъ, списанныхъ съ натуры. Вотъ что писалъ, напримѣръ, Бѣлинскій въ *Отечественныхъ Запискахъ* ²⁾:

«Г. Ивельевъ (имя, не безызвѣстное въ русской литературѣ) даритъ русскую публику новою драмою и при томъ хорошею драмою, въ такое время, когда кромѣ глухихъ и плоскихъ водевилей въ драматической литературѣ нашей ничего не является. «Любовь и честь» написана прозою. Это—сборъ отдѣльныхъ сценъ, мѣстами очень живыхъ и занимательныхъ, но которыя не находятся во внутренней связи между собою и не образуютъ собою цѣлаго. Герой драмы постоянно боленъ и унылъ отъ мысли о дѣвушкѣ, которую онъ когда то, еще будучи мальчикомъ, соблазнилъ. Потомъ тутъ часто является дѣвушка Майева. Отецъ отдаетъ ее за дурака Телепаева—разумѣется противъ воли. Вотъ рядятъ ее къ вѣнцу,—а тутъ совершилось странное событіе, довольно обстоятельно изложенное авторомъ въ прописи. Пересказываемъ словами автора: «Зеркало начало покрываться мракомъ. Майева вся устремилась въ него, не слыша и не видя, что около нея происходитъ. Графиня, надѣвъ серьгу, беретъ за другую. Вдругъ представляется въ зеркалѣ изба. Умирающій Брепкій, въ сюртукѣ, безъ эпюлетъ, сидитъ на постели, посланной на лавкѣ. Онъ простираетъ къ ней руки, что-то хочетъ сказать и испускаетъ духъ. Она вскрикиваетъ, встаетъ и упадаетъ безъ чувствъ на зеркало. Все исчезло. Дѣвушки ее поддерживаютъ».

Признаемся, мы въ этомъ очень мало поняли; но даровитый авторъ какъ будто предвидѣлъ это и особеннымъ примѣчаніемъ въ концѣ книги

1) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. I, С.-Пб. 1896, стр. 244.

2) 1841 г., т. XV, отд. VII, стр. 11—12.

послѣшилъ очень удовлетворительно разрѣшить наше недоумѣніе. Выписываемъ его объясненіе слово въ слово:

«Нѣкоторымъ изъ тѣхъ, кому я читалъ мою драму и судомъ которыхъ я не могу не дорожить, показалось съ перваго взгляда окончаніе неестественнымъ и приведеннымъ будто бы только для эффекта. Изъ опасенія, чтобъ и мои читатели не раздѣлили этого мнѣнія, я прошу ихъ вникнуть въ то, что хотя Майева и Брежкой ни разу не встрѣчаются въ драмѣ, но страстно другъ друга любятъ и находятся въ непрестанномъ душевномъ магнетическомъ другъ къ другу влеченіи. Въ торжественныя же минуты смерти одного и насильственной свадьбы другой, когда изъ всей земной жизни осталась для нихъ только память взаимной любви, нравственныя ихъ силы должны были возвыситься до величайшаго напряженія, а взаимное соотношеніе могло развиваться до проявленія. — Сколько ходитъ между нами разсказовъ о подобныхъ случаяхъ, подтверждаемыхъ даже исторіею. Можно сомнѣваться, но нельзя отрицать».

Въ этой драмѣ *сто-семь* дѣйствующихъ лицъ, не считая присутствующихъ только на сценѣ. Содержанія ея мы не будемъ разсказывать читателямъ: пусть они сами прочтутъ драму; увѣряемъ ихъ, что скажутъ намъ спасибо за совѣтъ и въ накладѣ отъ труда не останутся. Впрочемъ, предувѣдомляемъ читателей, они найдутъ много страннаго въ драмѣ г. Ивельева; но это — слѣдствіе его особеннаго и оригинальнаго взгляда на сущность драмы, который мы, признаемся, не хорошо понимаемъ, а потому и желали бы, чтобъ талантливый авторъ изложилъ въ особенномъ теоретическомъ сочиненіи свои понятія о драматической поэзіи¹⁾. Тогда мы поговорили бы съ нимъ объ этомъ интересномъ предметѣ и, можетъ быть, поспорили бы. Кстати о странностяхъ: мы очень желали бы знать, какое впечатлѣніе произведетъ на читателей вотъ эта пѣсня изъ «Любви и Чести», которую поютъ пѣсенники въ Москвѣ, въ Марьиной рошчѣ:

Великая нацѣя при морѣ живетъ,
Бѣтъ хлѣбный супъ, виноградное пьегъ.

1) Свои теоретическіе взгляды на драму Великопольскій высказалъ, между прочимъ, въ брошюрѣ «Опытъ оправданія пѣсы «Память Бородинской битвы» (С.-Пб. 1848), о которой сказано будетъ ниже.

А есть на востокѣ другая страна,
 Море то при ней, не при морѣ она;
 Хлѣбъ рѣжетъ ломтями, и кашу да щи
 Простымъ запиваетъ, что въ горлѣ трещи.

Хоръ: Гой, гой, гой!
 Буки азъ,
 Буки разъ,
 Буки люди,
 Буки жлуди,
 Буки ерь
 Кавалеръ. . . .
 Вивъ Генри катеръ,
 Виве Наполео!

Окончанія этой прекрасной пѣсни не выписываемъ, не почитая себя въ-правѣ брать цѣликомъ лучшія мѣста (какъ это, вѣроятно, сдѣлаютъ другіе журналы) и помня пословицу: «хорошаго по немногу»...

Драма г. Ивельева издана со всею типографическою роскошью и изяществомъ».

Мнѣніе *Литературной газеты*, редактировавшейся тогда Э. А. Кони, было болѣе благопріятно для Великопольскаго:

«Въ наше время» писали здѣсь ¹⁾: «время совершеннаго упадка драматической литературы, «Любовь и честь» очень отрадное явленіе. Въ піесѣ разбросано много искръ ума, въ ней есть движеніе, хотя нѣтъ общей связи между этимъ движеніемъ и ходомъ самаго происшествія, то-есть, нѣтъ драмы въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ее доселѣ понимали. Прочитавъ драму г. Ивельева, вы увидите, что у автора совсѣмъ другой взглядъ на этотъ предметъ, но какой именно — трудно понять. Если почтенный авторъ издастъ еще нѣсколько піесъ въ этомъ родѣ, мы, можетъ быть, возьмемъ объяснить его *взглядъ* и степень пользы и необходимости нововведенія, которое онъ, повидимому, усиливается усвоить современной драматургіи. Не смотря на странности, которыя на каждомъ шагу поражаютъ читателя, «Любовь и честь» читается съ удовольствіемъ. Есть много сценъ живыхъ, оригинальныхъ, спи-

1) 1841 г., № 45, 26-го апрѣля, стр. 179.

санныхъ съ природы бойко и вѣрно. Такова, напримѣръ, *Маргина роуца*¹⁾, гдѣ авторъ васъ совершенно переноситъ на мѣсто дѣйствія и до того поражаетъ вѣрностью картины, что всякій, кто только живалъ въ Москвѣ, невольно вспомнитъ веселую, разгульную *Маргину Роуцу*. Нѣкоторыхъ критиковъ особенно поразилъ своею оригинальнію хоръ пѣсенниковъ²⁾... Имъ эта пѣсня показалась невѣроятною; но одинъ коренной москвичъ, которому случилось слышать эту пѣсню отъ одного солдата, сообщилъ намъ ее даже еще въ гораздо большемъ объемѣ.... Вообще въ драмѣ очень много прекрасныхъ мѣстъ.... и мы совѣтуемъ прочесть ее; читатели останутся ею довольны, а за недостатки и длину великодушно простятъ автора, имѣющаго свой взглядъ на это дѣло, точно такъ, какъ прощали нѣкогда сухость и почти *безконечность* драматическихъ фантазій Кукольника».

Самымъ удачнымъ, по нашему мнѣнію, отзывомъ о піесѣ Великопольскаго является разборъ, напечатанный въ *Маякѣ*³⁾ и принадлежащій перу одного изъ его редакторовъ — П. А. Корсакова: онъ, разсматривая «Любовь и честь», находилъ, что въ ней, такъ же какъ и во «Владимірѣ Влонскомъ», «есть хорошія сцены, видна наблюдательность, начитанность, умъ, но нѣтъ цѣлаго, нѣтъ драматическаго интереса. Это — рядъ картинъ, иногда довольно удачно схваченныхъ, но сшитыхъ между собою на живую нитку. Авторъ..., гоняясь.... за частностями, совершенно уничтожилъ главный интересъ, расколодилъ его до утомительности бездной другихъ мелкихъ интересовъ, цѣлымъ строемъ дѣйствующихъ лицъ, появляющихся одно за другимъ какъ китайскія тѣни въ волшебномъ фонарѣ⁴⁾. Такое множество характеровъ, рачительно выставленныхъ на показъ, каждый въ своей сферѣ, въ своихъ частныхъ дѣйствіяхъ, до того развлекаютъ вниманіе читателя, что онъ по-неволѣ холодѣетъ къ главнымъ дѣйствителямъ....

1) Дѣйствіе 3-е, видъ VII.

2) См. выше, въ рецензіи Бѣлинскаго.

3) 1841 г., ч. XV, гл. IV, стр. 209—211.

4) Обиліемъ ихъ, дѣйствительно, поражаютъ произведенія Великопольскаго: во «Владимірѣ Влонскомъ» ихъ — 60 человекъ, въ «Любви и чести» — 105 человекъ, въ «Янетерскомъ» — 57 человекъ, не считая статистовъ; піесы, оставшіяся ненапечатанными, также переполнены дѣйствующими лицами и къ каждому изъ нихъ Великопольскій приурочиваетъ то или иное изъ записанныхъ имъ наблюденій, замѣтокъ, выписокъ и т. п.

Мы далеки отъ того», пишетъ далѣе Курсаковъ, «чтобы отрицать въ почтенномъ авторѣ всякій талантъ: мы даже увѣрены, что если онъ послушается добросовѣстнаго совѣта нашего, то можетъ подарить отечественную публику произведеніемъ, достойнымъ и родины, и пишущаго ея сына...¹⁾).

Выше уже было вскользь упомянуто объ уничтоженіи изданной Великопольскимъ, одновременно съ драмой «Любовь и Честь», трагедіи «Янетерской»²⁾. Причиной этого уничтоженія цензурой выставлена была «безнравственность» произведенія Ивана Ермолаевича, который представилъ въ немъ печальную судьбу своего героя, не знающаго ни отца, ни матери.

Содержаніе пьесы состоитъ въ слѣдующемъ: одинъ молодой человѣкъ; по фамиліи Янетерской³⁾, — тщательно скрывающій свое неза-

1) Въ *Современникѣ* (1841 г., т. XXIII, стр. 23—24) былъ помѣщенъ слѣдующій коротенькій отзывъ о драмѣ Великопольскаго, принадлежащій Плетневу (см. его Сочиненія и переписку, т. II, С.-Пб. 1882, стр. 322): «Авторъ увлекся мыслію совершенно новою: вмѣсто обыкновенныхъ пружинъ, которыми движутся драматическія лица, вмѣсто страстей огненныхъ или запутанной интриги, онъ употребилъ магнетическое стремленіе. Есть-ли истина въ его соображеніи? Конечно, трудно это опровергнуть, потому что существованіе силы животнаго магнетизма не подвержено сомнѣнію. Но въ искусствѣ, которое должно быть основано на ощущеніяхъ ясныхъ и всѣмъ понятныхъ, едва-ли можно употребить съ успѣхомъ побужденія темныя и безотчетныя. Впрочемъ, всякое покушеніе расширить кругъ искусства замѣчательно и не должно быть пренебрегаемо, особенно если въ немъ выражается полное сознаніе автора. Мы желали бы только въ этой драмѣ видѣть болѣе простоты дѣйствія и болѣе естественнаго движенія сценъ». Въ 1848 г. баронъ Е. С. Розень, разбирая въ *Сынѣ Отечества* (кн. 10, отд. VI, стр. 9—15) «Опытъ оправданія пьесы «Память Бородинской битвы» Великопольскаго и говоря объ отличающемъ всѣ произведенія его «отсутствіи въ нихъ движенія драматическаго и единства его», выразился объ уничтоженномъ «Янетерскомъ», что эта драма «поразила его гениальностью созданія, смѣлостью художественныхъ приемовъ, обширностью своего круга дѣйствій». Такъ разнообразны были мнѣнія современной Великопольскому критики о его произведеніяхъ.

2) Передъ напечатаніемъ ея, Иванъ Ермолаевичъ читалъ ее въ кружкѣ своихъ знакомыхъ въ Петербургѣ, въ «Отелѣ Демута». «На этомъ чтеніи», рассказываетъ свидѣтель его И. И. Панаевъ: «присутствовалъ, между прочими, и С. Т. Аксаковъ, находившійся въ то время въ Петербургѣ. Передъ чтеніемъ слушателямъ данъ былъ роскошный обѣдъ... Чтеніе началось въ 7 часовъ и продолжалось до полуночи. Насыщенные слушатели дремали и отъ времени до времени вздрагивали. Съ лица С. Т. Аксакова, сидѣвшаго противъ самаго автора, лился потъ градомъ; онъ безпрестанно вытиралъ свой лобъ и съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ опирался о спинку стула, который трещалъ при этомъ напорѣ. Когда чтеніе кончилось и Сергѣй Тимошеевичъ всталъ со стула, — стулъ совсѣмъ развалился...» (Литературныя воспоминанія. С.-Пб. 1888, стр. 161—162).

3) «Я не Терской».

конное происхожденіе, но сообщившій о немъ полковнику Глуминцеву, вызываетъ послѣдняго на дуэль, когда тотъ выдаетъ его тайну княгинѣ Ситской, за дочерью которой они оба ухаживаютъ, и убиваетъ Глуминцева. Затѣмъ, изъ духовнаго завѣщанія, полученнаго Янетерскимъ изъ суда, онъ узнаетъ, что воспитавшій его человѣкъ, котораго онъ почти и не зналъ, но считалъ своимъ отцомъ, былъ нѣкто Терской, но что на самомъ дѣлѣ онъ не былъ его отцомъ. Въ послѣднемъ дѣйстви Янетерскому дѣлается извѣстно, что одна сумасшедшая женщина, Степнева, уже давно помѣшавшаяся отъ потери своего ребенка, никто иная, какъ его мать, а Глуминцевъ, котораго онъ убилъ на дуэли, его настоящий отецъ. Какъ видитъ читатель, на нашъ современный взглядъ въ содержаніи піесы нѣтъ ничего противоцензурнаго; нѣтъ его и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Но въ 1841 году судили иначе: піесу сочли болѣе, чѣмъ безнравственной и опасной по содержанію, и по поводу пропуска ея цензоромъ возгорѣлось цѣлое дѣло, изъ котораго мы позволимъ себѣ привести нѣкоторые характерные документы¹⁾.

Узнавъ о разрѣшеніи на выпускъ въ свѣтъ «Янетерскаго», попечитель С.-Петербургскаго Учебнаго Округа князь М. А. Дондуковъ-Корсаковъ, бывшій одновременно и предсѣдателемъ Цензурнаго Комитета, немедленно послалъ запросъ пропустившему ее цензору Евстафію Ивановичу Ольдекопу, — и послѣдній 20-го февраля представилъ князю свои объясненія въ слѣдующемъ письмѣ:

«М. Г. князь Михаилъ Александровичъ! Вашему Сіятельству угодно было предписать мнѣ изложить, на какомъ основаніи одобрена мною трагедія «Янетерской».

Вашему Сіятельству извѣстно, что я въ теченіе двѣнадцати лѣтъ былъ театральнымъ цензоромъ, и во все это время единственное и безпрестанное мое занятіе состояло въ чтеніи неистовыхъ произведеній новѣйшихъ романистовъ. То, что мнѣ сначала было отвратительно, въ теченіе многихъ лѣтъ сдѣлалось менѣе неприятнымъ, и піесы самыя гнусныя, безъ всякой нравственной цѣли, какъ на примѣръ «Антоній», были даже, хотя противъ моего мнѣнія, одобрены и представлены на здѣшней сценѣ²⁾. Такимъ образомъ, я, мало-по-малу, привыкъ къ

1) Они сохранились въ бумагахъ Великопольскаго.

2) Вѣроятно разумѣется переведенная В. А. Каратыгинымъ драма А. Дюма того же названія, представленная на Петербургской сценѣ въ 1832 году.

этимъ ужасамъ, которые показались мнѣ болѣе сносными отъ привычки. Человѣкъ можетъ привыкать ко всему: Митридать привыкъ даже къ яду.

Въ прошедшемъ году, лѣтомъ и осенью, я страдалъ сильнымъ ревматизмомъ въ головѣ, но, несмотря на ужасную боль, ревностно занимался не только порученными мнѣ дѣлами цензурными, но и дѣлами двухъ моихъ почтенныхъ товарищей, находившихся тогда въ отсутствіи. Въ это самое время явился ко мнѣ г. сочинитель піесы «Янетерской», котораго я зналъ и уважалъ прежде. Онъ изложилъ мнѣ весь ходъ своей піесы, мнѣ уже прежде извѣстной. Я просилъ его обращаться къ его сіятельству князю Григорію Петровичу Волконскому. Онъ это сдѣлалъ, и его сіятельство сказалъ мнѣ, что, по его мнѣнію, піеса можетъ быть одобрена. Главная вина моя та, что я увлекся убѣжденіями г. сочинителя, въ которомъ я нашелъ человѣка самаго благороднаго, съ честнѣйшими правилами. Находя въ немъ истиннаго дворянина и удостовѣрившись, что главная цѣль піесы самая моральная, я одобрилъ ее. Теперь я ясно вижу всю необдуманность моего поступка, но, по крайней мѣрѣ, могу увѣрить Ваше Сіятельство, что главная вина моя состоитъ въ томъ, что не устоялъ противъ убѣжденій г. сочинителя, который во всѣхъ отношеніяхъ мнѣ извѣстенъ, какъ уваженія достойный человѣкъ.

Книга еще не поступила въ продажу, даже еще не объявлена. Г. сочинитель сообщилъ мнѣ, что отпечатано было 720 экземпляровъ, изъ которыхъ только 40 разосланы, всѣ другіе находятся въ С.-Петербургѣ, отчасти у сочинителя, отчасти — у его комиссіонера и книгопродавца Юнгмейстера. Г. сочинитель, всегда вѣрный благородству души своей, готовъ ко всѣмъ перемѣнамъ, даже — къ уничтоженію книги.

Изложивъ Вашему Сіятельству все дѣло, какъ оно было, съ полною откровенностью, я повторяю, что теперь чувствую всю вину мою, но почти увѣренъ, что каждый другой цензоръ, уважая благородство сочинителя и увлеченный его убѣжденіями, можетъ-быть, сдѣлалъ-бы подобную ошибку.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

Евстафій Ольдекопъ».

Въ дополненіе къ этому письму, на другой же день Ольдекопъ писалъ слѣдующее:

«Въ письмѣ моемъ къ Вашему Сіятельству сознавшись въ моей ошибкѣ—въ пропущеніи трагедіи «Янетерской», я немедленно спѣшилъ исправить вину мою по мѣрѣ силъ моихъ. По вторичномъ разсмотрѣніи піесы и снесшись съ авторомъ, честь имѣю представить Вашему Сіятельству перепечатанные картоны со всѣми нужными перемѣнами. Если Вашему Сіятельству благоугодно будетъ согласиться на эту мѣру, то покорнѣйше прошу приказать вклеить эти картоны во всѣ прочіе экземпляры, находящіеся въ Петербургѣ, отчасти — у сочинителя, отчасти — у книгопродавца Юнгмейстера. Г. сочинитель обязывается отправить картоны ко всѣмъ лицамъ, которымъ онъ отослалъ свое сочиненіе.

При одобреніи трагедіи «Янетерской» я находился, можетъ-быть, невольнымъ образомъ подъ вліяніемъ мнѣнія автора, но, подвергая себя просвѣщенному сужденію Вашего Сіятельства, осмѣливаюсь надѣяться, что піеса, въ нынѣшнемъ ея видѣ, несмотря на романическую ея оболочку, можетъ быть пропущена, уважая моральную цѣль ея, тѣмъ болѣе, что г. авторъ сказывалъ мнѣ, что, вслѣдствіе сдѣланнаго ему запроса, самъ будетъ имѣть честь представить Вашему Сіятельству свой взглядъ о сочиненіи своемъ и ту точку зрѣнія, съ которой онъ желаетъ, чтобы его трагедія была разсмотрѣна».

Мы позволимъ себѣ привести суть тѣхъ объясненій, которыя были представлены Великопольскимъ Предсѣдателю Цензурнаго Комитета въ длиннѣйшемъ официальномъ «оправдательномъ письмѣ» отъ 22-го того-же февраля 1841 года, такъ какъ оно небезынтересно во многихъ отношеніяхъ. Вотъ что писалъ Иванъ Ермолаевичъ:

«М. Г. Князь Михайло Александровичъ! Г. секретарь Цензурнаго Комитета сообщилъ мнѣ вчерашняго числа, что Ваше Сіятельство, по прочтеніи напечатанной мною трагедіи «Янетерской», бывшей прежде въ рукописи частнымъ образомъ на Вашемъ разсмотрѣніи и не удостоившейся Вашего одобренія, поручили ему передать мнѣ, что Вы желаете знать, какимъ образомъ эта піеса, послѣ извѣстнаго уже мнѣ Вашего о ней отзыва, была представлена мною на разсмотрѣніе Цензуры.— Имѣю честь дать на это Вашему Сіятельству слѣдующее объясненіе со всею полнотью, требующеюся обстоятельствами.

Написавъ, нѣсколько лѣтъ уже тому назадъ, трагедію «Янетер-

ской», прежде бывшую подъ названіемъ «Незаконнорожденный», я ее читалъ нѣсколькимъ изъ моихъ пріятелей. Мнѣнія ихъ были различны. Говорить объ ихъ отзывѣхъ насчетъ литературной стороны сочиненія считаю здѣсь неумѣстнымъ; но, тогда какъ нѣкоторые поощряли меня къ ея напечатанію и даже отдачѣ на сцену, другіе, болѣе знакомые съ требованіями цензуры, съ сожалѣніемъ говорили, что піесы не пропустятъ. Предметъ сочиненія: судьба незаконнорожденнаго; мой взглядъ на драму: человекъ и жизнь въ полномъ ихъ развитіи; мое, основанное на твердомъ убѣжденіи, мнѣніе, что нравственная сторона всякаго сочиненія выходитъ изъ впечатлѣнія цѣлаго, а не изъ частныхъ, служащихъ только орудіемъ къ воспроизведенію этого цѣлаго, — ввели въ мою драму многія лица, сами по себѣ, конечно, безнравственныя, но не мѣшающія нравственности цѣлаго и необходимыя для піесы, какъ тѣни въ картинѣ. Эти лица образовали сцены, можетъ быть, точно нѣсколько вольныя, но впрочемъ такія, подобныя которымъ, и еще гораздо худшія, то и дѣло представляются на всѣхъ европейскихъ театрахъ, не выключая и русскихъ. Слѣдовательно, все зависѣло отъ взгляда, съ котораго мое сочиненіе было бы разсматриваемо. Около этого времени, тому назадъ, кажется, уже два года, я узналъ о Вашемъ пріѣздѣ въ Москву. Мое собственное и общее всѣхъ къ Вамъ уваженіе, мѣсто, Вами занимаемое, и та увѣренность, что Вы, давно уже меня зная, ни въ какомъ отношеніи, въ случаѣ даже и неблагопріятнаго взгляда на мое сочиненіе, не сдѣлаете невыгоднаго заключенія объ авторѣ, побудили меня отнестись къ Вамъ съ моею покорнѣйшею просьбою — прочитатъ мою трагедію частнымъ образомъ и указать на поправки, которыя должны быть сдѣланы для того, чтобы піеса могла пройти сквозь цензуру. Вслѣдствіе того Ваше Сіятельство взяли мою піесу съ собою въ Петербургъ, откуда вскорѣ мнѣ ее возвратили, съ приложеніемъ мнѣнія ценсора (Петра Александровича Курсакова, какъ я узналъ послѣ), написавъ съ своей стороны, что Вы во всемъ съ нимъ согласны. Мнѣніе г. ценсора, присланное ко мнѣ безъ подписи имени, сдѣлано было въ объемѣ гораздо большемъ, нежели я смѣлъ надѣяться. Это былъ написанный съ одного почерка пера, но полный, съ критическою опытностію, взглядъ на мое сочиненіе, по своему обзору выходившій уже изъ короткихъ указаній ценсорскихъ, но заключавшій въ себѣ чисто-литературную критику съ добросовѣст-

ными осужденіями и, вмѣстѣ, похвалами¹⁾), которыхъ — я былъ бы очень счастливъ, если бы смѣлъ находить себя достойнымъ. Въ концѣ всего было горестное для меня заключеніе, что піеса не можетъ быть одобрена... Цѣлый годъ, если не болѣе, послѣ того піеса лежала въ моемъ портфельѣ. Самыя похвалы, разсѣяныя г. цензоромъ между нѣкоторыми осужденіями, подстрекали, однако-же, меня къ попыткѣ представить мою піесу снова на его разсмотрѣніе, сдѣлавъ нужныя въ ней передѣлки. Но имя г. ценсора мнѣ было неизвѣстно, слѣдовательно, я не могъ съ нимъ переписаться; затрудняя Васъ второю просьбою я счелъ неумѣстнымъ, а въ разборѣ не было подробныхъ указаній на противныя правиламъ ценсуры мѣста.

Каждый сочиняющій знаетъ, что часто казавшееся невозможнымъ вчера, дѣлается легкимъ сегодня, и что все зависитъ отъ минуты и расположенія. Въ одно такое время, прошлою осенью, я сталъ перечитывать мою піесу, соображаясь со сдѣланными мнѣ замѣчаніями и стараясь смотрѣть на все такими глазами, какъ бы я самъ былъ цензоромъ чужого сочиненія. Въ два или три дня я исправилъ мою трагедію такъ, какъ, по моему мнѣнію, она могла уже быть пропущена. При этомъ я долженъ съ благодарностію сказать, что нѣкоторыя замѣчанія г. ценсора послужили къ значительному даже улучшенію моей піесы.

Тою же осенью прошлаго года пріѣхалъ я сюда, въ намѣреніи показать сдѣланныя мною поправки Петру Александровичу и, въ случаѣ его одобренія, снова представить піесу Вамъ. Но какъ Ваше Сіятельство, такъ и Петръ Александровичъ — были въ отсутствіи. Не думавъ, чтобы случай привелъ меня опять въ скоромъ времени быть въ Петербургѣ, я показалъ мою рукопись, прежде также частнымъ образомъ, г. цензору Евстафію Ивановичу Ольдекопъ, передавъ ему съ полною добросовѣстностію о томъ, какому суду она подверглась въ прежнемъ своемъ видѣ, и при этомъ случаѣ изложилъ ему мой собственный взглядъ на мое сочиненіе. Экземпляръ былъ самый тотъ же, который находился у Вашего Сіятельства. Онъ ее прочиталъ, — и вотъ его слова, какъ они мнѣ помнятся: «Я не знаю, въ какомъ видѣ была Ваша трагедія прежде; ни князя, ни Петра Александровича я, въ настоящее время, по ихъ отсутствію, спросить не могу. Я вижу,

1) Мы уже видѣли выше взглядъ Корсакова на произведенія Великопольскаго.

однако-же, по самой рукописи, что Вы сдѣлали перемѣны, и теперь, соглашаясь съ Вашимъ взглядомъ на сочиненіе, считаю, что пропустить его можно, ежели Вы сдѣлаете еще исправленія въ нѣкоторыхъ, обозначенныхъ мною, мѣстахъ». Я сдѣлалъ поправки и на другой же день привезъ ихъ къ нему. Но онъ, все еще останавливаясь прежде высказанными мнѣніями какъ Вашего Сіятельства, такъ и Петра Александровича, просилъ меня, для большей осторожности, отнести къ г. исправляющему тогда должность попечителя — князю Григорію Петровичу Волконскому. Я тотъ же часъ поѣхалъ къ князю, объяснилъ ему всѣ обстоятельства дѣла и, въ отсутствіи Вашего Сіятельства, просилъ его покровительства. Вскорѣ послѣ того піеса получена мною уже одобренною къ печати».

Изложивъ, далѣе, свой взглядъ на положительную нравственную силу, заключающуюся даже въ такой піесѣ, въ которой выставлены отрицательные типы, Великопольскій рисуетъ передъ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ характеристики дѣйствующихъ лицъ его трагедіи:

«Въ моей піесѣ лицо Янетерскаго есть тотъ характеръ, около котораго обвивается окружающая жизнь. Онъ есть камертонъ, по которому настроена піеса и по которому должно ее повѣрять. Онъ — сынъ порочной любви. Его отецъ могъ-ли быть иначе выведенъ, какъ развратникомъ; его мать — иначе, какъ презрительною [sic] женщиной? Поэтому — та скрытая безнравственность въ словахъ и поступкахъ Глуминцева, хотя въ полной мѣрѣ обладающаго чувствомъ свѣтской чести... Вѣрный слуга государю и отечеству, справедливый человѣкъ, рыцарь чести по свѣтскому понятію этого слова, онъ пользуется общимъ уваженіемъ и заслуженно обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ и — свыше; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, зараженный внутреннимъ, невидимымъ свѣту развратомъ, онъ ни разу въ немъ не раскаивается, онъ сжился съ нимъ, составляетъ съ нимъ одно, — и тѣмъ его характеръ остается вѣренъ самому себѣ, наводя на себя въ то-же время нравственное пятно. Оттуда же истекаетъ и цинизмъ лица Степневой. Но вникните въ этотъ цинизмъ. Степнева выведена здѣсь уже почти старухой. Развратные примѣры и наученія матери, сластолюбіе, въ которое она погрузила ее почти отъ рожденія, усвоились ею. Она потеряла стыдъ и является вакханкою, обвитою цвѣтами и виноградомъ, эмблемою порочныхъ радостей и упоеній жизни. Но это вакханка уже покинутая, которая, въ

неистовыхъ своихъ ꙗ́сняхъ, уже только напоминаетъ себѣ прежнее, между тѣмъ какъ превратности жизни, опытность и морщины заста-вляютъ ее внутренно чувствовать всю презрительность [sic] своего по-ложенія и не закрывать наготы потому только, что она къ ней при-выкла. Она выкупаетъ заблужденіе молодости слезами всей своей жизни; порокъ разврата, уже наказанный въ ней, исчезаетъ въ не-счастномъ материнскомъ чувствѣ, которымъ наполнены всѣ ея по-слѣдніе дни; а потому она имѣетъ права на состраданіе. Лиза — обма-нывающая мужа распутница¹⁾. Читатель, можетъ быть хотѣлъ бы ее выкинуть изъ ꙗ́сны, какъ негодную траву; но она въ ꙗ́снѣ потому, что находится въ жизни, и этотъ въ читателѣ порывъ ее выбросить есть то чувство, которое дѣлаетъ характеръ безнравственный литера-турно-нравственнымъ. Злодѣйство мужа ея Петра, доведеннаго ея по-веденіемъ и низкимъ поступкомъ Глуминцева до горячки мстительной жажды²⁾, есть слѣдствіе нравственнаго наблюденія того, до чего мо-гутъ обстоятельства довести человѣка. Къ нему нѣтъ въ ꙗ́снѣ пре-зрѣнія, но есть ужасъ и сожалѣніе, какъ къ человѣку больному, — сожалѣніе, носящее въ себѣ вмѣстѣ и осужденіе. Княгиня [Сит-ская] представляетъ собою образецъ дамы высокаго общества, которая подъ блескомъ имени и положенія своего въ свѣтѣ скрываетъ свои пятна. Ея дочь — прекрасныхъ душевныхъ свойствъ дѣвица, но под-властная предрасудкамъ общества. Я очень былъ бы счастливъ, еслибъ характеръ гувернантки предостерегъ хотя одну нѣжную мать, занимающуюся воспитаніемъ дочери. Возвышенные поступки уже по-койнаго Терскаго держатъ на себѣ общее уваженіе драмы. Всѣ прочія лица — побочныя: они выведены въ ꙗ́снѣ, какъ предметы жизни, вошедшіе въ объемъ картинной рамы, — лица стороннія, но безъ которыхъ ландшафтъ былъ бы не полнымъ». . . .

Такъ защищался Великопольскій, стараясь доказать нравственное значеніе своей трагедіи, въ которой цензура углядѣла опасныя мѣста.

1) Съ ней въ связи находится Глуминцевъ.

2) Не будучи въ состояніи собственноручно отмстить Глуминцеву за разрушеніе его семейнаго очага, Петръ, знающій тайну происхожденія Янетерскаго, открываетъ ему ее и съ чувствомъ дьявольскаго злорадства любитъ впечатлѣніемъ, какое про-изводятъ на него слова Степной, изъ которыхъ Янетерской узнаеть, что убитый имъ Глуминцевъ былъ его отцомъ.

Но доказательства Ивана Ермолаевича были «гласомъ вопіющаго въ пустынь»: ревностный предсѣдатель счелъ за лучшее дать дѣлу дальнѣйшій ходъ и 23-го февраля писалъ министру народнаго просвѣщенія Уварову:

«М. Г. Сергій Семеновичъ! Около двухъ лѣтъ тому назадъ одинъ изъ моихъ старыхъ сослуживцевъ г. Великопольскій прислалъ мнѣ рукопись — драму, подъ заглавіемъ «Незаконнорожденный», и просилъ моего мнѣнія о пропускѣ ея по цензурѣ. Передавъ частнымъ образомъ рукопись на разсмотрѣніе одного изъ цензоровъ и основываясь на его мнѣніи, я сообщилъ автору, что піеса его не можетъ быть пропущена для напечатанія. На-дняхъ я получилъ при письмѣ автора вновь отпечатанную драму подъ названіемъ «Янетерской»; по содержанію книги хотя во многомъ измѣненной, не могъ я не узнать прежняго сочиненія Великопольскаго и былъ приведенъ въ недоумѣніе мѣстами, коихъ пропускъ показался мнѣ явно противнымъ правиламъ цензуры.

Піеса, какъ оказалось, была пропущена отдѣльнымъ цензоромъ здѣшняго Комитета, Ольдекопомъ, и билетъ на выпускъ книги подписанъ имъ-же 5-го числа этого мѣсяца. Узнавъ, что всѣ экземпляры вновь отпечатанной книги находятся у книгопродавца Юнгмейстера, я, нимало не медля, отнесся къ С.-Петербургскому оберъ-полиціймейстеру о запрещеніи дальнѣйшаго выпуска въ свѣтъ этого сочиненія и объ отобраніи въ томъ подписки¹⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ отъ цензора и сочинителя объясненія, которыя имѣя честь приложить при семъ въ подлинникъ, смѣю обратить благосклонное вниманіе Вашего Высокопревосходительства на отзывъ сего послѣдняго. Не совсѣмъ соглашаясь съ его теоріею въ литературѣ, я считаю долгомъ свидѣтельствовать о его благонамѣренности, которая видна, впрочемъ, и изъ готовности его къ перепечатанію на свой счетъ указанныхъ ему мѣсть. Дѣло сіе, при принятыхъ уже мною мѣрахъ, не представляетъ никакихъ дурныхъ послѣдствій, ибо 5-го числа сего мѣсяца только выданъ

1) Подписка Юнгмейстеромъ дана была 20-го февраля, а 24-го числа Великопольскій поручился въ томъ, что всѣ экземпляры трагедіи, розданные какъ имъ, такъ и Юнгмейстеромъ, будутъ возвращены и, вмѣстѣ съ остальными, у него находящимися, представлены въ Цензурный Комитетъ къ уничтоженію, безъ всякаго предоставленія себѣ права требовать за то какого-нибудь вознагражденія.

билетъ на выпускъ сей книги, которая еще не поступила въ продажу, и объявленіе о ней еще не было сдѣлано, а 20-го числа уже просилъ я оберъ-полиціймейстера о запрещеніи ея впредь до дальнѣйшаго рѣшенія.

Представляя нынѣ все дѣло, а равно и книгу на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства, я буду имѣть честь ожидать Вашего по сему рѣшенія. Князь Дондуковъ-Корсаковъ».

Отвѣтомъ Уваровъ не замедлилъ, и уже 25-го февраля писалъ князю Дондукову:

«Разсмотрѣвъ съ особымъ вниманіемъ донесеніе Вашего Сіятельства отъ 23-го февраля, равно и объясненія цензора и самое драматическое сочиненіе подъ названіемъ «Янетерской», я убѣдился, что пичего предосудительнѣе въ печати не могло быть допущено оплошностью цензора, и что предлагаемая измѣненія¹⁾, на двухъ особо припечатанныхъ листкахъ изложенныя, ни мало не измѣняютъ ряда безнравственныхъ картинъ, коими наполнена вся вообще трагедія. Относя важную ошибку, сдѣланную цензоромъ Ольдекопомъ къ нарушенію его обязанностей, и къ его неспособности постигнуть силу и духъ существующихъ узаконеній, я предлагаю Вашему Сіятельству уволить немедленно Ольдекопа отъ должности цензора съ тѣмъ, чтобъ, вслѣдствіе особаго Вашего ходатайства, ему дозволено было представить просьбу объ увольненіи отъ сей должности. Сверхъ сего, покорнѣйше прошу Васъ принять неукоснительныя мѣры къ истребленію всѣхъ имѣющихся экземпляровъ трагедіи «Янетерской» и къ возвращенію чрезъ посредство автора тѣхъ изъ нихъ, которые были имъ розданы разнымъ лицамъ. Если-же сочинитель, по выполненіи сихъ условій, ссылаясь на право, пріобрѣтенное имъ чрезъ соблюденіе цензурныхъ формъ, будетъ просить вознагражденіе за понесенныя при напечатаніи этой книги убытки, то въ такомъ случаѣ остается мнѣ дополнить сіе предложеніе указаніемъ, что, по сему-же самому началу, удовлетворенія слѣдуетъ автору искать съ цензора, а о моихъ по сему предмету распоряженіяхъ донести Его Императорскому Величеству. Министръ Народнаго Просвѣщенія С. Уваровъ».

1) Въ имѣющемся у меня экземплярѣ «Янетерскаго» стр. 43—44 и 45—46, дѣйствительно, перепечатаны на болѣе толстой бумагѣ и вклеены (см. выше, въ письмѣ Ольдекопа); но и на нихъ даже самый щепетильный человѣкъ не найдетъ ничего предосудительнаго.

Во исполненіе полученнаго предложенія, Великопольскій написалъ всѣмъ восьми лицамъ, которымъ успѣлъ послать свою трагедію, письма съ просьбой возвратить ему экземпляры піесы. Изъ нихъ Д. Ю. Струйскій, В. А. Каратыгинъ и Е. А. Егоровъ отвѣтили Великопольскому, что они не могутъ отыскать книги; П. А. Корсаковъ и А. И. Нератовъ — что они уже отправили ее въ деревню, Ѡ. Булгаринъ сообщилъ, что книга была доставлена къ нему въ его отсутствіе и что люди затеряли ее; В. С. Межевичъ отвѣтилъ, что «по особеннымъ причинамъ» онъ ее уже уничтожилъ; наконецъ Несторъ Кукольникъ писалъ Ивану Ермолаевичу: «Не смѣю думать, чтобъ она [книга] была украдена, но за слугъ перасторопныхъ и неграмотныхъ не могу отвѣчать. У меня весь почти Вальтеръ-Скоттъ переѣхалъ на кухню. Не удивительно, если и Ваше произведеніе попало туда же вмѣстѣ съ журналами, которыхъ я не читаю. Разсѣянность моя приводитъ меня въ отчаяніе, тѣмъ болѣе, что, прочитавъ Ваши піесы, я именно назначилъ ихъ къ сохраненію въ библіотекѣ, но, приготовляясь сдѣлать имъ разборъ для себя, — что я дѣлаю съ каждою замѣчательною книгою, — оставилъ ихъ на верху, между журналами... Примите удостовѣреніе въ отличномъ уваженіи къ прекрасному таланту Вашему».

Немедленно по собраніи нужныхъ свѣдѣній о количествѣ, въ которомъ книга была издана (всего было напечатано 720 экз.), въ Цензурномъ Комитетѣ было сожжено 628 экземпляровъ¹⁾, о чемъ и былъ составленъ актъ, за подписью цензоровъ А. В. Никитенка и М. С. Куторги²⁾.

1) Изъ уцѣлѣвшихъ экземпляровъ одинъ находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, а другой, оставленный у автора съ разрѣшенія III Отдѣленія, въ настоящее время переданъ мнѣ Н. И. Чаплиной. По этому экземпляру видно, что трагедія была написана въ 1838 г. и что Иванъ Ермолаевичъ, послѣ ея запрещенія, снова переделалъ ее, но уже болѣе не печаталъ, хотя и хлопоталъ о томъ въ 1864 году.

2) Вотъ что записалъ А. В. Никитенко въ своемъ «Дневникѣ» подъ 5-мъ марта 1841 года: «Нѣкто Великопольскій, псевдонимъ Ивельевъ, написалъ драму «Янетерской». Она плоха и, сверхъ того, безнравственна и наполнена сценами и выраженіями, которыя у насъ не допускаются въ печати. По непонятному недоразумѣнію, она, однако, была пропущена цензоромъ Ольдекопомъ. Лишь только драма вышла изъ печати и попала въ руки министру, онъ немедленно отрѣшилъ отъ должности цензора и велѣлъ повсюду отобрать экземпляры ея и сжечь. Сегодня въ 11 час. утра состоялось это аутодафе, при которомъ велѣно было присутствовать мнѣ и Куторгѣ. Вотъ, однако, два хорошіе поступка: Великопольскій, узнавъ о несчастіи, постигшемъ, по его милости, цензора, предложилъ послѣднему 3000 рублей, чтобы тому было на что

Вся эта исторія свалилась на голову Великопольскаго совершенно неожиданно. Зная его образъ мыслей, можно съ увѣренностью сказать, что онъ никакъ не думалъ и во всякомъ случаѣ не желалъ въ своей трагедіи дать, какъ писалъ Уваровъ, «ряда безнравственныхъ картинъ» (да ихъ безусловно и нѣтъ во всей піесѣ): цѣль его была самая «благонамѣренная» — изобразить несчастную судьбу незаконнорожденнаго, невинно страдающаго и нравственно, и физически. Иванъ Ермолаевичъ, желая оправдаться отъ взведеннаго на него обвиненія въ неблаговидномъ поступкѣ (онъ полагалъ сперва, что его обвиняютъ въ незаконномъ полученіи разрѣшенія на пропускъ книги), написалъ 28-го февраля слѣдующее письмо князю Дондукову:

«М. Г. Князь Михайло Александровичъ! Не знаю, какимъ образомъ могла распространиться такая низкая на меня клевета: но въ городѣ идетъ молва, и это было говорено третьяго дня за какимъ-то большимъ обѣдомъ, что будто бы я провелъ мою піесу сквозь цензуру обманомъ. Отношеніе автора къ предсѣдателю Цензурнаго Комитета идетъ своимъ чередомъ; я теперь пишу къ Вамъ просто, какъ знакомый. Оскорбленіе кипитъ въ моей душѣ; такая клевета могла только идти отъ чловѣка, не имѣвшаго случая слышать объ этомъ дѣлѣ прямо отъ Васъ. Вполнѣ увѣренный въ благородствѣ всѣхъ Вашихъ словъ и дѣйствій, я ни мало не сомнѣваюсь, что Вы, будучи единственнымъ чловѣкомъ, который можетъ снять съ меня низкій этотъ извѣтъ, снабдите меня, въ отвѣтъ на это, письмомъ, которымъ бы я могъ заставить молчать каждаго, осмѣливающагося произнести что-либо подобное».

Князь Дондуковъ удовлетворилъ просьбу автора и отвѣтилъ Ивану Ермолаевичу письмомъ, въ которомъ удостовѣрялъ фактъ вполнѣ законнаго пропуска его піесы цензоромъ. Но все это, какъ мы видѣли, ни привело ни къ чему, хлопоты и старанія Великопольскаго не имѣли успѣха, — и экземпляры піесы были уничтожены. . .

Такая крупная неудача не сломила, однако, энергіи Великопольскаго. Быть можетъ изъ той строгости, съ которой отнеслись къ «Яне-

жить, пока онъ найдетъ себѣ другое мѣсто. Ольдекопъ отказался». (Записки и дневникъ (1826—1877) А. В. Никитенко; т. I, С.-Пб. 1893, стр. 413). О предложеніи Ольдекопу жалованья рассказываетъ также И. И. Панаевъ (Литературныя воспоминанія. С.-Пб. 1888, стр. 161).

терскому», онъ вывелъ заключеніе о могущественномъ вліяніи и большомъ значеніи, какое могутъ имѣть на читателей его произведенія, а потому и послѣ описанной катастрофы онъ не только не пересталъ работать на избранномъ имъ поприщѣ бытописателя-драматурга, но отдался излюбленнымъ занятіямъ съ еще большимъ усердіемъ. Его «Пестрый альбомъ» по прежнему пополняется наблюденіями, замѣтками, выписками, соображеніями и т. п. для вновь задумываемыхъ пьесъ. Въ томъ же 1841 г. онъ особенно увлекся историческими изслѣдованіями скончавшагося въ 1839 г. Юрія Венелина. «Меня очень заинтересовалъ», писалъ онъ Погодину изъ Петербурга отъ 20-го августа 1841 г.: «первый томъ изысканій Венелина: его доказательства о тожествѣ гунновъ и болгаръ, о россиянахъ, какъ старожилахъ Россіи, и, наконецъ, прямое наименованіе Аттилы *Царемъ Русскимъ* просто не давали мнѣ покою. Здѣсь мнѣ вдругъ пришла мысль его повѣрить. Поэтому я перечиталъ о Гуннахъ и Аттилѣ, что могъ найти¹⁾ и, признаюсь, отдавая справедливость остроумію покойнаго Венелина, потерялъ нѣкоторымъ образомъ уваженіе къ его добросовѣстности. Выказывая такое дерзкое своею оригинальностью мнѣніе, онъ долженъ былъ представить на разсмотрѣніе читателя все, что есть этому противорѣчащаго, и все это опровергнуть. А онъ умолчалъ, и о чемъ же? — о сохранившемся описаніи наружности Аттилы, которое явно свидѣтельствуетъ о его азиатскомъ происхожденіи, и одно наводитъ сомнѣніе на все то, что говоритъ Венелинъ. Не смотря на это, въ изысканіяхъ его столько ума и дѣятельности, что все это можно теперь назвать загадкою. Изучивъ такимъ образомъ Аттилу въ его характерѣ и дѣяніяхъ, я (грѣшнень) вздумалъ написать историческую драму, въ которой [хочу] развернуть, между прочимъ, мой взглядъ на то, что я понимаю подъ историческою драмою. Изъ этой горы можетъ родиться мышь, но вы все-таки не откажетесь помочь мнѣ, въ чемъ можете. А мнѣ нужно, чтобы вы указали мнѣ только на источникъ, откуда Венелинъ почерпнулъ извѣстіе о томъ, что Аттила подступалъ къ стѣнамъ Рима, и что папа Левъ Святой поднесъ ему скипетръ обладанія міромъ. У Венелина это въ первомъ томѣ на страницѣ 242-й. Я нигдѣ объ этомъ не

1) Въ «Пестромъ альбомѣ», дѣйствительно, большое количество страницъ занято выписками изъ разныхъ сочиненій, касающихся Аттилы и его времени.

нашелъ. Гиббонъ рѣшительно говоритъ, что Аттила не доходилъ до Рима, указывая на мѣсто свиданія его съ папою — близъ Мантуи. Я предполагаю, что это должно быть одно изъ сказочныхъ извѣстій историковъ венгерскихъ; но фреска Рафаэля, представляющая (сколько мнѣ извѣстно) папу выѣзжающимъ на встрѣчу Аттилѣ изъ вратъ Рима, служить нѣкоторымъ доказательствомъ о существованіи подобнаго преданія. Самъ папа Левъ Святой упоминаетъ объ Аттилѣ только вскользь, въ одномъ своемъ письмѣ, котораго мнѣ не случилось еще видѣть. Между тѣмъ, это обстоятельство очень важно для драмы. Напишите строчку, но сдѣлайте одолженіе — съ первою почтою. Не думайте, чтобы я вслѣдъ за Венелинымъ вздумалъ представить Аттилу Русскимъ царемъ: нѣтъ, пусть это останется въ драмѣ загадкою, какъ въ исторіи»¹⁾). Не знаемъ, отвѣчалъ-ли Погодинъ Великопольскому; знаемъ только, что драма съ сюжетомъ изъ жизни Аттилы осталась лишь въ области многочисленныхъ литературныхъ предположеній нашего писателя.

Съ этого времени излюбленныя занятія Великопольскаго отходятъ на задній планъ. Онъ начинаетъ дѣло, сулившее ему громадныя барыши, но въ дѣйствительности совершенно разорившее его: это былъ новый способъ обработки льна и другихъ прядильныхъ растений, о которомъ мы скажемъ подробнѣе нѣсколько ниже, покончивъ обзоръ литературныхъ трудовъ Ивана Ермолаевича. Итакъ, на этотъ разъ только послѣ долгаго промежутка²⁾, нашъ писатель снова выступилъ передъ публикой; на этотъ разъ онъ появился со своимъ произведеніемъ на сценѣ Александринскаго театра: 28-го апрѣля 1848 г., въ бенефисъ режиссера Н. И. Куликова, была дана «Память Бородинской битвы, сельская картина 1839 года, сочиненіе, современное торжеству открытія Бородинскаго памятника... съ хоромъ, преобразующимъ [!] общій народный голосъ (музыка соч. г. Кажинскаго)».

Содержаніе этой «картины» состояло въ слѣдующемъ³⁾:

1) *Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина*, т. V, С.-Пб. 1892, стр. 270—272.

2) Впрочемъ въ 1842 году, въ 12-й книжкѣ *Москвитянина*, онъ напечаталъ, подъ псевдонимомъ Ивелъева, отдѣльную сцену: «Фантастъ, или сила воображенія» (стр. 280—291, отд. оттискъ — М. 1842, 14 стр.), о которой нельзя сказать ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что уже было говорено о другихъ пьесахъ нашего автора.

3) Передаемъ словами Р. М. Зотова, помѣстившаго о пьесѣ отчетъ въ *Сверной Пчелѣ* 7-го мая 1848 г., № 101.

«Отставной унтеръ-офицеръ Илья Степановъ, потерявшій руку подъ Бородинымъ, живетъ въ деревнѣ съ своимъ семействомъ, то-есть съ дочерью Аннушкою, матерью, братомъ и невѣсткою. Разказы о подвигахъ русскихъ воиновъ въ 1812 году составляютъ первую его страсть, а какъ онъ грамотный, то и читаетъ всякій день исторію этой знаменитой кампаніи, которую онъ даже выучилъ наизусть. За дочь его сватаются двое. Одинъ — богатый цѣловальникъ, а другой — молодой бѣдный парень. Аннушка любитъ послѣдняго. Отецъ склоняется въ пользу богача, но бѣднякъ придумываетъ самую удачную хитрость. Въ день ангела отца своей возлюбленной онъ составляетъ для него сюрпризъ, представляя ему на лугу изъ простынь, досокъ и флаговъ все Бородинское сраженіе, о которомъ разказъ тоже выучилъ изъ книги. Это до того восхищаетъ стараго инвалида, что онъ выдаетъ дочь свою за бѣдняка и благословляетъ ихъ. Въ заключеніе сходятся крестьяне и поютъ хоръ», написанный на музыку извѣстнаго въ свое время композитора Виктора Кажинскаго. Піеса написана была Великопольскимъ въ 1839 г. подъ впечатлѣніемъ торжества открытія памятника на мѣстѣ Бородинской битвы. Иванъ Ермолаевичъ присутствовалъ на этомъ торжествѣ; онъ видѣлъ устроенный на полѣ Бородинскомъ временный театръ, но съ грустью узналъ, что никто изъ писателей русскихъ «не осмѣливался принять изъ рукъ Музы театра перо, которое она держала». «Авторъ піесы «Память Бородинской битвы», говоритъ Великопольскій: «побужденный минутою, взялъ это перо, не съ тою дерзостію, которая заставляетъ иногда слишкомъ надѣяться на свои силы, но съ тѣмъ увлеченіемъ, которое невольно порождается минутою»¹⁾).

Не смотря на это восторженное увлеченіе, находясь въ которомъ Великопольскій написалъ піесу всего въ три дня, она вышла неудачною и не понравилась публикѣ, которая встрѣтила ее холодно, а мнѣнія критиковъ были діаметрально противоположны. Рецензентъ *Сѣверной Пчелы* Р. З. (Р. М. Зотовъ) находилъ, на примѣръ, что въ піесѣ этой *піесы*, собственно, нѣтъ, то-есть, нѣтъ завязки и развязки, чѣмъ и объяснял то равнодушіе, съ которымъ она была принята публикой. Однако, отмѣтивъ нѣсколько ошибокъ въ изложеніи фактовъ, онъ нахо-

1) «Опытъ оправданія піесы «Память Бородинской битвы». С.-Пб. 1848, стр. 6.

диль, что авторъ «очень хорошо схватилъ главныя черты сельскаго быта», главную же заслугу его видѣлъ въ томъ, «что онъ бойкимъ и живымъ разговоромъ возобновилъ въ памяти зрителей великія событія исполинской битвы». Критикъ *Пантеона*¹⁾ былъ болѣе строгъ къ нашему автору, обвиняя его піесу въ неестественности, натяжкахъ, ошибкахъ и тому подобномъ и вообще не одобряя самой ея идеи. Совершенно обратнаго мнѣнія былъ издатель *Литературной Газеты* В. Р. Зотовъ. Въ августѣ того же года онъ удѣлил на страницахъ своего изданія мѣсто не только обширному «Опыту оправданія «Памяти Бородинской битвы»²⁾, и самой піесѣ³⁾, но даже снабдилъ первый очень лестнымъ для нашего автора примѣчаніемъ⁴⁾: «И. В. Великопольскій», говорилъ онъ: «принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ писателей, о которыхъ сожалѣешь, что они не исключительно занимаются литературою. Конечно, другія занятія отъ этого выигрываютъ, но литература во всякомъ случаѣ теряетъ. Давно уже имя г. Великопольскаго, въ возмужалой эпохѣ своей литературной дѣятельности взявшаго псевдонимъ «Ивельевъ», не появлялось въ печати. Въ апрѣлѣ нынѣшняго года явилась на Александринской сценѣ его піеса «Память Бородинской битвы». Она показалась намъ до того замѣчательной, не только въ сценическомъ, но и въ литературномъ отношеніи, что мы съ удовольствіемъ напечатаемъ и въ слѣдующихъ же нумерахъ нашей газеты. Предлагаемая теперь статья составляетъ объясненіе этой піесы и отвѣтъ на рецензіи ея, помѣщенныя въ нѣкоторыхъ журналахъ. Это не чисто критическая статья, потому что въ ней изложены многія идеи автора о драмѣ и сценическомъ искусствѣ. Надѣмся со временемъ представить нашимъ читателямъ еще одну піесу г. Великопольскаго, не игранную, и очеркъ литературной дѣятельности этого талантливаго писателя, который въ особенности замѣчателенъ въ исторіи русской

1) 1848 г., № 5; это былъ вѣроятно, самъ издатель *Пантеона*, Ф. А. Кони.

2) 26-го августа 1848 г. № 34.

3) №№ 35 и 36.

4) Знакомство ихъ, сначала заочное, состоялось въ іюнѣ 1848 г. черезъ посредство Н. И. Куликова, передавшаго Великопольскому желаніе Зотова познакомиться подробнѣе съ его литературною дѣятельностью, о которой Куликовъ былъ высокаго мнѣнія. Слѣдствіемъ ознакомленія Зотова съ произведеніями Ивана Ермолаевича (изданными и неизданными) и явилась его лестная замѣтка о Великопольскомъ въ № 34 *Литературной Газеты*.

литературы новымъ и оригинальнымъ взглядомъ на сценическое искусство»¹⁾.

Статья Великопольскаго, въ которой онъ оправдывался отъ нападокъ критиковъ *Съверной Пчелы* и *Пантеона*, была выпущена имъ и въ отдѣльныхъ оттискахъ²⁾, въ виду повторенія пьесы на сценѣ въ томъ же году, съ тою цѣлью, «чтобы располагающіе быть въ спектаклѣ 26-го августа могли, предварительнымъ обсужденіемъ взглядовъ автора и его критиковъ, составить себѣ вѣрное понятіе о представленіи, котораго будутъ зрителями». Здѣсь же онъ старался доказать, что «блистательный переворотъ славной для Россіи войны 1812 года произошелъ не отъ случая, какъ то еще полагаютъ многіе, но былъ неоспоримымъ слѣдствіемъ плана, глубоко соображеннаго и заранѣе обдуманнаго великимъ русскимъ полководцемъ».

Послѣ спектакля 26-го августа, въ годовщину Бородина, пьеса была поставлена всего еще одинъ разъ и съ тѣхъ поръ навсегда сошла съ репертуара. Успѣху ея не посодѣйствовало и то обстоятельство, что исполнителями въ ней ролей явились В. А. Каратыгинъ, П. И. Григорьевъ 1-й, В. М. Самойловъ, А. Е. Мартыновъ и Е. Я. Сосницкая³⁾.

Въ то время, какъ Великопольскій былъ занятъ постановкой на сцену, а затѣмъ защитой своей «сельской картины», онъ уже работалъ надъ новымъ произведеніемъ — «высокой», какъ онъ называлъ ее, комедіей въ 5 дѣйствіяхъ «Міръ Слѣпыхъ». Эта пьеса была любимымъ дѣтищемъ Ивана Ермолаевича, для котораго онъ уже давно собиралъ матеріалы и обдумывалъ планъ: такъ, въ «Пестромъ альбомѣ» уже съ 1843 г. встрѣчаются замѣтки къ драмѣ «Слѣпые»;

1) Зотовъ такъ и не собрался этого сдѣлать, но благорасположеніе его къ нашему писателю сохранилось до самой смерти послѣдняго. Объ участіи Зотова въ Посреднической комиссіи по дѣламъ Великопольскаго см. ниже и въ *Русской Старинѣ* 1901 г., № 7, стр. 172.

2) Статью эту очень сочувственно встрѣтилъ баронъ Е. Ѳ. Розень, помѣстившей о ней въ *Сынъ Отечества* 1848 г. (кн. 10, отд. VI, стр. 9—15) восторженный отзывъ, равно какъ и о самой пьесѣ; Р. М. Зотовъ возражалъ на «Опытъ оправданія» и критиковалъ спектакль 26-го августа въ статьѣ, помѣщенной въ *Съверной Пчелѣ* 1848 г., № 197, отъ 3-го сентября.

3) А. И. Волфъ. Хроника Петербургскихъ театровъ, ч. II, С.-Пб. 1877, стр. 141, 145 и 146.

вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: «Слѣпому всё кажутся въ томъ видѣ, какъ были тогда, когда онъ былъ еще зрячимъ». — «Любопытно знать, какъ представляетъ себѣ человѣка слѣпой отъ рожденія?» — «Представитъ двухъ слѣпыхъ: одного слѣпого отъ рожденія, другого — ослѣпшаго въ юности. Ихъ разговоры. Послѣдній рассказываетъ первому о красотѣ человѣка, о красотѣ женской. Понятіе перваго о человѣкѣ. Носъ очень пугаетъ слѣпого отъ рожденія: онъ представляетъ себѣ его уродствомъ». — «Сюжетомъ драмы «Слѣпые» сдѣлать то, что молодой человѣкъ любилъ и былъ любимъ — и вдругъ ослѣпъ. Дѣвушка за него не вышла. . . Подъ старость онъ на ней женится. Слѣпой же отъ рожденія именно не женится потому, что носъ представляется ему уродствомъ». — «Слѣпому возвращаютъ зрѣніе, и онъ приходитъ въ отчаяніе, увидѣвъ всё предметы не въ томъ видѣ, какъ они ему представлялись» и т. д.

Принявшись за разработку намѣченныхъ вопросовъ и соображеній, Великопольскій опять, какъ и раньше, запутался въ мелочахъ и подробностяхъ, и въ результатѣ далъ произведеніе, быть можетъ, самое курьезное изъ всѣхъ другихъ его твореній. Онъ вывелъ на сцену четырехъ слѣпыхъ: Владимірова («характеръ возвышенный»), Тизо («пустой, но возвышенный»), Ежа («злой и отвратительный») и Ницаго, «возсылающаго къ Богу благодарность за свое несчастіе» и одного глухого. Владиміровъ, слѣпой отъ рожденія, живетъ въ домѣ нѣкаго Прибрежнаго, исполняя обязанности учителя его 16-лѣтней дочери Вареньки; она неравнодушна къ слѣпому, въ которомъ уважаетъ умъ и высокія душевныя качества; братъ ея Михаилъ, по прозванію *Ежъ*, также слѣпецъ, ненавидитъ Владимірова. Съ Прибрежными знакомится нѣкто Тизо, слѣпой музыкантъ-таперъ, бывшій прежде прекраснымъ живописцемъ; въ домъ ихъ вводитъ его невѣстка Прибрежнаго, но слѣпецъ сперва не знаетъ, что она — та самая Маша, въ которую въ молодости онъ былъ влюбленъ, но за котораго она не вышла потому, что была сосватана за другого. Теперь же, спустя 14 лѣтъ и уже овдовѣвъ, она рѣшается выйти за него за-мужъ, предварительно убѣдившись въ томъ, что Тизо можно вылѣчить отъ слѣпоты; тотъ въ восторгѣ отъ своего счастья, они обвѣнчиваются, и Тизо дѣйствительно вновь получаетъ зрѣніе. Но тутъ начинаются его разочарованія: «Маша моя», говоритъ Тизо Владимірову про свою жену: «не та, какую была

прежде... Теперь это чудное наливное прежде личико уже носить начатки морщинъ. Она все еще хороша, но художникъ не найдетъ въ ней того невыразимаго созданія, которое, едва вступивъ въ свою весну, является восторженному юношѣ въ видѣ существа, обитающаго въ лучахъ зари. Глаза ея, все еще такъ же свѣтлые, окружены впальми синеватыми рамками. Дивное отраженіе розы замѣнено таинственно румянами..... Но всего болѣе поразило меня измѣненіе ея маленькаго, обаятельнаго прежде носика¹⁾ въ какой-то... не уродливый... но придающій ей совершенно другую наружность. Одна минута, которой я ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ высшей благодати, разрушила очарованіе 14 лѣтъ, проведенныхъ мною безъ Божьяго свѣта». — «Не касайся меня такое зрѣніе!» въ ужасѣ восклицаетъ Владиміровъ, создавшій уже въ своемъ воображеніи образъ Вариньки, въ которомъ ему было бы страшно разочароваться.

Эта странная фабула до нельзя запутана разными отступленіями, длинными монологами дѣйствующихъ лицъ, устами которыхъ авторъ непременно хочетъ подѣлиться съ читателями своими знаніями, наблюденіями и совершенно неидушими къ дѣлу отклоненіями отъ темы, вплетенными имъ въ піесу все съ тою же цѣлью. Въ его комедіи мы находимъ цѣлыя разсужденія изъ области физики, психологіи, краніологіи, медицины, обоснованныя на сочиненіяхъ Каруса, Юнкена, Пулье, Descuret, Кленке, Кабаниса, Дешпинга, Вольтера, Дидеро и т. д., и т. д. Піеса представляетъ изъ себя смѣсь глубокомысленныхъ разсужденій, явившихся, очевидно, плодомъ долгой работы и размышленій автора, съ смѣшными по своей нелѣпости сценами и комичными подробностями. Такъ, на примѣръ, Великопольскій заставляетъ говорить слѣпого Тизо съ глухимъ вожатымъ слѣдующимъ образомъ: Тизо, топнувъ, чтобы обратить на себя вниманіе, упираетъ палку себѣ въ грудь, а Гаврилковъ (глухой) беретъ другой ея конецъ въ ротъ — и такъ выслуши-

1) «Я не могу», говоритъ въ одномъ мѣстѣ Владиміровъ: «въ формахъ чело-вѣческаго лица примириться съ этимъ уродливымъ возвышеніемъ между глазами и ртомъ, съ этимъ угловатымъ, чихающимъ наростомъ. Онъ представляетъ осязанію самую отвратительную выпуклость. Древніе называли ее вмѣстилищемъ злобы, но, впрочемъ, признавали ее самою честною частью лица, потому что она краснѣетъ, когда челоувѣкъ обѣется или обопѣется». — «О, какъ ты ошибаешься», возражаетъ ему Тизо: «Для зрѣнія это совсѣмъ не такъ: есть носики удивительно прехестные» и т. д.

ваетъ вопросы Тизо; «такимъ образомъ», говоритъ Великопольскій въ примѣчаніи, «если не повреждена слуховая улитка, могутъ явственно слышать, по передающемуся сотрясенію, нѣкоторые глухіе, на которыхъ не дѣйствуютъ даже самые сильные звуки («Начальное основаніе физиологіи человѣческаго тѣла», соч. Валентина). Владиміровъ, желая узнать поближе Тизо, говоритъ ему: «Дай прежде слѣпцу-краніологу познакомиться съ тобою по своей наукѣ» и затѣмъ «ощупывая его черепъ», говоритъ: «Лобъ не обширный, но возвышенный по срединѣ. Средняя часть черепа развита болѣе прочихъ. Слѣдовательно справедливо, что ты художникъ, а малое образованіе ушного позвонка, дѣйствительно, не свидѣтельствуетъ о музыкальныхъ способностяхъ» и т. д. еще на полстраницѣ, съ постоянными ссылками на «Основанія краніологіи» Каруса. Съ тѣмъ же глухимъ Гаврилковымъ Тизо иногда объясняется знаками глухонѣмыхъ. Въ одной сценѣ Варинька, въ лунатизмѣ, одѣтая въ бѣлую ночную блузу, заходитъ въ комнату Владимірова въ то время, какъ онъ поетъ гимнъ Богу, аккомпанируя себѣ на арфѣ. Нѣкоторыя сцены, напримѣръ дуэли на пистолетахъ между Владиміровымъ и Тизо (слѣпцами!) грубо-комичны. Можно себѣ вообразить, поэтому, что было бы со зрителями, если бы они увидѣли все это на сценѣ!¹⁾

Мы нѣсколько подробнѣе остановились на «Мірѣ Слѣпыхъ» какъ по тому значенію, которое ему придавалъ самъ авторъ (онъ передѣлывалъ его много разъ и закончилъ лишь въ 1857 г.), вложившій въ него всѣ свои знанія и все искусство, такъ и по тому, что въ бумагахъ Ивана Ермолаевича мы нашли цѣлый листъ замѣчаній на эту піесу, сдѣланныхъ стариннымъ знакомцемъ Великопольскаго С. Т. Аксаковымъ. Приводимъ какъ письмо его, такъ и замѣчанія²⁾.

15-го февраля [1853 г.].

«Я получилъ оба Ваши письма, любезнѣйшій Иванъ Ермолаичъ! Очень радъ, что Вы проводите масляницу въ Москвѣ. Желаю Вамъ,

1) По распредѣленію ролей на одномъ изъ рукописныхъ экземпляровъ «Мира Слѣпыхъ» видно, что Великопольскій намѣренъ былъ разыграть ее (а можетъ быть и разыгралъ) на домашней сценѣ при помощи актеровъ-любителей.

2) Къ сожалѣнію, не всѣ они ясны для насъ, такъ какъ сдѣланы были Аксаковымъ къ первоначальной редакціи піесы, до насъ не дошедшей.

почтеннѣйшей Софѣи Матвѣевнѣ и Вашей милой дочери провести пріятно время. Мы, слава Богу, живемъ по прежнему; я продолжаю постоянно заниматься моими скромными трудами. Прилагаю Вамъ біографію Загоскина, изуродованную цензоромъ и типографіей¹⁾. Прощайте! Обнимаю Васъ. Вашъ С. Аксаковъ».

Начинаю мои замѣчанія съ того, что *прописи*²⁾ Васъ увлекаютъ. Для читателей онѣ, точно, дополняютъ драматичность, а для зрителей не могутъ быть выражены мимикой. Надобно, чтобы смыслъ *прописей* истекалъ изъ словъ, изъ положенія лицъ.

№ 1. Щавельской³⁾ могъ сказать такое неприличное предложеніе; но Притекинъ⁴⁾ не могъ его одобрить: это человѣкъ съ душой, понимающій оскорбительность этой выходки, особенно послѣ всего, рассказаннаго слѣпыми Тизо.

№ 2. Вся сцена съ вѣнкомъ, по моему, не годится. Во-первыхъ потому, что всѣ церемоніи, до которыхъ охотники французы, русскому человѣку смѣшны⁵⁾. Во-вторыхъ, для увѣнчанія вѣнкомъ Гомера и Мильтона, надобно, чтобъ стихи были гораздо лучше. Я замѣтилъ въ нихъ много выражений неправильныхъ, напыщенныхъ и не нахожу — прошу не сердиться — поэтическаго одушевленія.

№ 3. Послѣ чтенія вдохновенныхъ, по ходу и смыслу сцены, стиховъ, такое предложеніе — гадко со стороны Притекина⁶⁾.

№ 4. Какія же это *земныя* и *неземныя* жилища у мечты? Жилище мечты — воображеніе, слѣдовательно — духовное. Можно мечтать о земномъ или о духовномъ, — это дѣло другое.

№ 5. Владиміровъ не могъ повѣрить уверткамъ Тизо: слѣпые осо-

1) Біографія М. Н. Загоскина. М. 1853 г. (оттискъ изъ *Москвитянина*).

2) То-есть, напечатанныя передъ словами дѣйствующихъ лицъ пояснительно-дополнительныя замѣчанія, долженствующія дать указанія актеру и читателю; смотри, напримѣръ, ниже, примѣчаніе 5-е.

3) Офицеръ, типъ фата.

4) Такъ, вѣроятно, прежде былъ названъ Прибрежный.

5) Это, дѣйствительно, смѣшная сцена. Послѣ произнесенія Владиміровымъ сочиненной имъ «Пѣсни вечерней звѣзды», «Прибрежная», какъ объяснено «прописью», «подвигнутая восторгомъ Тизо, сняла съ Мильтонова бюста вѣнокъ и надѣла на Владимірова. Владиміровъ ошупалъ вѣнокъ и задрожалъ. Варинька, сложивъ благоговѣйно ладони, съ восторгомъ на него смотритъ». Великопольскій, однако, не согласился исключить эту сцену.

6) Онъ проситъ Тизо сыграть на фортепіанахъ какіе-нибудь танцы.

бенно понимаютъ звуки, тоны. По естественному ходу сцены, Тизо долженъ былъ сказать правду.

№ 6. Эту молитву¹⁾, по моему, надо написать прозой! Простота и естественность, дѣйствительность ея, такъ сказать, послѣ лирической пѣсни были бы поразительны и чувствительны для зрителей. Впрочемъ, это мое личное мнѣніе.

№ 7. Даже подозрѣніе слишкомъ послѣшно, а здѣсь уже является увѣренность. Вотъ если бы Владиміровъ не повѣрилъ уверткѣ Тизо и выразилъ для зрителей, что не вѣритъ ему, тогда бы теперешняя увѣренность въ обманъ была бы естественна.

№ 8. Вся эта сцена не достойна Владимірова, этого высокаго существа, какимъ авторъ хотѣлъ сначала его представить. Онъ могъ пожелать удостовѣриться въ своемъ несчастіи — и только. Тутъ нѣтъ ни измѣны, ни вѣроломства. Владиміровъ долженъ былъ сейчасъ догадаться, что эта женщина — та самая, которая давно любила Тизо: за что же гнѣваться? Онъ могъ только страдать, но драться... фи! весь характеръ его погибъ²⁾.

№ 9. Мысль о дуэли нелѣпа для такого умнаго и нравственнаго человѣка, какъ Владиміровъ; а его ругательства и самохвалство становятся его ниже *Лекаго*³⁾.

№ 10. Ну можетъ-ли добрый отецъ свою дочь, невинную, слишкомъ молодую дочь, ставить на очныя ставки съ служанками? Положимъ, что подозрѣніе могло закраситься въ сердце отца (чего не должно быть); но открывать истину онъ будетъ наединѣ съ дочерью⁴⁾.

№ 11. Если уже дозволить Владимірову мысль о дуэли, для кото-

1) Въ ней, между прочимъ, среди высокопарныхъ, напыщенныхъ фразъ, встрѣчаются, напримѣръ, такіе стихи:

Лишь слѣнца
Безъ вѣнца
Ты пустилъ для тяжелой доли!
Какъ полилъ,
Онъ прилилъ
Безъ очей къ земной юдоли!

2) Владиміровъ подозрѣваетъ, что Тизо увлекся Варинькой и, въ ревности, вызываетъ его на дуэль.

3) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ.

4) Ежъ говоритъ отцу, что видѣлъ сестру ночью въ комнатѣ Владимірова (она туда зашла въ лунатизмѣ).

рой нѣтъ причинъ, то мысль эта должна была уничтожиться его сознаниемъ и раскаяніемъ.

Вотъ Вамъ мои частныя замѣчанія; ихъ не мало, если соединить съ замѣчаніями, сдѣланными въ самой рукописи. Общее заключеніе, лично мое, состоитъ въ томъ, что «Міръ Слѣпыхъ» можетъ имѣть мѣсто въ художественныхъ произведеніяхъ и даже на сценѣ, хотя многіе не согласятся со мной. Ваша пѣса, имѣя свои достоинства, не удовлетворяетъ меня. Восторженность главнаго лица, то-есть, Владимірова, сначала лишаетъ его достоинствъ дѣйствительности, а потомъ— такъ противорѣчитъ съ его ни на чемъ не основанною ревностью и злобой, что такая непослѣдовательность бросается въ глаза всякому¹⁾. Мысль же о дуэли и исполненіе такой мысли лишаетъ его достоинства умнаго человѣка. Въ немъ уже нельзя принимать участія, — и весь интересъ пѣсы уничтожается. —Его набожность— чисто поэтическая; во всѣхъ его поступкахъ нѣтъ признака вѣрующаго христіанина. Тизо исправить не трудно, но Владимірова надо создать вновь. Я нахожу положеніе Тизо, забывшаго время и не нашедшаго прежняго образа милой женщины, — поэтичнымъ и драматичнымъ; новая любовь или склонность²⁾, конечно, — скоренька, но она возможна, и драматичность положенія увеличивается. Желая быть вѣрнымъ дѣйствительной жизни, Вы дѣлаете иногда слѣпыхъ смѣшными и допускаете другихъ смѣяться надъ ними; по моему это не нужно. Не надъ всѣми, не всегда и не всѣ смѣются надъ слѣпыми. Въ этомъ нѣтъ необходимости. Выводя вдругъ четырехъ слѣпыхъ, Вы и такъ подвергаетесь опасности, что это покажется смѣшно для зрителей, а Ваша цѣль — возбудить къ нимъ живое участіе».

Мягкіе Аксакова не возымѣло дѣйствія, и въ 1857 г. Великопольскій представилъ свою любимую комедію на конкурсъ только-что учрежденной Уваровской преміи, скрывъ свое имя въ запечатанномъ конвертѣ съ девизомъ «Всѣ музы сестры и живутъ семействомъ». Комиссія по присужденію наградъ графа Уварова, собравшись

1) Дѣйствительно, Великопольскій сначала заставляетъ его говорить высокими, напыщенными словами, а потомъ вкладываетъ въ его уста самыя грубыя ругательства и ставитъ въ такія положенія, которыя вызываютъ въ читателѣ только смѣхъ.

2) Къ Варенькѣ.

15-го іюня 1857 г., постановила разборъ комедіи Великопольскаго поручить Вл. Ив. Далю, но онъ подъ благовиднымъ предлогомъ отъ труда рецензирования отказался, отвѣтивъ Непремѣнному Секретарю Академіи слѣдующимъ письмомъ: «Милостивый Государь. Опѣняя довѣренность гг. академикомъ, желающихъ поручить мнѣ разборъ комедіи «Міръ слѣпыхъ», представленной на соисканіе Уваровской награды, я однако же, какъ по совѣсти, такъ и по обстоятельствамъ, долженъ отъ чести этой отказаться.

По совѣсти, потому что не признаю въ себѣ достаточныхъ на дѣло это способностей: я не критикъ, и разборъ этотъ легко бы вышелъ одностороннимъ, что было бы несогласно съ положеніемъ учредителя и съ достоинствомъ Академіи. Къ сожалѣнію, этому бывали примѣры, еще болѣе меня напугавшіе — напримѣръ разборъ словаря Павлова, представленнаго на Демидовскую награду. — По обстоятельствамъ — за недосугомъ. Я получилъ рукопись сегодня, 3-го іюля; къ 1-му августа разборъ долженъ быть уже на мѣстѣ, а между тѣмъ, я только что возвратился изъ поѣздки по губерніи, долженъ кончить множество дѣлъ, ожидавшихъ моего прибытія, и снова ѣхать.

По симъ причинамъ, прошу снисхожденія Академіи и Вашего. Рукопись при семъ имѣю честь возвратить. Покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности моей. В. Даль.

3-го іюля 1857 г. Нижній. № 10¹⁾.

Послѣ отказа Даля, Академія 15-го іюля обратилась съ тою же просьбою къ Аполлону Николаевичу Майкову; однако, Великопольскій и здѣсь потерпѣлъ неудачу: премія не была ему присуждена...

Слѣдуя хронологическому порядку изложенія, намъ надлежитъ сказать теперь о сочиненіи Ивана Ермолаевича, которое онъ издалъ въ 1854 году (С.-Пб.) подъ инициалами И. Е. В.: «Русское чувство, драматическая фантазія, по поводу репетиціи на Петербургской сценѣ представленія «Морской праздникъ въ Севастополѣ», при чемъ выручка отъ продажи 1000 экземпляровъ этой піесы была назначена авторомъ «на патріотическое употребленіе». Успѣхъ на Александринской сценѣ «Морского праздника въ Севастополѣ», написаннаго Н. В. Кукольниковъ

1) Архивъ Конференціи Императорской Академіи Наукъ, д. № 374, л. 158.

комъ, подаль Великопольскому «мысль о возможности написать піесу въ томъ же патріотическомъ родѣ и по отношенію къ тому же событію [то-есть, Синопскому бою], но въ совершенно другихъ очеркахъ, перенеся сцену въ закулисный бытъ, а потому не впадая въ повтореніе. Завязки, собственно такъ называемой, тутъ и ожидать не должно. Всякая драматическая интрига, введенная для нея въ піесу, отвлекла бы только отъ главной цѣли — прославленія торжествъ русскаго оружія»¹⁾).

«Вывести дѣйствующими лицами самихъ актеровъ», говоритъ онъ далѣе: «есть мысль совершенно новая въ драматическомъ искусствѣ²⁾», но это не можетъ помѣшать представленію, потому что все въ піесѣ служить имъ къ чести. При томъ, хотя каждый изъ нихъ выведенъ на сцену собственнымъ своимъ лицомъ, но все-таки исполняетъ роль, данную ему въ піесѣ, дѣйствуетъ по указанію и говоритъ словами автора».

Сцена въ «Русскомъ Чувствѣ» представляетъ собою кулисы Александринскаго театра, гдѣ собрались, для репетиціи «Морского праздника въ Севастополѣ» и другихъ репетицій, одновременно съ нею назначенныхъ, артисты: В. В. Самойловъ, А. М. Читау, Н. И. Подобѣдова, П. И. Григорьевъ 1-й, А. М. Максимовъ 1-й, Е. Я. Сосницкая, П. И. Орлова, Г. Н. Жулевъ, П. И. Григорьевъ 2-й, П. А. Каратыгинъ, П. П. Булаховъ, А. Е. Мартыновъ, Л. П. Фалѣевъ, солдаты-статисты, хористы, пѣвцы, а также «проведенный на сцену подъ видомъ статиста, по любопытству видѣть представленіе Синопскаго сраженія», унтеръ-офицеръ Балтійскаго флота Боченковъ. Артисты разговариваютъ между собою о томъ-о семъ; А. М. Читау, между тѣмъ, говоритъ, что въ представленіе «Морского праздника» ей хотѣлось бы вставить одну сцену, «которая не выходитъ у нея изъ головы». П. И. Григорьевъ 1-й говоритъ, что просить автора о вставкѣ этой

1) «Русское чувство», предисловіе, стр. 5.

2) Это не вѣрно: подобныя піесы бывали и гораздо раньше; такъ, въ 1821 г. Н. И. Хмельницкій и Н. В. Всеволожскій написали водевиль: «Актеры между собою», въ которомъ вывели актеровъ Троепольскихъ, Попова и Шумскаго; затѣмъ — кн. А. А. Шаховской написалъ комедію «Ө. Г. Волковъ» (1827 г.); въ 1841 г. былъ разыгранъ водевиль Д. Т. Ленскаго: «Мочаловъ въ провинціи»; въ 1847 г. была дана на сценѣ комедія «Ал. Сем. Яковлевъ», а въ 1807 г. была поставлена въ Петербургѣ переведенная Д. И. Языковымъ комедія «Влюбленный Шекспиръ».

сцены въ піесу уже поздно и предлагаетъ ее съимпровизировать. Каратыгинъ одобряетъ мысль, Читау приглашаетъ для импровизаціи Самойлова, Максимова, Орлову и Сосницкую, и они вмѣстѣ разыгрываютъ сцену, дополнительную къ «Морскому празднику»: проводы моряка Ипполита на войну и прощаніе съ нимъ его невѣсты и ея отца, обещающаго выдать за него дочь только въ томъ случаѣ, если онъ вернется «съ Георгіемъ или весь израненый». Послѣ этой сцены, разыгранной экспромптомъ, артисты продолжаютъ между собой бесѣдовать по поводу совершающихся военныхъ событій, наполняющихъ ихъ патріотическимъ воодушевленіемъ и восторгомъ при чтеніи новыхъ стиховъ, посвященныхъ прославленію военныхъ подвиговъ русскихъ въ Крыму и при пѣніи солдатскихъ и матросскихъ пѣсенъ. Въ это время вбѣгаетъ Г. Н. Жулевъ и сообщаетъ извѣстіе о новой побѣдѣ подполковника Огарева надъ кокандцами у форта «Перовскій»; всѣ кричатъ «ура!» и бѣгутъ смотрѣть на то, какъ несутъ взятыя у непріятели турецкія знамена. Второе дѣйствіе все занято кантатою «Молитва русскаго народа». Однако, піеса эта, которая могла бы понравиться публикѣ, находившейся тогда въ восторженномъ настроеніи по случаю нашихъ побѣдъ, краснорѣчиво описывавшихся на страницахъ *Съверной Пчелы*, не была поставлена на сценѣ: «дозволеніе цензуры на представленіе піесы», говоритъ Великопольскій, «вышло передъ самою масляницею, а потому, по отзыву Дирекціи, не было уже времени изучить и поставить ее не только вполнѣ, но даже и въ отрывкѣ послѣднихъ сценъ, какъ имѣлось въ виду»¹⁾.

Литературную дѣятельность свою Великопольскій думалъ заключить изданіемъ въ 1859 году сборника своихъ сочиненій, вышедшаго подъ вычурнымъ заглавіемъ: «Раскрытый портфель»: выдержки изъ «спитыхъ тетрадей» автора, не желающаго объявлять своего имени. Первый отдѣльный выпускъ. Изданіе «Любителя»²⁾. С.-Пб. 1859 г.

1) Стр. 6. Піеса эта, по выходѣ ея въ свѣтъ, была придирчиво раскритикована въ *Съверной Пчелѣ* (1854 г., №№ 73 и 79) Булгаринымъ, которому Великопольскій отвѣтилъ пространною антикритикою, помѣщенной въ *С.-Петербургскія Вѣдомостяги* (1854 г., № 117).

2) Этотъ «Любитель», издавшій въ 1858 году драматическую пародію К. С. Аксакова «Олеги подъ Константинополемъ» (см. выше), былъ С.-Петербургскій 3-й гильдіи купецъ Яковъ Васильевичъ Писаревъ, имѣвшій свою типографію и книжный магазинъ (въ 1861 году перешедшій къ Лермантову и К^о, владѣльцу из-

Долго останавливаться на немъ намъ не приходится, такъ какъ о нѣкоторыхъ помѣщенныхъ тамъ піесахъ мы говорили уже выше. Скажемъ только, что въ него вошли, кромѣ 20 стихотвореній Великопольскаго, статья его «О творчествѣ въ искусствѣ» (изъ предисловія къ трилогіи «Часы съ флейтой»¹); «Нимфодора», простонародная русская повѣсть въ стихахъ (1825 г.); «Чудо Перуна», лирическое представленіе въ двухъ частяхъ. Часть 1-я: «Заряна»²); «Отрывки изъ драматической фантазіи-эраляжъ: «Приключеніе знаменитаго артиста, или Недоконченный бенефисъ одного изъ первыхъ любимцевъ публики». Предварительныя понятія о піесѣ, Примѣчаніе объ Ихтіосаврѣ и Бованіи, Отрывокъ первый (Родослопъ и Красавица) и Отрывокъ второй (Цвѣты и деньги, Идиллія)».

Издавая «Раскрытый портфѣль», Великопольскій хотѣлъ, такъ сказать, подвести итогъ своей «40-лѣтней литературной дѣятельности, естественно переходившей отъ юности къ лѣтамъ возмужалымъ, отъ незрѣлости и соединенной съ ней неопредѣленности, — къ опыту и сознанію. Цѣль эта», говорилось далѣе въ предисловіи издателя: «очень понятна въ сочинителѣ, какъ человѣкѣ, уже пережившемъ 60 лѣтъ, въ особенности при обстоятельствахъ, въ которыя поставили его исключительные случаи жизни, отчуждивъ въ послѣднее время отъ всего, что составляетъ наслажденіе въ искусствѣ и фантазіи и, слѣдовательно, оставивъ для него въ литературѣ одно прошедшее. Это душевное состояніе такъ ярко выражено въ стихотвореніяхъ «Мечта о поминкахъ» и «Я умеръ», а также въ христіанскомъ чувствѣ преложенія молитвы: «Господи и Владыко живота моего», обличающей минуты умиленнаго обращенія души къ Подателю силъ въ борьбѣ съ судьбою, начавшейся для автора еще съ первыхъ лѣтъ молодости, что онѣ помѣщаются въ этомъ первомъ выпускѣ «Раскрытаго портфѣля» съ особенною цѣлію: съ перваго же раза ознакомить съ нѣкоторыми данными

вѣстной бібліотеки для чтенія). Это видно изъ подлиннаго, находящагося у насъ, условія съ нимъ И. Е. Великопольскаго касательно изданія «Раскрытаго портфѣля». Писаревъ издавалъ газету *Русскій Миръ*, редактировавшуюся В. Я. Стоунинимъ.

1) Піеса написана была въ 1828 г.

2) Издатель въ предисловіи помѣстилъ отъ себя «Пояснительную статью о славянскомъ баснословіи, къ напечатанной въ этой книгѣ первой части литературнаго представленія «Чудо Перуна».

касательно сочинителя. . .»¹⁾ Тамъ же говорилось, что въ томъ случаѣ, если «первый выпускъ «Раскрытаго портфѣля» будетъ принять публикою одобрительно, то можетъ еще выйти четыре и болѣе. . .» Но приемъ книги оказался болѣе, чѣмъ неблагопріятенъ: оба извѣстные намъ разбора: въ *Русскомъ Словѣ*²⁾ и *Современникѣ*³⁾ представляютъ изъ себя сплошную насмѣшку надъ произведеніями нашего автора, имя котораго, кажется, дѣйствительно осталось неизвѣстно критикамъ. Болѣе всего насмѣшекъ вызвали «Отрывки изъ драматической фантазіи-ералажъ: «Приключенія знаменитаго артиста, или Незаконченный бенефисъ одного изъ первыхъ любимцевъ русской публики»⁴⁾; по опредѣленію Великопольскаго, это ничто иное, какъ «своенравіе творчества, литературная забава», «сонъ и явь, смѣсь обыденной жизни, волшебства, мелодрамы, водевиля, оперы, фарса, идилліи, комедіи, концерта, балета, пляски, декламации, стиховъ и прозы, съ таинственнымъ окончаніемъ пьесы — возрожденіемъ ихтиосавра». Суть фантазіи въ томъ, что актеръ Дмитріевъ (въ рукописи А. Е. Мартыновъ), который долженъ играть въ свой бенефисъ, засыпаетъ, выпивъ слишкомъ много шампанскаго, и видитъ во снѣ всякія небылицы, попадаетъ въ волшебныя страны и т. д. Критикъ *Современника* выставилъ всю пьесу въ шутовскомъ видѣ, котораго, строго говоря, она быть можетъ и не заслуживаетъ: это просто фантазія, вполне допустимая, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остроумная и съ очень недурными стихами. Романтическая повѣсть «Нимфодора», написанная въ 1825 г., рассказываетъ печальную судьбу двухъ любовниковъ, передъ самымъ вѣнцомъ разлученныхъ злодѣемъ, отвергнутымъ прежде Нимфодорою, которая, убивъ его, сходитъ съ ума, а женихъ ея идетъ въ монахи. Не всегда удачные стихи мѣшаютъ общему хорошему впечатлѣнію отъ повѣсти. Дидактическая трилогія «Часы съ флейтой», написанная въ 1828 г., представлена въ сборникѣ лишь первымъ дѣйствіемъ; она по своимъ качествамъ стоитъ гораздо выше всѣхъ дру-

1) Стр. II—III. «Раскрытый портфѣль» былъ, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ книгъ, назначенъ, какъ премія, для подписчиковъ *Русскаго Мира*, издававшагося Я. В. Писаревымъ (см. *Русскій Миръ* 1860 г., № 33, стр. 132).

2) 1859 г., т. V, библиографія, стр. 68—74.

3) 1859 г., т. LXXV, стр. 120—126.

4) «Раскрытый портфѣль», стр. 157—217. Въ рукописи пьеса названа «Мартыновъ и Жулева. Драматическая фантазія-ералажъ».

гихъ пьесъ Великопольскаго и по мысли, и по изложенію, и по подробностямъ. Однако, какъ видно по помѣткѣ на рукописи, представленной въ Театрально-Литературный Комитетъ въ 1865 г., пьеса не была имъ одобрена къ представленію, такъ какъ не могла понравиться публикѣ: въ ней нѣтъ завязки, а это просто печальная повѣсть о тлѣнности земного счастья и его кратковременности, повѣсть, вставленная въ излюбленныя Великопольскимъ рамки драматическаго произведенія. Приведемъ отзывъ о ней изъ Журнала Театрально-Литературнаго Комитета отъ 11-го декабря 1865 г. за № 39: «Вся пьеса состоитъ изъ размышлений и разсужденій дѣйствующихъ лицъ о томъ, что все живущее умираетъ. Они постоянно горюють объ умершихъ. Въ I актѣ старикъ и старуха съ грустью вспоминають о липахъ, имъ близкихъ, похищенныхъ смертію. Во II актѣ¹⁾—старикъ и старуха уже умерли, а ихъ дочь и зять горюють о ихъ смерти, а вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ зять опасается, чтобъ не умерла его жена, которая уже страдаетъ какою-то болѣзнію. Въ III актѣ²⁾ жена уже умерла, а мужъ — въ отчаяніи, чуть не въ помѣшательствѣ по поводу ея смерти и самъ уже совсѣмъ готовъ умереть. Впродолженіе всѣхъ трехъ актовъ бьютъ стѣнные часы съ флейтой³⁾, и сидящая возлѣ нихъ дурочка, послѣ cadaго боя часовъ, приговариваетъ: «А часы идутъ». Посредствомъ участія этихъ часовъ авторъ хотѣлъ выразить мысль о безопадной настойчивости времени, въ полетѣ своемъ сокрушающаго все живущее. Пьеса не имѣетъ драматическаго, ни даже сценическаго интереса. По этимъ основаніямъ пьеса не можетъ быть одобрена къ представленію».

Одновременно съ этой пьесой, Иваномъ Ермолаевичемъ была представлена въ Театральный Комитетъ и другая: «Мечта и дѣйствительность, фантастическая драма въ 5 дѣйствіяхъ, основанная на германскомъ повѣрѣѣ» (С.-Пб. 1865 г.). Не имѣвъ возможности ознакомиться съ нею⁴⁾, мы должны ограничиться приведеніемъ выписки изъ того же Журнала Театрально-Литературнаго Комитета: «Содержаніе этой пьесы

1) Между I и II актомъ проходитъ десять лѣтъ.

2) Проходитъ еще два года.

3) Они выставлены Великопольскимъ какъ memento mori.

4) Единственный экземпляръ ея въ Императорской Публичной Библиотекѣ вмѣсто 88 имѣетъ только 16 страницъ и то изъ середины.

основано на нѣмецкомъ преданіи, мало извѣстномъ въ самой Германіи и совершенно не интересномъ для русской публики. Самая завязка неестественна, потому что человѣкъ, живущій два мѣсяца въ одномъ семействѣ въ качествѣ распорядителя дѣлами и домашняго друга, не могъ не знать, что меньшая дочь хозяйки дома два года назадъ умерла. Неестественно и то, чтобы онъ, любя два мѣсяца дѣвушку, которую видитъ очень часто, не сказалъ ей ни одного слова, не слышалъ даже ея голоса. По этимъ причинамъ драма не можетъ ожидать никакого успѣха на сценѣ, а потому и не одобряется къ представленію»...

Таково было заключеніе критики о послѣднемъ произведеніи нашего автора, который не терялъ вѣры въ свое призваніе драматурга и не складывалъ оружія, несмотря на столько неудачъ, на свой преклонный возрастъ (въ это время ему было уже 68 лѣтъ) и на цѣлую цѣпь годовъ, исполненныхъ для него тяжелой борьбы съ несчастіями.

Мы уже упоминали выше, что въ 1842 г. Великопольскій началъ большое дѣло по вопросу о новомъ—простомъ, но необыкновенно доходномъ—ручномъ (мяльно-толчейномъ) способѣ обработки и подготовленія къ пряжѣ волоконъ прядильныхъ растений—льна и преимущественно пеньки; принадлежавшій ему секретъ этого новаго способа обѣщалъ ему большія выгоды, которыя онъ рассчитывалъ получить, добившись въ правительственныхъ сферахъ признанія его выгоды и полезности¹⁾. Изобрѣтателемъ этого способа былъ Московскій мѣщанинъ

1) При изложеніи всего этого дѣла мы пользуемся: 1) архивомъ официальныхъ бумагъ и записокъ по предпріятію Великопольскаго, сообщеннымъ намъ Н. И. Чаплиной и 2) многочисленнымъ рядомъ статей, объявленій, брошюръ и т. п., касающихся этого предпріятія; изъ нихъ назовемъ нѣкоторыя: «О предпріятіи учредившагося въ Санктпетербургѣ Товарищества для распространенія въ Россіи простой и выгодной обдѣлки прядильныхъ растений. Статья изъ *Трудовъ Императорскаго Волянаго Экономическаго Общества*, № 4, 1845». С.-Пб. 1845, 36 стр. [Рец.: *Отечественныя Записки* 1845, т. XLII, отд. VI, стр. 16—18]; «Письмо учредителя товарищества для распространенія въ Россіи простой и выгодной обдѣлки прядильныхъ растений къ редактору *Отечественныхъ Записокъ* (*Отечественныя Записки* 1845 г., т. XLII, отд. VIII, стр. 109—116: отвѣтъ Великопольскаго на предыдущій разборъ) и «Отвѣтъ учредителя товарищества..... на примѣчанія, помѣщенные къ его письму, напечатанному въ 9-й книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ*» (*Отеч. Зап.*, т. XLIII, отд. VI, стр. 41—46); *Коммерческая Газета* 1845 г., №№ 110 и 111; *Московскія Вѣдомости* 1845 г., №№ 111, 115—118, 1846 г., №№ 12 и 13 (отзывы о его способѣ сравнительно со способомъ мѣщанина Николая Игнатьева); «Разсмотрѣніе статьи проф. Усова о мяльно-плющиль-

Петръ Ивановичъ Игнатъевъ (ум. 13-го августа 1846 г.). Послѣдній

помъ способъ обработки льна и пеньки Лихачева и Канаева», статья Великопольскаго въ *Трудахъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества* 1847 г., ч. II, отд. 2, стр. 151—185. и его же статья «О химической вымочкѣ пеньки и льна по способу г. Биссона и Праделя»—тамъ-же 1846 г., ч. II, отд. 2, стр. 194—208; *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1848 г., № 9 и 1849 г., № 49 (объявл.); «Отзывы о принадлежащемъ... Великопольскому способъ простой и выгодной обдѣлки волокна прядильныхъ растений, изданные по порученію Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества». С.-Пб. 1849 (63 стр. съ табл.); «Обзоръ хода предпріятія.... Великопольскаго и выводъ прибыли, по расчету на каждую мужескую ревижскую душу, доставляемой принадлежащимъ ему способомъ обдѣлки волокна прядильныхъ растений; представленіе Коммисіи, бывшей для того въ 1855 году отъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, составленное по официальнымъ документамъ». С.-Пб. 1856 г. (55 стр.); *Сенатскія Объявленія* 1859 г., № 44; «Объясненіе.... Великопольскаго по случаю происшедшей съ 1848 г. остановки по его предпріятію и объявленной его несостоятельности (сентябрь 1859 г.)» — отд. листъ. С.-Пб. 1859 и *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1859 г., № 217; *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1860 г., № 80 и 1861 г., №№ 5 и 121; *Московскія Вѣдомости* 1861 г., № 20; Мѣсяцесловъ на 1862 г.: «О Высочайше утвержденномъ предпріятіи... Великопольскаго...» и отд. оттиски. С.-Пб. 1861, 8 стр.; «О Высочайше утвержденномъ предпріятіи Великопольскаго, соединенномъ, по Высочайшему соизволенію, съ лотерейнымъ розыгрышемъ премій. Отзывъ учредителя съ краткимъ повтореніемъ правилъ и расчетовъ, къ особому свѣдѣнію публики». С.-Пб. 1862, f°; «О лотереи г. Великопольскаго». С.-Пб. 1862, 24 стр.; «Правила и наставленія для агентовъ и коммиссіонеровъ Высочайше утвержденного предпріятія Великопольскаго, соединеннаго, по Высочайшему соизволенію, съ лотерейнымъ розыгрышемъ премій, для продажи лотерейныхъ свѣдѣтельствъ и разсрочныхъ квитанцій, если не заключено особаго договора. Составлено учредителемъ Великопольскимъ, согласно съ объявленными съ дозволенія правительства основаніями». С.-Пб. 1862; *Московскія Вѣдомости* 1862 г., №№ 59, 157 и 230; *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1862 г., №№ 42, 69, 103, 150, 154, 222 и 228; *Современное Слово* 1862 г., № 94; *День* 1862 г., № 38; *Иллюстрированный Листокъ* 1862 г., №№ 36, 40, 44, 45, 47 и 1863 г., №№ 51 и 57 (№№ 1862 года изданы отд. отт. подъ загл. «Дѣло Великопольскаго». С.-Пб. 1862, съ двумя прибавленіями изъ №№ 1863 года); *Иллюстрированная Газета* 1863 г., №№ 4 и 5; *Виржевыя Вѣдомости* 1863 г., № 149 (фельетонъ); *Вѣдомости С.-Пб. Городской Полиціи* 1863 г., №№ 155 и 156; *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1863 г., № 94 (Договоръ, заключенный Великопольскимъ съ Совѣтомъ церкви Св. Петра въ Петергофѣ); *Голосъ* 1864 г., №№ 46 (письмо Великопольскаго), 85 и 86 (отвѣтъ его); «Окончательное оправданіе Великопольскаго». С.-Пб. 1863, 30 стр.; «Объявленіе отъ посреднической Коммисіи надъ имѣніемъ... Великопольскаго» (отт. въ 4 стр. изъ *Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* 1866 г., № 24); «Объявленіе отъ Великопольскаго объ окончаніи дѣла о его предпріятіи» (отт. изъ *Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* 1867 г., № 68); *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1867 г., № 106 (о его дѣлѣ); *Народный Голосъ* 1867 г., № 85; *Москва* (И. С. Аксакова) 1867 г., №№ 103 и 150; *Русскій* (Погодина) 1867 г., № 14; *Московскія Вѣдомости* 1867 г., № 96; *Петербургскій Листокъ* 1867 г., № 15; *Голосъ* 1867 г., №№ 131 и 159; «Двѣ печатныя записки по дѣлу его, скупавшемуся въ Сенатѣ въ 1864 и 1867 гг.»; «Извѣщеніе отъ Великопольскаго о положеніи его дѣла по Высочайше утвержденному сельско-хозяйственному его предпріятію», f°, С.-Пб. 1867 (дозв. ценз. 30-го октября 1867 г.) и др.

въ 1841 г. показывалъ свой способъ въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, получилъ одобреніе отъ директора М. А. Байкова, а въ 1842 г. — произвелъ опыты обработки передъ Коммиссіею, назначенной отъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ подъ предсѣдательствомъ члена его А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, — и также получилъ одобреніе. Въ 1843 г. съ Игнатьевымъ встрѣтился Иванъ Ермолаевичъ, который и купилъ у него секретъ открытія за 1000 рублей; начавъ работать надъ его улучшеніемъ, онъ вскорѣ значительно усовершенствовалъ способъ обработки благодаря разнымъ новымъ приспособленіямъ въ устройствѣ орудія и въ 1845 году подалъ о немъ записку въ Вольно-Экономическое Общество, которое поручило разсмотрѣніе его Предсѣдателю Ученаго Отдѣленія Общества, тогда инспектору Технологическаго Института Ал. Петр. Максимовичу. Какъ Максимовичъ, такъ и Директоръ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища Байковъ, изслѣдовавшій способъ по порученію Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Товарища Министра удѣловъ, дали объ изобрѣтеніи Великопольскаго самые лестные отзывы, найдя способъ его крайне простымъ, легкимъ, чрезвычайно выгоднымъ какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ и заслуживающимъ всякаго поощренія и возможно широкаго распространенія; къ такому же заключенію пришли: въ 1846 году — образованная по распоряженію графа П. Д. Киселева особая секретная коммиссія изъ одного члена Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ (барона Герм. Карл. Дальвица) и Вольнаго Экономическаго Общества (А. П. Максимовича и самого вице-президента этого Общества д. т. совѣтника князя Вас. Вас. Долгорукова), а въ 1848 г. — высочайше утвержденная Коммиссія изъ представителей Министерствъ: Военнаго, Государственныхъ Имуществъ, Удѣловъ и Финансовъ¹⁾. Въ виду всего этого Совѣтъ Вольно-Экономическаго Общества²⁾ отнесся циркулярнымъ извѣ-

1) Всѣ эти мнѣнія были Великопольскимъ собраны и изданы въ особой брошюрѣ: «Отзывы о принадлежащемъ отставному маіору Ивану Ермолаевичу Великопольскому способъ простой и выгодной обдѣлки волокна прядильныхъ растений, изданные по порученію Имп. Вольнаго Экономическаго Общества». С.-Пб. 1849, 63 стр. + 1 таблица.

2) Въ 1845 г. Великопольскій былъ избранъ въ члены его (А. И. Ходневъ. Исторія Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества, С.-Пб. 1865, стр. 184 и *Труды* этого Общества за 1846 г., ч. I, отд. 1, стр. 26), равно какъ и въ члены Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства (С. А. Маслово. Историческое Обзорѣніе Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. М. 1846, стр. 259).

щеніемъ ко всѣмъ лицамъ, могшимъ имѣть, «по разнымъ отношеніямъ, вліяніе на введеніе во всей Россіи новаго способа Великопольскаго,— съ цѣлью обратить на предпріятіе ближайшее ихъ вниманіе и пріобрѣсти распространенію способа попечительное ихъ содѣйствіе». Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, съ своей стороны, дозволило Великопольскому открыть на льготныхъ условіяхъ въ Петербургѣ особую контору, а другія министерства обѣщали оказать предпріятію всевозможное содѣйствіе. Одно время даже былъ поднятъ вопросъ о пріобрѣтеніи секрета этого полезнаго способа въ государственную собственность для наивозможно широкаго его распространенія, но затѣмъ, высочайшимъ повелѣніемъ 15-го ноября 1848 г., рѣшено было: выдать Великопольскому безвозвратную ссуду (15000 р. сер.) и административныя льготы для успѣшнаго веденія предпріятія и назначить въ Александровской Мануфактурѣ опыты въ присутствіи депутатовъ отъ заинтересованныхъ министерствъ; испытаніе это, состоявшееся лишь въ 1850 году, дало самыя лучшіе результаты. Между тѣмъ какъ денежныя дѣла Великопольскаго, отъ долгой волокиты дѣла и сопряженныхъ съ нею издержекъ, приходили постепенно въ упадокъ, а онъ все не могъ получить отъ казны обѣщанныхъ на веденіе дѣла 15000 р., въ 1852 году, въ виду новыхъ усовершенствованій, введенныхъ имъ въ машину, при Экономическомъ Обществѣ, по высочайшему повелѣнію отъ 8-го января, была образована для производства дополнительныхъ опытовъ новая комиссія изъ представителей трехъ министерствъ, подъ предсѣдательствомъ вице-президента Общества князя В. В. Долгорукова; послѣднему предоставлено было главное руководство дѣлами предпріятія Великопольскаго, который, однако, не могъ получить отъ министерскихъ канцелярій ничего, кромѣ одобрительныхъ отзывовъ и обѣщаній содѣйствія ему. Князь Долгоруковъ, не видя способовъ поправить запутавшееся по департаментамъ дѣло и облегчить денежное положеніе Великопольскаго, которому уже грозила продажа съ молотка имѣній его и жены, внесъ ходатайство о немъ (уже въ 1854 году) въ Комитетъ Министровъ; здѣсь дѣло, не смотря на всю желѣзную энергію и настойчивость Ивана Ермолаевича, тянулось опять два года и окончилось рѣшеніемъ: назначить новую (уже 9-ю!) комиссію для разсмотрѣнія способа и, въ случаѣ признанія его полезнымъ (что уже было признано 8 разъ), предоставить ему право взять привиллегію (это онъ

могъ сдѣлать уже съ 1843 г.) въ установленномъ порядкѣ или уступить его правительству за известную сумму. Истерзанный нравственно и уже доведенный почти до нищеты, Иванъ Ермолаевичъ добивался разсмотрѣнія своего дѣла въ Сенатѣ, о чемъ и просилъ въ 1857 году. Въ 1858 г. дѣло его, по высочайшему повелѣнію, было снова пересмотрѣно, въ слѣдующемъ году Великопольскій взялъ привилегію на 10 лѣтъ, а затѣмъ представилъ въ Сенатъ составленный имъ планъ распространенія его изобрѣтенія; по этому плану онъ предполагалъ, продавая, до истеченія срока своей привилегіи, свидѣтельства на право употребленія своего способа, войти въ соглашеніе съ однимъ или нѣсколькими благотворительными учрежденіями о розыгрышѣ, въ дозволенныхъ имъ лотереяхъ, премій въ деньгахъ и вещахъ. Не получивъ со стороны Сената возраженій на свой планъ, онъ въ декабрѣ 1860 года заключилъ договоръ съ Церковнымъ Совѣтомъ лютеранской церкви св. Петра въ Петергофѣ на два розыгрыша. Добившись этого, Великопольскій воспрянулъ духомъ и повелъ дѣло съ присущею ему энергіею, не ослабѣвшею несмотря на 20 лѣтъ борьбы и неудачъ. Съ 1861 года снова открылась его контора, появились агенты во всѣхъ городахъ Россіи и началась продажа свидѣтельствъ на право узнать секретъ способа на льготныхъ и заманчивыхъ условіяхъ: изъ двухъ такихъ свидѣтельствъ (съ четнымъ и нечетнымъ №) имѣвшій ихъ выигрывалъ непременно на одно въ денежной преміи не менѣе цѣны свидѣтельства и въ вещевыхъ преміяхъ — на счастье; кромѣ того, были еще и условные выигрыши; все дѣло было построено на строгомъ математическомъ расчетѣ (Великопольскій довольствовался ничтожнымъ % прибыли) и велось безукоризненно честно: онъ добился даже назначенія особой оффиціальной комиссіи отъ четырехъ вѣдомствъ для ревизованія его конторы каждыя три мѣсяца съ опубликованіемъ журналовъ ея во всеобщее свѣдѣніе и, кромѣ того, представилъ Губернскому Правленію право ревизовать ее во всякое время¹⁾.

1) Членами Правленія дѣлами предпріятія Великопольскаго были: ген.-маіоръ Николай Алексѣевичъ Аммосовъ (известный изобрѣтатель Аммосовскихъ печей, ум. въ 1868 г.), инженеръ-подполковникъ Мих. Андр. Агамоновъ (ум. въ 1867 г.) и колл. сов. Влад. Раф. Зотовъ (литераторъ); см. *Русскую Старину* 1901 г., № 6, стр. 627—628 и № 7, стр. 172.

Будучи такъ обставлено, дѣло пошло успѣшно¹⁾, и къ серединѣ 1862 г. было продано паевъ уже на сумму около 120.000 рублей, хранившихся въ Государственномъ Банкѣ. Казалось, все шло благополучно, какъ вдругъ, по неизвѣстнымъ намъ побужденіямъ, въ дѣло вмѣшался «Главнначальствующій надъ III Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи», который погубилъ окончательно дѣло и разорилъ самого Великопольскаго. Онъ напелъ, что лотерея въ томъ широкомъ развитіи, которое она получила, вышла изъ границъ, предоставленныхъ ей высочайшимъ повелѣніемъ, такъ какъ-де Великопольскій устроилъ какую-то свою лотерею, независимо отъ церкви св. Петра. Ивана Ермолаевича обвиняли, кромѣ того, въ будто бы неблаговидныхъ уловкахъ для завлеченія довѣрчивой публики, въ неясности его предложеній и т. под. Пошла опять безконечная переписка между III Отдѣленіемъ, Управой Благочинія, Петербургскимъ Военнымъ Генераль-Губернаторомъ, Министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ и т. д. Наконецъ, дѣло снова дошло до Комитета Министровъ, по представленію котораго 6-го іюля 1862 года состоялось высочайшее повелѣніе, коимъ приказано было прекратить дальнѣйшую раздачу билетовъ и обязать Великопольскаго разыграть уже розданные при лотереѣ церкви св. Петра²⁾. Иванъ Ермолаевичъ, съ присущей ему энергіею, настойчивостью и вѣрою въ правоту дѣла, ходилъ и просилъ всюду, гдѣ только видѣлъ хоть малѣйшую надежду на то, что его выслушаютъ, примутъ въ соображеніе его оправданія и признаютъ правъ. Не добившись ничего, окончательно разорившись³⁾ и потерявъ надежду на поправленіе самага дѣла, но желая, по крайней мѣрѣ, возстановить свое честное, невинно поруганное имя, Великопольскій 13-го мая 1863 г. подалъ прошеніе въ Сенатъ, жалуясь на С.-Петербургскаго Военнаго Генераль-Губернатора за запрещеніе ему продолжать лотерею, разрѣшенную ему по высочайшему повелѣнію, и на Министра Внутреннихъ Дѣлъ за то, что онъ не исполнилъ совершенно законнаго его требованія о разрѣшеніи произвести при

1) Хотя были голоса и противъ лотереи: сравни, напримѣръ, брошюру І. Григоревича: «Играть въ лотерею или нѣтъ? или вѣрнѣйшій способъ приобрести себѣ выигрышъ». М. 1862 г.

2) Это и было исполнено.

3) Припомнимъ, что въ это время онъ лишился и своихъ «душъ».

церкви Петра второй розыгрышъ (по контракту). По возникшему между сенаторами и Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ разнорѣчію, дѣло Великопольскаго дошло до Общаго Собранія Сената. Только 2-го апрѣля 1865 г. оно окончилось Высочайшимъ утвержденіемъ рѣшенія Сената, признавшаго за Великопольскимъ право продолжить его дѣло. Вслѣдствіе этого онъ 18-го октября подалъ въ Сенатъ, на разсмотрѣніе, новый планъ второй лотереи; только 19-го мая 1867 г. послѣднее прошеніе его было разсмотрѣно въ Общемъ Собраніи, и за нимъ было окончательно признано право продолжать свою лотерею (то-есть, произвести, по договору, второй розыгрышъ) и требовать назначенія формальнаго изслѣдованія по взведенному на него обвиненію въ учрежденіи собственной лотереи. Теперь право было признано, но... не было уже никакихъ средствъ для продолженія дѣла. Чукавино, въ которомъ онъ проживалъ теперь, уже и раньше много разъ чуть не проданное съ молотка, но спасенное разными невѣроятными ухищреніями, было снова назначено въ продажу. Вотъ что, между прочимъ, писалъ онъ про себя въ циркулярномъ воззваніи къ публикѣ (помѣченномъ «С.-Петербургъ, 29-го ноября 1867 г.»¹⁾):

«Въ настоящее время, уже при 70-ти годахъ жизни Великопольскаго, за рѣшеніемъ Общаго Собранія первыхъ трехъ Департаментовъ и Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената по предмету продажи лотерейныхъ свидѣтельствъ, предстоитъ ему возобновить свои дѣйствія для распространенія его, Великопольскаго, изобрѣтенія, на основаніи правъ, уже признанныхъ за нимъ тѣмъ Общимъ Собраніемъ. — Но покуда онъ получитъ возможность къ тому, бѣдствія его и семейства достигнутъ крайнихъ предѣловъ.

«Въ теченіе 24-хъ лѣтъ дѣла его и жены его достигли такого положенія, что все имѣніе жены уже назначено къ продажѣ по казеннымъ и частнымъ взысканіямъ, а многіе изъ кредиторовъ Великопольскаго, уже потерявъ терпѣніе въ ожиданіи возобновленія предпріятія и оставивъ, наконецъ, всю прежнюю свою снисходительность, домогаются немедленной продажи всего и его имущества. Впереди — позоръ и самыя крайнія лишенія, а при душевномъ состояніи жены, долженствующей быть изгнанной изъ единственнаго своего убѣжища, грозятъ

1) Цензурою дозволено 20-го ноября 1867 г. Оно было напечатано въ долгъ.

еще и болѣе ужасныя послѣдствія. Между тѣмъ, изсякли всѣ средства даже къ жизни, тогда какъ и самое возобновленіе предпріятія требуетъ еще времени и большихъ предварительныхъ издержекъ.

«О содержаніи упомянутаго рѣшенія Сената и о мѣрахъ, принимаемыхъ Великопольскимъ по его руководству, изложено имъ къ общему свѣдѣнію въ статьѣ, напечатанной въ № 150 газеты *Москва* и № 151 *Петербургскаго Листка*, а въ № 68 *Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, чрезъ которыя всегда поставлялись въ извѣстность о ходѣ этого дѣла кредиторы, помѣщено формальное о томъ объявленіе.

«Безвыходность положенія, при истощеніи всякаго кредита, вынуждаетъ Великопольскаго къ шагу, который уже самъ собою доказываетъ крайность и высшую степень отчаянія.

«Посредствомъ этого циркулярнаго обращенія, онъ рѣшается прибѣгнуть къ содѣйствію г.г. Предводителей Дворянства и Городскихъ Головъ, а чрезъ нихъ и другихъ лицъ, которымъ дорога отечественная польза, доказательно, по 8-ми изслѣдованіямъ способа, ожидаемая отъ успѣха его предпріятія, и сочувствію которыхъ не чужды подобныя бѣдствія человѣка, употребившаго все лучшее время своей жизни и убившаго все свое состояніе на такое важное промышленное дѣло.

«Не скрывая, что настоящее обращеніе заключается въ просьбѣ о денежной поддержкѣ, Великопольскій, для приданія ей, сколько возможно, благовидности и для отстраненія отъ нея характера унижающаго, присоединяетъ объявленія изъ №№ 103 и 141 газеты *Москва*, о заблаговременной подпискѣ на двѣ его, уже готовыя къ изданію, брошюры: «Чудо Перуна» и «27 басенъ и сказокъ»¹⁾, съ назначеніемъ, уже болѣе по обстоятельствамъ, цѣны каждой изъ нихъ по 1 руб. 50 коп., съ пересылкою внутри Россіи, прося о наибольшей, и при томъ самой послѣдней, подпискѣ на нихъ».

Мы не знаемъ, откликнулась-ли публика на его призывъ, въ которомъ было столько искренности, простоты и непоколебимой вѣры въ свое дѣло и правоту его. Впрочемъ, если и нашлись сочувствующіе Ивану Ермолаевичу люди, ему скоро сдѣлалась уже ненужна ихъ помощь. Уѣхавъ 15-го декабря 1867 г. въ Чукавино, чтобы отдохнуть

1) Сверхъ этихъ 27 басенъ и сказокъ, за недозволеніемъ цензурою трехъ изъ 30-ти, предварительно объявленныхъ въ текстѣ № 103 газеты *Москва*, двѣ уже дозволены, а третья будетъ добавлена новая.

въ семьѣ¹⁾ послѣ петербургскихъ тревоженій и провести въ деревенской тишинѣ праздники и день своего рожденія, онъ занялся приведениемъ въ порядокъ своихъ бумагъ и счетовъ по предпріятію и собирая матеріалы для подачи жалобы въ Окружной Судъ, какъ судъ новый, «скорый, правый и милостивый»; въ этомъ, только-что вводимшемся тогда институтѣ онъ надѣялся найти, наконецъ, свое оправданіе. Но и этой мечтѣ его не удалось сбыться: утромъ 6-го февраля 1868 г. Иванъ Ермолаевичъ, совершенно здоровый наканунѣ, былъ найденъ мертвымъ въ постели. 9-го числа онъ былъ погребенъ при церкви села Чукавина, гдѣ, много лѣтъ спустя (7-го апрѣля 1897 г.), съ нимъ рядомъ легла и жена его — Софья Матвѣевна...²⁾

Душевное состояніе и матеріальное положеніе Ивана Ермолаевича, о коемъ уже съ достаточною, кажется, ясностью можно судить по прочтеніи вышеприведенной грустной повѣсти о его неудачахъ, еще ярче обрисовывается изъ его собственнаго письма къ Погодину, писаннаго еще въ мартѣ 1852 года. «Я все еще предъ Вами виноватъ», писалъ онъ: «но Вы теперь, изъ самыхъ тѣсныхъ обстоятельствъ, вдругъ сдѣлались милліонщикомъ и генераломъ³⁾, все-таки оставшись добрымъ человѣкомъ, — и не требуете съ меня. Спасибо Вамъ! Но этого мало. Я, зная Ваше сердце, увѣренъ, что при такомъ внезапномъ, Богомъ и царемъ устроенномъ оборотѣ Вашихъ дѣлъ, Вы не забудете ближняго, измучившагося въ неимовѣрныхъ страданіяхъ, и подадите мнѣ руку помощи. Дѣло мое идетъ хорошо, честію увѣряю Васъ въ томъ; могу даже показать доказательства, хотя положительный результатъ также еще зависить отъ Бога и царя. Оно въ такомъ положеніи, что въ нынѣшнемъ году я надѣюсь быть совершенно обезпеченъ во всѣхъ моихъ обстоятельствахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить всѣхъ моихъ кредиторовъ, съ которыми черезъ годъ или два, можетъ быть, окончательно расплатиться, не безъ остатка и для себя. Но теперь мое положеніе

1) Жена его — Софья Матвѣевна, въ это время уже страдала душевнымъ недугомъ, въ которомъ и кончила жизнь; съ ней жила дочь ея — Надежда Ивановна, здравствующая и понинѣ, тогда уже вдова подполковника Николая Андреевича Чаплина (ум. въ 1866 г.).

2) *Новое Время* 25-го апрѣля 1897 г.

3) Погодинъ тогда только что продалъ свое извѣстное «древлехранилище».

самое ужасное. Я въ Москвѣ съ больною женой. Живу уже мѣсяцъ. Сегодня послѣднія деньги отдаю бабушкѣ. Нечѣмъ ни жить, ни платить доктору, а на дняхъ должна быть консультація. Обратиться совершенно не къ кому; у всѣхъ много меду истекаетъ изъ устъ, но мало—изъ сердца. Помогите мнѣ, если можете, пятью-стами руб. сер., а не можете, — то хоть тремя-стами. Бога призываю въ свидѣтели, что деньги Ваши не пропадутъ»¹⁾. Погодинъ отвѣчалъ уклончиво и въ вѣжливой формѣ далъ отказъ. «Сію минуту, поздно вечеромъ, возвратился домой и прочелъ Вашу записку», писалъ на это Иванъ Ермолаевичъ: «Благодарю, что Вы не оставили меня безъ отвѣта, но изъ Вашей записки ясно вижу только то, что Вы не можете ссудить меня деньгами. Извиняюсь же въ моей просьбѣ, но извиняюсь тѣмъ, что я обратился не столько къ Вашему карману, сколько къ Вашему сердцу, потому что кармановъ много, но безъ сердцецъ. При томъ я вспомнилъ о Вашей запискѣ ко мнѣ, когда я выигралъ 60.000 р. асс., изъ которыхъ получилъ 40. Вы тогда находили, что я долженъ удѣлить что-нибудь Шафарику, а когда я привезъ Вамъ для него четыреста, то Вы съ Ольгой Семеновной Аксаковой находили, что я долженъ былъ дать тысячу. Все это обнадевивало меня, что я не останусь въ настоящемъ моемъ положеніи безъ участія съ Вашей стороны. Что касается прочаго содержанія Вашего письма, то сначала я не разобралъ его, а потомъ сожалѣлъ, что разобралъ. Вы пишете, что весь медицинскій факультетъ готовъ пріѣхать на консультацію къ дочери Мудрова, что Университетъ отведетъ ей комнату и что Вы уже и писали къ нѣкоторымъ (!!!!), наконецъ, чтобы я не вступался въ это дѣло, потому что я хотя и прекрасный гражданинъ, но не сего міра и дѣлъ никакихъ дѣлать не умѣю. Позвольте, со всею почтительностію, отвѣчать Вамъ на это, что за участіе благодарю, даровыми посѣщеніями докторовъ я пользоваться не намѣренъ, тѣмъ болѣе, что они этого не любятъ, а о Мудровѣ давно забыли, ежели еще не бранятъ; что отдавать мою жену въ Университетскую больницу я постыжусь, а какъ вести мои дѣла,— то знаетъ мой умишко, который совѣтовъ ни у кого не проситъ. Конецъ вѣнчаетъ дѣло. Пожалуйста, не разсердитесь: не съ тѣмъ пишу, чтобы огорчить Васъ. Но, по прочтеніи Вашей записки, мнѣ сдѣлалось тошно.

1) Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. X, С.-Пб. 1898, стр. 374.

Вѣроятно, она подѣйствовала на желчь, которая въ 55 лѣтъ легко отъ такихъ рѣчей раздражается. — Я разорвалъ на части. . . Къ кому изъ докторовъ писали Вы? Что Вы писали? Кто просилъ Васъ о томъ? Это удивляетъ и оскорбляетъ меня. Конечно, это легче, нежели дать денегъ, но такая непросимая услуга хуже, нежели отказъ въ деньгахъ»¹⁾.

На другой день, поуспокоившись немного, Иванъ Ермолаевичъ написалъ Погодину другое письмо, въ которомъ говорилъ слѣдующее: «Вчера я отвѣчалъ на Вашу записку словомъ «благодарю», потому что другого нечего было отвѣчать; но какъ она содержитъ сильное негодованіе на духъ, въ которомъ было послѣднее мое письмо, то я сейчасъ перечиталъ первое, отъ Васъ полученное. Вотъ, послѣ сорока восьми часовъ я и хладнокровнѣе; а все-таки скажу, что нельзя было принять Вашихъ словъ равнодушно. Въ моемъ положеніи они почти насмѣшка, а въ мои лѣта — глубокое оскорбленіе. При томъ, не мало не сомнѣваясь въ участіи душевномъ, я искалъ того участія дѣломъ, о которомъ Вы пишете. Неужели оно состоитъ въ намѣреніи написать къ Страху²⁾ и Гульковскому. Обращаясь къ Вашей справедливости, я пишу эту записку, съ цѣлью остаться съ Вами въ прежнихъ отношеніяхъ, въ которыхъ до сего времени не проходило ни одного облачка. Между тѣмъ, мое положеніе дѣлается съ каждымъ часомъ ужаснѣе. Послѣ Васъ моя надежда была на управляющаго здѣшнею Коммиссаріатскою Коммиссіею — генерала Шулепникова, служившаго юнкеромъ у меня въ ротѣ. Вчера хотѣлъ писать къ нему — и вдругъ узнаю, что онъ — въ холерѣ. Его жаль душевно, и мое въ этомъ видно особое несчастіе. Я не объяснилъ Вамъ въ послѣднемъ письмѣ, что къ маю мѣсяцу ожидаю денегъ изъ казны; слѣдовательно, я просилъ у Васъ только до мая; повторить просьбу не смѣю, но если Вы пришлете хоть 200, хоть 150, наконецъ, хоть 100 рублей серебромъ, то сдѣлаете величайшее мнѣ добро, тѣмъ болѣе, что дѣла мои требуютъ скорой поѣздки, дня на два, въ Петербургъ, а я останавливаюсь ѣхать даже и къ Броку, для приглашенія его къ женѣ, потому уже нѣтъ и на извозчика. Посылаю эту записку по городской почтѣ для того, чтобы

1) *Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 374—375.*

2) Петру Ларионовичу, женатому на одной изъ воспитанницъ М. Я. Мудрова.

не вынуждать Васъ на отвѣтъ, непріятный для Васъ въ случаѣ отказа; но стану то-и-дѣло посматривать на дверь, не входитъ ли въ нее мужичекъ съ бородкой, принесшій отъ Васъ вчерашнюю записку»¹⁾).

Изъ положенія дѣлъ Великопольскаго можно видѣть, что участь его такъ и не облегчилась до самаго дня его смерти. Не помогли ему и разныя другія предпріятія, къ которымъ онъ обращался въ надеждѣ поправить свои дѣла, какъ, напримѣръ, взятый имъ на себя, въ компаньонствѣ съ нѣкимъ Трувеллеромъ, подрядъ на поставку изъ Зубцовскаго своего имѣнія лѣсу въ Тверь для моста черезъ Волгу. Дѣло было выгодное, но Иванъ Ермолаевичъ, по словамъ его дочери, какъ человѣкъ крайне непрактичный, и тутъ, вмѣсто барышей, получилъ одни убытки: «онъ доставилъ весь матеріалъ въ Тверь водою къ сроку, но Трувеллера тамъ не было, и никто не былъ уполномоченъ имъ принять лѣсъ. Каждый благоразумный человѣкъ засвидѣтельствовалъ бы свою исправность полиціи и потомъ взыскалъ бы стоимость убытковъ съ компаньона, а отецъ своими рабочими вытаскалъ дерева изъ воды и караулил ихъ, а Трувеллеръ пріѣхалъ и забраковалъ лѣсъ... И вотъ они другъ съ друга стали требовать ежедневную неустойку и каждый насчиталъ свыше 90.000 рублей; судились много лѣтъ, тратили гербовую бумагу, вносили пошлины и дошли до Сената, который, рассмотрѣвъ дѣло, окончилъ его въ десяти строкахъ и въ 90 или 93 копѣйкахъ»²⁾).

Къ такимъ же неудачнымъ опытамъ относится и устройство, въ концѣ 1850-хъ годовъ, фабрики сигаръ въ Чукавинѣ и много другихъ подобныхъ предположеній. Уже въ послѣдніе годы жизни Иванъ Ермолаевичъ задумалъ разыграть въ лотерею имѣвшійся у него замѣчательный портретъ Шекспира³⁾, но не получилъ на то надлежащаго

1) *Н. П. Барсуковъ*. Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 375—376.

2) См. «Сборникъ рѣшеній Правительствующаго Сената», т. I. Рѣшенія первыхъ трехъ Департаментовъ и Департамента Герольдіи (1835—1864 г.). С.-Пб. 1864, стр. 897—899.

3) Этотъ портретъ онъ получилъ, въ 1830-хъ годахъ, отъ «одного доктора», которому онъ достался отъ бѣдной пациентки. Описание портрета со снимкомъ съ него было помѣщено въ № 23 *Иллюстраціи* за 1858 г.; въ 1864 г., въ виду наступающаго 300-лѣтняго юбилея дня рожденія Шекспира, Иванъ Ермолаевичъ написалъ статью въ *Голосъ* (№ 75), рассчитывая на то, что извѣстіе о портретѣ дойдетъ до Шекспировскаго Общества, которое пожелаетъ приобрести портретъ за приличную

разрѣшенія и отправилъ черезъ Англійскаго консула въ Петербургѣ Ѳ. И. Мичелля въ Лондонъ, въ Шекспировское Общество; вскорѣ затѣмъ онъ умеръ, а дочь его — Н. И. Чаплина — уже не могла добиться возвращенія портрета изъ Англїи: просвѣщенные мореплаватели оставили себѣ эту рѣдкость на память.

Литературныя предпрїятія, какъ мы уже видѣли выше, также не переставали занимать Ивана Ермолаевича, и даже въ самыя тяжелыя времена своей жизни онъ не разъ появлялся въ печати. Такъ, напримѣръ, въ 1856—1858 г.г. онъ задумывалъ издавать сочиненія своего тестя Мудрова и хлопоталъ передъ духовною цензурою о разрѣшеніи ему напечатать трудъ Матвѣя Яковлевича «Духовное врачество»¹⁾; въ 1864 году намѣревался переиздать уничтоженнаго въ 1841 году «Янетерскаго»²⁾. Наконецъ, уже совсѣмъ незадолго до своей смерти предполагалъ приступить къ изданію сборника «27 басенъ и сказокъ Ивельева» и своей лирической драмы «Чудо Перуна»³⁾, сюжетъ которой былъ взятъ имъ изъ древняго славянскаго быта, — съ посвященіемъ ея бывшимъ въ Россіи въ 1867 г. «славянскимъ гостямъ». «Къ настоящему изданію въ свѣтъ этого моего сочиненія», говорилъ онъ въ приведенномъ выше воззваніи: «побудило меня особое стремленіе. Заключительный хоръ драмы свидѣтельствуетъ, что панславическая мечта уже занимала меня въ то время, когда она еще не высказывалась въ гласныхъ желаніяхъ всеславянскаго духовнаго объединенія. Послѣ же съѣзда славянъ на Этнографическую Московскую выставку, когда смыслъ панславизма окончательно опредѣлился тѣмъ объединеніемъ, я также, хотя въ значеніи послѣдняго члена въ обширномъ братствѣ, заявляю себя однимъ изъ горячихъ и давнихъ его сторонниковъ. — Исполняю это заявленіе изданіемъ настоящаго моего сочиненія подъ истиннымъ, на этотъ разъ, полнымъ моимъ именемъ, рядомъ съ псевдонимомъ, подъ которымъ я печаталъ произведенія моихъ зрѣлыхъ лѣтъ, и посвящая его «бывшимъ въ Россіи въ 1867 году славянскимъ гостямъ».

сумму. Но Общество, по отправленному Великопольскимъ описанію и снимку съ портрета, усомнилось тогда въ его подлинности.

1) Подробности см. въ статьѣ моей «Изъ архива И. Е. Великопольскаго» въ *Русскій Старикъ* 1901 г., № 6, стр. 629—634.

2) Тамъ-же, стр. 628—629.

3) См. выше.

Но ни то, ни другое изданіе, предполагавшееся къ выходу въ апрѣлѣ 1868 г., не могло уже состояться.

Мы заключимъ нашъ очеркъ приведеніемъ любопытнаго письма Ивана Ермолаевича къ Анатолю Федоровичу Кони¹⁾, съ отцомъ котораго, извѣстнымъ литераторомъ, Федоромъ Алексѣвичемъ, Великопольскій былъ въ давнихъ дружескихъ отношеніяхъ²⁾. Анатолій Федоровичъ зналъ Ивана Ермолаевича еще со времени своего дѣтства, но болѣе близко познакомился съ нимъ въ первой половинѣ 1860-хъ годовъ, будучи на одномъ изъ старшихъ курсовъ юридическаго факультета Московскаго Университета, и отъ этого знакомства сохранилъ самыя лучшія воспоминанія. По словамъ его, Иванъ Ермолаевичъ былъ человѣкъ чрезвычайно добрый, сердечный и отзывчивый, готовый поѣлиться съ нуждающимся ближнимъ послѣднимъ, что только имѣлъ; онъ живо интересовался, несмотря на свой преклонный возрастъ и привычки богатаго барина-помѣщика, преобразованіями Александрова времени, — и между молодымъ студентомъ и поломаннымъ судьбой старикомъ не разъ происходили затягивавшіеся далеко за полночь оживленные споры по разнымъ современнымъ вопросамъ. Иванъ Ермолаевичъ внимательно слѣдилъ не только за беллетристикой, но и за научною литературой. Его молодой собесѣдникъ прежде, чѣмъ перешелъ на Юридическій факультетъ въ Москву, слушалъ математику и естественныя науки въ Петербургскомъ Университетѣ и помнитъ, что Великопольскаго очень занимала и даже волновала теорія происхожденія видовъ Дарвина, съ которою онъ ознакомился по переводу Рачинскаго и по поводу которой онъ не разъ высказывалъ оригинальные взгляды, полныя наблюдательности. Анатолій Федоровичъ помнитъ также, что Иванъ Ермолаевичъ приходилъ въ восторгъ отъ появившейся тогда поэмы Майкова «Смерть Люція»³⁾. — Послѣдній разъ Анатолій Федо-

1) Пользуемся случаемъ, чтобы выразить глубокоуважаемому Анатолю Федоровичу нашу искреннюю признательность за сообщеніе этого интереснаго документа и своихъ воспоминаній объ И. Е. Великопольскомъ.

2) О. А. Кони высоко ставилъ Ивана Ермолаевича, какъ человѣка, но не вводилъ его въ заблужденіе, когда дѣло касалось его произведеній. (См., напр., выше — отзывъ въ *Лантесонъ* о «Памяти Бородинской битвы».)

3) *Русскій Вѣстникъ* 1863 г., февраль; ср. Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова, изд. 7-е, т. IV, С.-Пб. 1901, стр. 367—428.

ровичъ видѣлся съ Великопольскимъ въ концѣ 1865 года. Узнавъ, что окончившій курсъ молодой юристъ колеблется въ выборѣ между судебною службою и приготовленіемъ себя къ каедрѣ уголовного права, старикъ пришелъ къ нему, въ маленькую студенческую квартиру на Малой Бронной и, хотя возлагалъ большія надежды на новыя суды, горячо убѣждалъ его предпочесть практической дѣятельности науку, предъ которой благоговѣлъ. Вотъ что писалъ Великопольскій въ упомянутомъ письмѣ отъ 13-го мая 1865 года изъ Чукавина: «М. Г. Анатолій Ѳедоровичъ! Въ послѣднемъ Вашемъ ко мнѣ письмѣ Вы, не объяснивъ мнѣ, остались-ли Вы съ Вашею маменькою на прежней Вашей квартирѣ — на Сивцевомъ Вражкѣ, въ домѣ Капустина, или перѣехали на другую, сообщили, чтобы отвѣчать Вамъ просто въ Университетъ, студенту юридическаго факультета, какъ я и отвѣчалъ Вамъ. Поэтому теперь, хотя я и самъ располагаю быть въ Москвѣ очень не въ продолжительномъ времени, мнѣ удобнѣе снестись съ Вами письмомъ, нежели, приѣхавъ безъ человѣка, отыскивать Вашу квартиру. А я имѣю къ Вамъ слѣдующую просьбу.

Я приготовилъ къ изданію брошюру: «Три важные для государства проэкта: 1) Внутренняго займа, выгоднаго для казны и для народа, 2) Переводныхъ денежныхъ листовъ Почтоваго вѣдомства и 3) Гласнаго суда, равно примѣнимаго какъ къ старымъ, еще существующимъ, такъ и къ предстоящимъ, по изданнымъ уставамъ, новымъ судебнымъ порядкамъ».

Вы можете видѣть уже изъ одного содержанія, что брошюра выйдетъ довольно пространныя, такъ что можно натянуть ее, избравъ покрупнѣе шрифтъ, на 10 листовъ и тѣмъ избавиться, по новымъ цензурнымъ правиламъ, отъ предварительной цензуры. (Это освобожденіе отъ предварительной цензуры есть, впрочемъ, чистый миѳъ законодательства, самая даже неловкая ловушка простаковъ къ восхваленію либерализма полезныхъ для Россіи дѣйствій П. А. Валуева. По ст. 13-й «сочиненіе, напечатанное безъ предварительной цензуры, можетъ быть вышущено въ свѣтъ не прежде, какъ по истеченіи трехдневнаго срока съ полученія росписки въ принятіи Цензурнымъ Комитетомъ законнаго числа экземпляровъ», — а въ эти три дня его и цапъ-царапъ! Извольте перепечатывать, если хотите издать, да еще выдержать цѣлый судебный процессъ! Не лучше-ли по-старому: все цензиро-

вать?). Во всякомъ случаѣ, я не желаю печатать безъ цензуры, тѣмъ болѣе, что новыя правила будутъ введены съ сентября, а я имѣю причины торопиться изданіемъ. Но для меня не удобно представить всю рукопись на предварительное разсмотрѣніе: во 1-хъ—надобно для этого отдать въ чистую переписку, а для этого потребуются время и издержки, — у меня же нѣтъ ни времени, ни денегъ; во 2-хъ: я такъ имѣлъ мало досуга для окончательной отдѣлки сочиненія, что неминуемо придется дѣлать большія поправки и перемѣны во время самаго напечатанія. Всѣ это объяснивъ С.-Петербургскому Цензурному Комитету прошеніемъ, посланнымъ 23-го апрѣля изъ деревни, я просилъ о дозволеніи мнѣ представлять на предварительную цензуру корректурные листы, но отъ 5-го мая за № 356 получилъ слѣдующій отвѣтъ:

«Канцелярія С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета имѣетъ честь увѣдомить Васъ, м. г., что на основаніи 62 § Устава Ценз. просьба о дозволеніи печатать сочиненія Ваши—прокты внутренняго займа, переводныхъ денежныхъ листовъ и гласнаго суда, съ представленіемъ на просмотръ цензуры въ корректурахъ, не можетъ быть удовлетворена».

У меня подъ рукою нѣтъ Цензурнаго Устава, но, сколько я помню, то предварительное разсмотрѣніе журналовъ и газетъ опредѣлено дѣлать въ корректурныхъ листахъ, но нѣтъ воспрещенія, которое послужило бы препятствіемъ къ такому же разсмотрѣнію и другихъ отдѣльныхъ изданій, если Цензурный Комитетъ найдетъ это удобнымъ и возможнымъ. Гораздо же удобнѣе и для цензора читать не рукопись, а корректурные листы. Лѣтъ 15 тому назадъ одно мое сочиненіе мнѣ даже и дозволено было печатать такимъ образомъ¹⁾. Какъ бы то ни было, затрудненіе, въ которое вошелъ, по настоящей моей просьбѣ, С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ, не можетъ имѣть въ себѣ ничего обязательнаго для Московскаго Цензурнаго Комитета.

Не сдѣлаете ли же Вы мнѣ одолженія переговорить объ этомъ лично съ предсѣдателемъ Московскаго Цензурнаго Комитета, не скрывая отъ него содержанія бумаги, полученной мною отъ Петербургскаго.

Я былъ здѣсь цѣлыхъ двѣ недѣли и, только что поправляясь, со-

1) Не знаемъ, какое сочиненіе имѣетъ здѣсь въ виду Иванъ Ермолаевичъ; нѣкоторыя онъ издавалъ и безъ имени, и даже безъ псевдонима, почему они и остались намъ неизвѣстными.

бираюсь завтра или послѣ-завтра ѣхать въ Петербургъ, не заѣзжая въ Москву, какъ располагалъ прежде; но въ Петербургѣ пробуду, вѣроятно, не болѣе недѣли или двухъ и думаю побывать въ Москвѣ, гдѣ начну немедленно и печатаніе, если Московскій Цензурный Комитетъ окажется храбрѣе Петербургскаго. Сдѣлайте же одолженіе, не оставьте безъ вниманія моей къ Вамъ просьбы и поспѣшите отвѣтомъ, адресовавъ его въ Петербургъ, до востребованія, такъ какъ прежнюю квартиру я оставилъ, а гдѣ буду жить — еще не знаю.

Свидѣтельствуя мое душевное почтеніе Милостивой Государынѣ Иринѣ Семеновнѣ, я непременно буду имѣть честь посѣтить ее (разумѣется и Васъ), если Вы сообщите мнѣ адресъ квартиры.

Сейчасъ возвратился съ прогулки и очень утомился. Не знаю, какъ выдержу дорогу. Многоуважающій Васъ И. Великопольскій».

Такъ писалъ сохранившій юношескую бодрость семидесятилѣтній старикъ, до конца дней своихъ не терявшій вѣры въ людей и въ лучшее будущее, съ сочувствіемъ встрѣчавшій всѣ реформы просвѣщеннаго Александра царствованія. И хотя вся жизнь его представляетъ собою рядъ неудачъ, недоразумѣній и разочарованій, хотя онъ не оставилъ намъ въ наслѣдство ни высокихъ литературныхъ произведеній, ни вещественныхъ богатствъ, мы все-таки не можемъ не поблагодарить его за то, что своею жизнью онъ показалъ намъ хорошій примѣръ, какъ человѣкъ безусловно честный, всегда къ чему-нибудь стремившійся и, несмотря на кажущуюся погоню за наживой, — совершенно безкорыстный. Вся разгадка жизненной драмы Великопольскаго состоитъ въ томъ, что онъ, будучи, по выраженію Погодина, «гражданиномъ не сего міра», брался за дѣла, вершить которыя могутъ лишь люди съ болѣе практическимъ умомъ и съ болѣе растяжимой, чѣмъ была у него, совѣстью...

Борисъ Модзалевскій.

ПАМЯТИ

ЛЕОНИДА НИКОЛАЕВИЧА

МАЙКОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

Вас. Остр., 9 лин., № 12

1902